

СМЕНА

№ 2 ЯНВАРЬ 1981

УТРО НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Анатолий
ЩЕРБАКОВ

КОММУНИСТ

СТРАТЕГИ

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
НА 1981—1985 ГОДЫ И НА

Огромный город
сбрасывает сон.
Поют гудки.
Начало смены скоро.
Встает рассвет,
светлеет небосклон—
Не оторвать
от горизонта взора.

Да, ветеранам
помнится война,
Информбюро,
Прожекторов
сполохи...
Но, вдвое краше
прежнего, страна
Живет уже
в космической эпохе.

В рядах
коммунистических
бригад—
В цехах, в полях—
И дело тут
не в ранге,
Не в званье,
Не в достоинстве
наград—
И ныне коммунист
на правом фланге.

И долг его—
Вторгаться в жизнь,
пока
Он полон сил и воли
непреклонной,
Хранить,
Как стяг
гвардейского полка,
Билет свой с цифрой
многомиллионной.

ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗОБЩЕННОСТИ

В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии говорится о необходимости довести объем добычи газа в 1985 году до 600—640 миллиардов кубометров. В выполнении этих планов важная роль отводится газодобытчикам Западной Сибири.

Всего два года прошло со времени ввода в эксплуатацию первой на Уренгое— крупнейшем газоконденсатном месторождении Тюменщины— установок комплексной подготовки газа. За это время в Уренгое добыто около 80 миллиардов кубометров голубого топлива. Поток его возрастает с каждым месяцем. Если в начале прошлого года каждые сутки мы извлекали из недр по 100 миллионов кубометров газа, то к концу года ежесуточная добыча превысила 200 миллионов кубометров. Ускоренный ввод объектов добычи и транспортировки газа, грамотная работа промысловиков, постоянное совершенствование технологических процессов, модернизация оборудования позволили вести освоение месторождения в два раза более быстрыми темпами, чем это было совсем недавно на соседнем месторождении— Медвежьем. Это результат прежде всего большого внимания и помощи, оказываемых уренгойцам всей страной, результат самоотверженности и упорства самих северян. В нелегких условиях Приполярья сложились крепкие трудовые коллективы, гордость которых такие энтузиасты своего дела, как Г. Князева, В. Захаренков, Г. Чернова, С. Пашин, А. Петрунин, В. Кушарев, и многие другие. Замечательную трудовую закалку проходит здесь молодежь. И очень приятно, что именно молодые коммунисты В. Губин и В. Лысов, возглавляющие комсомольско-молодежные коллективы, первыми в объединении рапортовали о досрочном выполнении планов десятой пятилетки.

Но если смотреть на достигнутое с высоты задач, намеченных Основными направлениями экономического и социального развития страны, то сделанное нужно считать только началом. Русло газовой реки— система магистральных трубопроводов Уренгой—Челя-

бинск— позволяет принять гораздо большее количество газа, но его подача сдерживается медленным темпом обустройства самого месторождения. Подразделения Миннефтегазостроя, Минэнерго, Минтрансостроя, занимающиеся обустройством, не обеспечивают своевременного ввода промышленных сооружений, жилья и объектов соцкультбыта, предусмотренных планами.

Основная причина отставания строительных подразделений, сосредоточенных в Новом Уренгое, это, на наш взгляд, ведомственная их разобщенность, слабая материально-техническая база. На перевалочных базах и в самом Новом Уренгое существуют многочисленные, но слабые снабженческие организации, неспособные решать сложные вопросы материально-технического снабжения всего огромного комплекса. В проекте Основных направлений развития страны говорится о необходимости мер, направленных на преодоление ведомственной разобщенности, правильное сочетание отраслевого и территориального управления, о необходимости четко определить сферы деятельности строительных министерств, сократить звенность и количество мелких самостоятельных организаций. Это абсолютно правильные положения. Исходя из уренгойского опыта, хочется лишь дополнить их предложением— для концентрации работ соответствующим министерствам целесообразно в осваиваемых районах, особенно Сибири и Дальнего Востока, создавать свои главки. Назрела необходимость решать вопросы освоения новых перспективных районов еще более комплексно и масштабно.

Иван НИКОНЕНКО,
директор
производственного объединения
«Уренгойгаздобыча»,
лауреат Государственной
премии СССР

ГОТОВИТЬ ТВОРЦОВ

В тот день, когда в газетах был опубликован проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии, в

парткоме МАДИ разместились модели модернизированных дорожных машин, экспонировавшиеся на ВДНХ. Я смотрел на сверкающие яркой краской детали машин и думал: вот один из путей повышения эффективности использования научного потенциала высших учебных заведений для решения народнохозяйственных задач, на которые конкретно нацеливает нас партия в XI пятилетке. Их создали студенты-магистры, занимающиеся в институтском научно-техническом обществе. Скоро опытный образец экскаватора, ковша которого наши автодорожники «научили» захватывать длинномерные грузы, будет строить на Калининском экскаваторном заводе.

Что нужно делать, чтобы научный потенциал вузов еще полнее и эффективнее использовался в решении народнохозяйственных задач, о чем говорится в III разделе проекта Основных направлений? Думается, что прежде всего надо стремиться к тому, чтобы отдача от студенческих научно-технических обществ была столь же весома, как сегодня весома эффективность студенческих стройотрядов. Для того, чтобы эта идея успешно воплощалась в жизнь, необходимо использовать уже накопленный опыт и практику.

Например, у нас созданы комплексные студенческие научно-исследовательские и внедренческие отряды. Их цикл круглогодичен: по тематике хозяйственных договоров в течение учебных семестров студенты трудятся в СКБ, на кафедрах и в лабораториях института, летом ведут опытно-производственные работы на объектах. Внедренческие научно-исследовательские разработки ложатся в основу курсовых и дипломных проектов. Все это позволяет сокращать время адаптации молодых специалистов, поднимать на качественно новый уровень кадровые резервы производства. В связи с этим хотелось бы III раздел проекта ЦК КПСС, там, где речь идет о совершенствовании подготовки, повышении квалификации и аттестации научных и научно-педагогических кадров, дополнить словами: «...а также подготовку и переподготовку инженерных кадров».

В чем мы видим резервы решения поставленных задач? В организации и планировании

Я РАЗВИТИЯ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР ПЕРИОД ДО 1990 ГОДА»

научных исследований на программно-целевой основе, в углублении практики инженерного анализа в учебном процессе. Усилению взаимосвязи науки и производства послужат и договор МАДИ о творческом содружестве с минским объединением «Белавтомаз», ярославским «Автодизелем», НАМИ, первым автокомбинатом Главмосавтотранса. Плоды этого содружества налицо: благодаря разработкам институтских ученых за последние годы значительно увеличен пробег автомашин, снижена трудоемкость их техобслуживания и ремонта.

Таков подход коммунистов и комсомольцев МАДИ к задачам, поставленным партией в одиннадцатой пятилетке.

Виталий АПСИН,
секретарь парткома Московского
автомобильно-дорожного института,
кандидат технических наук

УКРЕПЛЯТЬ БРИГАДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Десятая пятилетка оказалась для нашей бригады довольно необычной. Сразу со старта мы начали строить дома новой серии. Времени на прощупывание не было. Все притирки, поиски шли прямо на стройплощадке. Хотя и назывались дома экспериментальными, от этого они не переставали быть жилыми. И строить каждый нужно было так, чтобы в нем можно было именно жить и жить удобно. Темпы мы набрали довольно быстро. Взяли обязательство выполнить пятилетку к 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Выполнили к 30 декабря 1979 года. За последний год пятилетки построили еще восемь шестнадцатизэтажных домов, а это тысяча квартир новой планировки. Таким стал наш подарок XXVI съезду партии.

С проектом ЦК КПСС в бригаде знакомилась детально. Но, разумеется, отдельно и особо основательно с разделом седьмым — о капитальном строительстве. Тут уж каждая строчка за живое берет.

О чем больше всего говорили? О том, что

необходимо так организовать дело, чтобы каждый раз был персональный ответчик за конечный результат — за дом, в котором живут люди. У нас пока этого нет. Потекла в доме, который монтировала бригада, сантехника, вслучился паркет, отваливается штукатурка — пишут гневные письма в адрес бригады Суворовцева. А мы тут ни при чем. Истинные виновники в бригаду не входят, мне не подчиняются. И потом сегодня на нашем доме одни работали, завтра — другие — какой с них спрос. Не строители, а «анонимщики» какие-то.

Вот мы и говорим: дайте их нам в бригаду. Будут они нашими, мы и научим, если надо, и заставим, если потребуются. Чтобы бригада действительно могла сказать: «Наш дом. За любой брак с нас спрашивайте». Но у нас вместо этого при комбинате создали управление маляров со всем соответствующим штатом — заместителями, кадрами, бухгалтерией. Ведь тут сколько рабочих рук даром, на наш взгляд, пропадает! Мы убеждены, что такая специализация не нужна, надо как можно шире развивать комплексность.

Как всегда, много говорили о малой механизации. Бульдозеры, скреперы, краны, экскаваторы — это все у нас есть. А вот о малой механизации, похоже, никто не думает, никто ею не занимается. От носилок, кувалды, отвертки мы еще не ушли. Вот почему мы считаем, что в проекте Основных направлений необходимо указать: **конструкторам разработать новые, отвечающие современному уровню средства малой механизации.**

Анатолий СУРОВЦЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной
премии СССР,
заслуженный строитель РСФСР,
бригадир ДСК-1 Главмосстрой.

ДОЛЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вникая в смысл проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии, явственно видишь, что все его

разделы так или иначе касаются молодежи, Ленинского комсомола, их жизни и деятельности. Это и понятно, ведь более половины населения нашей страны составляет молодежь. И с каждым годом, с каждой новой пятилеткой их доля участия в решении общегосударственных задач все более возрастает.

Есть в проекте Основных направлений раздел, непосредственно относящийся к нам, пермякам. Партия ставит задачу на одиннадцатую пятилетку — ввести в действие мощности на Пермской ГРЭС. Сегодня на этой важнейшей областной стройке уже работает свыше тысячи юношей и девушек, большинство из которых — члены ВЛКСМ. Но вот комсомольско-молодежных коллективов здесь пока маловато. А ведь КМК — это не только смелый почин, внедрение и развитие передовых методов организации труда, но и прекрасная школа идейно-нравственного воспитания работающей молодежи. Обком комсомола поэтому видит свою задачу в том, чтобы как можно больше молодых строителей Пермской ГРЭС были членами комсомольско-молодежных коллективов.

Возможности для вдохновенной работы у комсомольской организации ГРЭС есть. Не случайно на ее базе проводятся областные конкурсы профмастерства, действуют школы передового опыта. Своими силами комсомольцы построили новый клуб, а разместившаяся в нем дискотека является лучшей в области. Отлично работают победители областного социалистического соревнования: комсомольско-молодежный экипаж экскаваторщиков Владимира Кондрашева, комсомольско-молодежная бригада отделочников Татьяны Рудаковой, выступившая с инициативой — в преддверии XXVI съезда КПСС производственные задания выполнять на 120 процентов.

Думается, что было бы целесообразно внести в XII раздел Основных направлений следующее дополнение: **«Повышать роль и значение комсомольско-молодежных коллективов в увеличении производительности труда и эффективности производства, в воспитании активной жизненной позиции молодежи».**

Планы партии величественны и вместе с тем совершенно конкретны, конкретным и существенным будет и вклад Ленинского комсомола в общенародное дело.

Валентин ЕРМОЛОВ,
первый секретарь
Пермского обкома ВЛКСМ

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК

Сразу заметил: ознакомившись с проектом Основных направлений и обменявшись первыми впечатлениями, люди через какое-то время переходят к адумчивому его осмыслению и обсуждению и начинают непременно с того, как они работали последнее время. Это всеобщее чувство: полное право участвовать в серьезном разговоре о важнейшем для нашей страны документе дает прежде всего настоящая работа, умение и желание делать дело. Нет этого за плечами — и разговор не складывается.

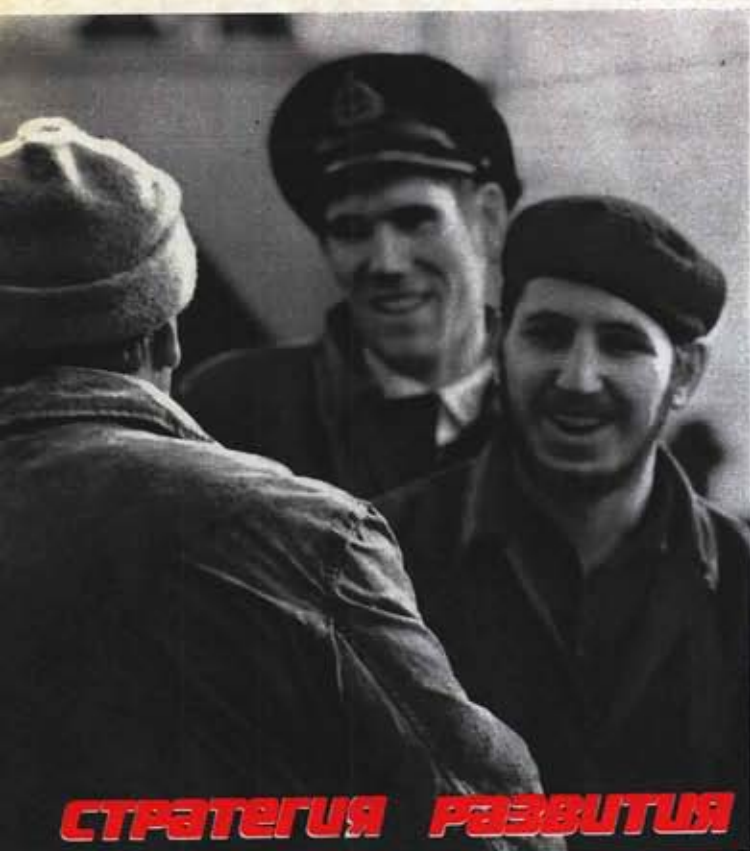
Для коллектива нашей комсомольско-молодежной установки синтетических масел проект Основных направлений — это и документ, затрагивающий дела будущие, и документ, по которому мы оцениваем и наш сегодняшний повседневный труд.

Во-первых, девятое десятилетие XX века для нашей бригады наступило еще в июле прошлого года — именно тогда мы рапортовали о выполнении пятилетнего задания.

Во-вторых, в проекте сказано: «Освоить крупнотоннажное производство ароматических углеводородов, жидких парафинов... Выпуск жидких парафинов на нашем заводе уже налажен и налажен неплохо. В 1981 году войдет в строй комплекс ароматики, и завод начнет вырабатывать ароматические углеводороды — продукцию, в которой остро нуждается народное хозяйство страны».

Должен признаться, это было радостно: знать, что предприятие, в достижении которого вложен и твой труд, на верной дороге, что идем мы правильно. Все это позволяет уверенно думать о завтрашнем дне.

Я пришел на завод из нашего СГПТУ-11. И

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

то, что я довольно быстро преодолел путь от машиниста до старшего оператора,— во многом заслуга училища. Мой пример один из многих. Вот почему я полностью согласен с пунктом проекта, где говорится о необходимости развивать сеть профессионально-технических учебных заведений как важнейшего источника пополнения народного хозяйства кадрами рабочих. Только я бы назвал этот источник — основным. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Радик МУНАЦИПОВ,
старший оператор комсомольско-молодежной установки синтетических масел Уфимского нефтеперерабатывающего завода имени XXII съезда КПСС

МЕЧТАТЬ, ВЕРИТЬ, ЗНАТЬ...

Во все времена искусство — будь то литература или живопись, театр или скульптура — стремилось создать образ человека будущего. Даже изображая негативные стороны жизни, художественное творчество несло в себе идею совершенствования личности, идею гармонии человека и мира. Вообще неуемное, негасимое желание провидеть грядущее, понять, вообразить во всей полноте и многогранности то, что предстоит человечеству через годы и десятилетия, всегда волновало сердца прогрессивных художников. Знакомо и близко это чувство и мне...

Многие годы своей кинематографической работы я посвящал образам двух великих мечтателей, отдавших весь свой блистательный талант строительству нового, справедливого общества и воспитанию нового, гармоничного человека, — Ленину и Горькому. До войны я снял трилогию по автобиографическим произведениям выдающегося пролетарского писателя, родоначальника социалистического реализма, а десять лет назад завершил третий фильм, повествующий о жизни гениального мыслителя, создателя первого в мире рабоче-крестьянского государства:

Прикосновение к этим образам предопределило очень многое в моей творческой судьбе, в художественных пристрастиях и человеческих взглядах. Постоянно думая о двух этих колоссах, которые сумели сделать нравственным подвигом свою жизнь потому, что титаническим трудом приближали наше замечательное сегодня и, несомненно, еще более счастливое завтра, я и сам причисляю отыскивать неоспоримые приметы будущего в современности.

Вот почему я с особым вниманием ознакомился с опубликованным в преддверии XXVI съезда нашей партии проектом ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Предельно конкретный и математически точный документ этот обладает ко всему прочему и огромной силой чисто эмоционального воздействия на серьезного читателя. Как ни многообразна и широка жизнь и деятельность нашей страны, ее целиком, во всех сколь угодно существенных проявлениях вобрала строгие строки этой программы развития общества и государства на ближайшее десятилетие.

Всенародное обсуждение проекта ЦК КПСС принесло всем нам знание того, как будет жить Советский Союз в обозримом будущем. Нам известно теперь, скажем, что продолжится активное развитие мирной атомной и термоядерной энергетики; что при существенном увеличении продукции легкой промышленности особое внимание будет уделено расширению производства и улучшению качества товаров для детей; что по-прежнему в центре внимания будет охрана уникальных природных комплексов, которыми так богата наша страна, и прежде всего Байкала; что населению будет предоставлено свыше 500 миллионов квадратных метров новой жилой площади, и при этом, как правило, по принципу выделения семье отдельной квартиры... За каждым пунктом, за каждой строкой этого документа ясно видна глубочайшая гуманность нашего общества, искренняя забота партии и государства о счастье и благополучии каждого человека.

Существенный раздел проекта ЦК КПСС адресован и нам, деятелям социалистической культуры и искусства. Совершенно справедливо и своевременно ставится задача «более полного удовлетворения многообразных духовных потребностей советских людей». Надо признать со всей прямотой, что при всех заметных достижениях советского искусства оно тем не менее не всегда оказывается на уровне заметной выросших запросов своей аудитории. Скажу даже больше: творчество советских художников, адресованное детям и юношеству, также не всегда соответствует нравственным исканиям молодого поколения. Коль скоро «Основные направления...» буквально в каждом своем разделе демонстрируют заботу партии о судьбах наших сыновей и внуков, я считаю необходимым особо оговорить возросшие требования к искусству для детей, которое, по меткому замечанию Горького, должно быть таким же, как и для взрослых, но только лучше. Возможно, на мой взгляд, такая редакция процитированной вы-

ше фразы: «...многообразных духовных потребностей советских людей, в особенности детей и молодежи».

Кинематографистов, представителей моего творческого «цеха», этот документ призывает «улучшить кинообслуживание населения, широко использовать кино в воспитательной и учебной работе». Я воспринял эти слова отнюдь не только как указание упорядочить, сделать более разумным и эффективным прокат уже созданных кинопроизведений, что само по себе дело чрезвычайно важное. Но я увидел здесь и непосредственную рекомендацию создавать больше таких кинолент, которые могли бы стать важными инструментами в воспитании подрастающих поколений, тех самых людей, которым в отличие от нас, ветеранов труда, предстоит активно действовать в будущем и последующих десятилетиях. А фильм для молодежи, педагогически полезное кинопроизведение, требует самого серьезного к себе отношения. Такая картина обязана нести и проповедовать коммунистические принципы нравственности, учить добру и мужеству и при этом не имеет права быть скучной, назидательной, декларативно-выспренней. Люди на экране должны быть прекрасны, должны служить образцами для подражания, и одновременно их надо показывать людьми живыми, узнаваемыми, лишенными признаков ходульных, плоских, трафаретных персонажей, которыми пестрят иные отечественные киноленты...

О многом заставляет задуматься этот масштабный документ. И самое главное, он несет в себе оптимистический взгляд на десятилетие, в которое мы вступаем. Мы знаем с уверенностью, что нас ждут мирные, счастливые годы, время больших стремлений и больших свершений.

Марк ДОНСКОЙ,
кинорежиссер,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

ЕСЛИ ЗА ДЕЛО БЕРУТСЯ СООБЩА

Кажется, это было не так уж давно. Несколько десятков кубиток на выжженной солнцем земле, полуобвалившиеся дувалы, крохотные огороды на берегу Вахша, которыми кормились жители никому не известного кишлака Нурек.

Все мои предки были дехканами. Готовился работать в колхозе и я. Так бы и случилось, если бы в дни, когда я заканчивал десятилетку, в нашем кишлаке не началось огромное строительство, обещавшее преобразить весь край.

Я хорошо помню первых строителей Нурека, приехавших в мой кишлак со всех концов страны. Их объединяла мечта — превратить Нурек в современный город, построить гигантскую плотину, напоить водой голодную землю, дать энергию промышленным гигантам моей и соседних республик. Стройка захватила и нас, нурекчан, и жителей соседних кишлаков. Колхозники стали бетонщиками, бульдозеристами, сварщиками, проходчиками. Тогда родилась и знаменитая «рабочая эстафета». Тысячи людей объединили свои знания, мастерство и опыт. Так было и будет всегда, если за дело берутся сообща.

Нет, пожалуй, сейчас человека, который не осмысливал бы значение проекта ЦК КПСС XXVI съезду партии. Весь дух этого документа проникнут заботой партии и правительства о благе нашего народа, о росте экономического могущества нашей Родины. Меня и моих товарищей наполняет гордость за свершенное нашим народом в минувшем пятилетии: за сотни введенных в строй заводов и фабрик, за сотни тысяч гектаров земли, возвращенных к жизни нашими мелиораторами, за новые квартиры, за миллиарды киловатт электроэнергии. В этом есть и частица труда нурекчан.

Впереди новые высоты, развернутая программа экономического мужания страны, духовного расцвета всех ее творческих сил. В этом научном, как бы я сказал, документе есть строки, которые волнуют меня особенно: «увеличить вклад каждой союзной республики в решение общегосударственных задач». В последнее десятилетие взнос Таджикистана в экономику страны становится все весомее. Хлопок и металл, электроэнергия и текстиль, технологическое оборудование и сырье — все это вносит моя республика в общую копилку страны. С пуском Рогунской и Байпазинской ГЭС энергетическая река республики, питающая города и заводы, станет еще полноводнее.

Очень важен, на мой взгляд, в Основных направлениях раздел, где говорится о размещении производительных сил в стране. Я хорошо знаю, как велика диспропорция в нашей республике между городским и сельским населением. И, несмотря на это, еще не охотно мои земляки переезжают из кишлаков в города, хотя земле их руки сейчас не так нужны, как нужны они в промышленных центрах. Это процесс естественный: ведь все больше техники приходит в село, и одна машина порой заменяет труд сотен людей. В то же время на вновь открывающихся предприятиях ощущается дефицит рабочей силы.

Взяв мой Нурек. Строительство гидроузла помогло стать высококвалифицированными рабочими тысячам бывших колхозников, сейчас они с успехом трудятся на других строй-

ках. Но не все так просто. В том же Нуреке уже который год не хватает работниц на швейной фабрике, хотя возле города немало кишлаков, где женщины не заняты ничем, кроме воспитания детей. Они бы с удовольствием пришли на фабрику, если бы было с кем оставить детей. Вот и получается, что недостаток детских дошкольных учреждений сдерживает рост промышленности в районе.

Я предлагаю дополнить раздел X проекта, и после слов «Расширить подготовку квалифицированных рабочих кадров из местного населения, особенно из сельской молодежи», на мой взгляд, нужно написать: «Создавать необходимые условия для профессиональной перееорентации тружеников села, закрепления их в промышленных зонах». Это обяжет руководителей на местах с большей ответственностью подходить к решению важнейших проблем.

Мухаббат ШАРИФОВ,
Герой Социалистического Труда,
бригадир комплексной бригады

ЧТОБЫ СЕЯТЕЛЬ БЫЛ И ХРАНИТЕЛЬ

Вчитываясь в строки проекта ЦК КПСС, видишь: впереди — огромное поле деятельности, нас ждет гигантская созидательная работа во всех сферах экономики и общественной жизни. В том числе и в области охраны природной среды.

К бесспорным преимуществам социализма мы относим, например, то, что природоохранные мероприятия, которые нашли отражение в обсуждаемом сегодня документе, научно обоснованы и входят органической составной частью в единую систему государственных заданий.

Но, стремясь к установлению гармонии между обществом и природой, мы не должны забывать: природоохранные проблемы, как, впрочем, и все другие, даже в обществе социализма не решаются автоматически. Стал очевидным факт: недостаток экологического воспитания населения оборачивается нашему государству большими материальными и моральными издержками. Сказывается это в большом и малом. Не раз мне приходилось быть свидетелем того, как современные дорогостоящие очистные сооружения бездействовали из-за того, что обслуживающий их персонал был слабо подготовлен и по незнанию не отдавал себе отчета, какой вред нанесет реке спуск загрязненных вод. Нередко мы видим такую картину в сельской местности: ведет тракторист свою машину через речку, остановит посередине, на стрежне, и

начнет мыть свой трактор, соскабливая с него маслянистую слизь. И вот поплыли по воде жирные цветистые круги.

Механизаторы — передовые рабочие сегодняшней деревни. Добрые дела вершат они на полях, на фермах, на сенокосных угодьях. Мощную технику доверила им страна. Да вот беда, иногда они неосознанно большой ущерб наносят земле нашей, полям колхозным, ручьям и рекам. Стоит на бульдозере сделать один заход, отвернуть пласт земли, сдвинуть его с места, и запруда на маленькой речке готова. Бесчисленное количество самодельных запруд, не согласованных ни с одной инспекцией, преградами встали на пути малых притоков. Повернуты русла рек Бия, Мурзинка, Черемша, что раньше впадали в Свиягу. На берегах больших и малых рек сейчас редко увидишь густоту зарослей тальника, шиповника, ольхи, черемухи. В тридцатых годах колхозы обязаны были следить за состоянием берегов и чистотой рек, протекающих в их угодьях. Теперь берега рек стали, по сути дела, ничейными, и кустарники рубят все, кому не лень. Напршивается вывод: решать проблемы охраны природной среды надо комплексно. Ясно и то, что экологическое воспитание населения — это один из главных китов, на котором покоится все дело гармонизации отношений между обществом и природой.

Недавно по инициативе комитета комсомола нашего института создан лекторий по охране природы. Первые занятия прошли успешно. Хорошо, если бы этот начин был поддержан. Убежден: подобные лектории нужно создавать во всех институтах, техникумах, профессионально-технических училищах, школах, на заводах, на фабриках и, разумеется, в колхозах и совхозах.

Лекция — это хорошо, но теория должна быть связана с практикой. Поэтому работу по экологическому воспитанию надо ставить на более солидную основу: создавать повсеместно «голубые» и «зеленые» патрули, агитбригады по природоохранному просвещению населения, дружины по борьбе с браконьерами. Подобная работа проводится, но ее необходимо поднять на качественно новый уровень. Поэтому и предлагаю в разделе IX, отведенном целиком вопросам охраны природы, в самом конце записать: «Значительно усилить экологическое воспитание населения».

Иван БЛОХИН,
старший преподаватель
Московского кооперативного
института,
руководитель проблемной группы
по экологической пропаганде МГУ
имени М. В. Ломоносова,
кандидат исторических наук

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1288) ЯНВАРЬ 1981

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
бригада
заслуженного
нефтяника СССР
бурового мастера
Ахата ЛАТЫКОВА
(Башкирия).

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
«СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ».
- 4 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
Николай КРИВОМАЗОВ. «С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕЛА...».
- 6 АВТОБИОГРАФИИ.
Николай КРЮЧКОВ, народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР.
«ТАКАЯ БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ».
- 9 Рассказ Станислава РОМАНОВСКОГО «ТАЕЖНЫЙ НОКТЮРН».
- 12 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
«АВТОБУС ВО ВСЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ».
- 15 Стихи Виктора ШИРОКОВА.
- 16 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ГОРОД НАД ОБЛАКАМИ».
- 18 ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ
«КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА».
Станислав ТОКАРЕВ. «МОНОЛОГИ МАКСИМАЛИСТОВ».
- 20 ОНИ НАЧИНАЛИ В «СМЕНЕ».
Анатолий СОФРОНОВ. «ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОНУ».
- 22 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24 Олег ИГНАТЬЕВ.
«АПОЛЛО» ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ».
Документальная повесть.
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

В № 1 «Смены» 1980 года под рубрикой «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость» был опубликован блок материалов «СОВЕСТЬ как категория экономическая». Сама постановка вопроса, затронутые в публикациях проблемы вызвали живой интерес читателей. Часть полученных откликов была напечатана в «Смене» № 16 за прошлый год.

Но на этом разговор не закончен. Тема «СОВЕСТИ как категории экономической» по-прежнему привлекает особое внимание читателей и авторов журнала. Репортажем с ударной комсомольской стройки — строительства города Новый Шагонар — редакция продолжает начатый разговор.

Николай КРИВОМАЗОВ

Комиссию возглавил заместитель начальника главка. Молодой, стремительный, знающий, он умел вникать в глубь вещей, и поэтому, узнав о коллективной жалобе строителей Нового Шагонара, прямо сказал: — Этим должно было кончиться. — А может, с этого наконец начнется нормальная работа? — подначил кто-то. — Как говорится, конец курицы — это начало бульона. Как вы считаете, Владимир Петрович? Болбат промолчал. Он всегда ценил умную шутку, но сегодня шутить не хотелось. Хотелось стукнуть кулаком по столу, поставить виноватого на ковер и крепко спросить! С начальника стройки Глазкова, с подрядных мехколлонн — со всех, кто снова завалил план квартала, года и продолжал довольствоваться малым. Даже не зная текста жалобы, Болбат мог заранее сказать, что в ней написано. «...ничем не оправдано гордое и ко многому обязывающее наименование Всесоюзной ударной комсомольской стройки... Годами тянется и никак не закончится сдача самых необходимых

объектов. Материально-техническое снабжение никудашное. Стройка в тяжелом положении: нет специалистов, не хватает рабочих рук, но и новых некуда принять — нет жилья, некуда деть детей, плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами. Нет элементарного бытового и медицинского обслуживания». И так далее — пять страниц. Но главное — главное! — в конце. Оно заставит верить хоть кого, что авторы письма не ноют, не брюзжат — по-государственному думают о деле. «Пройдет время, волны Саяно-Шушенского моря затопят старый Шагонар, а новый будет не готов». И сотня подписей. Что тут сказать? Все правильно. Все верно. В Туве у главка «Главкраснояркстрой» — треть годового плана. Солидный кусок. Но этот «кусок» станет поперек горла любому главку, думал Болбат, усаживаясь в кресле самолета и внимательно всматриваясь в лицо комиссии, спешно собранной для разбора жалобы. Мысленно разбирая письмо на части, он отдавал дела комсомольские товарищу из ЦК ВЛКСМ, кадры — товарищу из министерства, «разное» — своим заводделам, а себе заранее оставлял суть, заметную невооруженным глазом. «Плохо строим!» — кричалось письмо рабочих. Ну почему так долго, плохо, неумело и неправильно мы делаем не дом, не улицу, а целый город? Новый город! Предполагалось, ответ даст комиссия.

— Владимир Петрович! Болбат попробовал обернуться в своем узком самолетном кресле, но мешали ремни, и он, покосившись на световое табло, отстегнул их. — Слушаю вас. — Скажите, новый город будет красивым? — Обычным, — мгновенно ответил Болбат. — Сто тысяч квадратных метров жилья — годовой план строительной организации средней руки. — А красивым — нельзя? Болбат, все так же неуютно сидя в тесном кресле, мысленно заспорил с самолетостроителями: зачем так тесно в самолете? Тоже, видно, борются за экономию. — Нет, серьезно, — не унимался докучливый собеседник. — Вот когда столицу Бразилии перенесли на новое место — красиво получилось. — Это не Рио-де-Жанейро, — усмехнулся Болбат. — У нас задачи более земные: переселить людей из зоны затопления Саяно-Шушенским «морем». Высокая сейсмичность запрещает причудливую архитектуру, а доля денег от Саяно-Шушенской ГЭС позволяет строить лишь самое необходимое. — Пусть будет большей доля... — Нет. Все равно не выйдет. Отсутствие дорог и удаленность от привыч-

Они шли по пунктам письма, как по полочкам, мгновенно нащупывая самые болевые точки и определяя виновных, назначая ответственных за исполнение, раздавая выговоры и благодарности. В промтоварном магазине: — Костюмы есть? Костюмов нет. Иголки, мыло, носки, трусы, извиняюсь? Ясно... В общежитии: — Почему телевизор не работает? Где радиоточки, газеты, журналы? Где можно постирать белье? Почему нет буфета, хотя бы одного на четыре общежития? Под вечер Болбат скажется больным, попросит показать аптеку, но уже в полпятого она не работала, а на двери фельдшерского пункта висело: «Работаем с 9...» до скольки — не сказано. Фельдшер, естественно, не работал... — Или я чего-то не понимаю, или... — Болбат посмотрел на комиссию и, все еще не решаясь на обобщения, уселся за бумаги. Дело в том, сказали ему хозяева Шагонара, что приезд комиссии вроде бы и не нужен. Едва узнав о жалобе рабочих, здесь стали принимать меры. Уселись за стол переговоров шесть министров Тувинской республики и за каких-то полдня выработали мероприятия. Бытовое обслуживание обещает

С ТОЧКИ

восемнадцать видов услуг. Здравоохранение — скорую помощь, детского врача, «взрослого» врача. Потребительская кооперация запланировала срочное увеличение ассортимента, от мяса до мебели. И так — по каждой строчке жалобы. — А без письма не знали, что нужно народ кормить, лечить и развлекать? — Болбат помнил, что на риторические вопросы можно не отвечать, и с ходу задал новый: — Когда решили изменять дела? — Месяца полтора назад. — Так почему ж аптека не работает? Вот сейчас пригласим мы рабочих, писавших письмо, и станем перед ним, извиняться: так, мол, и так, извините нас, дорогие товарищи, что на комсомольской стройке пятый год не можем построить баню. Баню за пятилетку мы можем построить или нет? — Нет тепла... Ответ звучал смехотворно просто. — Значит, все упирается в тепло? Я правильно понял? Значит, сегодня самая пусковая стройка — это котельная? Так? Она задерживает сдачу многих домов, общежитий — так? Едем на котельную! Кавалькада легковых машин послушно потянулась на окраину новостройки. Порою количество членов комиссии обратнo пропорционально качеству проверки. Достаточно одного, но конструктивного нагоняя, думал Болбат. А потом случилось то, чего он боялся: сорвался, стал кричать. И немудрено. Куцая брига-

жизни превращают все наши проблемы в Проблемы с заглавной буквы. Один привозной кирпич вырастает в цене до стоимости булки хлеба, а по дороге каждая десятая панель автоматически выходит в брак. — Значит, никаких шансов улучшить дело? — Ну... Почему же... — Болбат неопределенно пошевелил пальцами в воздухе, но главного слова придумать не смог и попробовал отшутиться: — Шанс есть даже у приговоренного к смертной казни. Шутка получилась неудачной. Он и сам это понял и сделал вид, что задремал, и правда задремал, устало и легко. И даже в Шагонаре вспомнил, что славно отдохнул, что отсыпаться можно только в самолете. Час отдыха сказался — все проголодались, охотно согласились на обед и пошли к столовой, не успевая бросить взгляд на покатые горы, на Енисей, по берегу которого некогда проходила тропа Чингисхана. — Может быть, с дороги? — встречавшие не знали, как начать, но Болбат понял. — Никаких «может быть». Обедаем в общем зале. Как все. — А чуть позже спросил хозяев: — У вас для всех гарниром жареный картофель? Вы мне «потемкинской деревни» не устраивайте! Сколько с нас? А через миг его «ну-ну» звучало в продовольственном магазине у прилавка...

да самого пускового объекта полным составом грелась у костра, отдавая огню свежую дощатую опалубку.

— У нас что, леса поблизости много? — Болбат раздраженно обернулся. — Мне кто-нибудь ответит? — Молчание. — Здесь есть начальство или нет? — Он демонстративно посмотрел сквозь местное начальство. — Позовите бригадира!

Позвали бригадира.

— Давайте знакомиться. Заместитель начальника главка.

— Куулар.

— Скажите, Куулар, зачем вы доски жжете?

— Нет угля.

— Зачем долбите мерзлоту лопатами? Вы так много не наработаете.

— Нет отбойных молотков.

— Вы знаете свое задание на день?

— Нет наряда.

— Так, может, вам вообще здесь делать нечего?

— Верно. Нет фронта работ.

— На пусковом объекте года нет фронта работ. — Болбат снова повысил голос. — Ну, товарищи дорогие, вы так много не заработаете.

— И точно. Прошлый месяц вышло по сто рублей на брата.

Вот так.

Через час они усядутся за стол рядом с авторами письма и честно попытаются

Крыму. Пожалуй, согласился бы. Но... нет бани! Товарищи дорогие! Он даже приподнялся в кресле, готовясь нарушить спокойное течение разбирательства, и промолчал.

Единственным человеком, за весь разговор не промолвившим ни слова, был знатный бригадир Александр Ягодкин. Он слушал, кивал, только потом надумал и сказал что-то негромко, но веско. Его все услышали. «Тише!» Даже Болбат вернулся в кресло, готовясь услышать новую шпильку. Но он не угадал.

— Все верно, — сказал Ягодкин, не вставая с места. — Все-все устроим... Мы будем сладко есть и мягко спать, но главное не это.

Комиссия недоуменно переглянулась. Столько всего здесь перешали, а он говорит — не то. Как же не то, если начальство кивает головой? Ну, упустили момент разворота событий на стройке, так ведь исправляем. И как! С продуктами, с промтоварами, с телевизором — все решили...

— Говорите, — сказал Болбат. — Извините, если можете, что мои заместители перебили вас на полуслове. Похоже, в нашем весьма насыщенном разговоре началась кристаллизация главного, ради чего мы все здесь работаем и будем, должны работать!

— Вот и я о работе. — Ягодкин встал с

места, на то, что перекуры частые, жалуются на свое БЕЗДЕЛЬЕ, вот в чем дело. И зависит это от вас, Владимир Петрович. (Болбат машинально кивнул Ягодкину.) Точнее, от вашего главка. Говорят, большое видится на расстоянии. А главка не видит. Вы Глазкова на ковер вызовете, пропесочите как следует и снова отпускаете с миром. А отпускать нужно с новыми людьми, с деньгами, с разрешением, скажем, строить жилье не только для переселенцев, но и для нас, строителей. Только так. Тут цифра одна называлась — сорок два процента. Считай, больше половины специалистов-строителей не хватает на стройке. И не будет хватать. Потому как и те, что есть, стоят без дела. Сплошные «тары-бары», а не работа. Хотя бы кто пожаловался после смены, что устал, рук-ног не поднимает. Но устаем без дела... Когда работать будем, Владимир Петрович?

Все обеспокоенно ждали, что еще выкинет строптивый бригадир. «Избаловали мы его», — проговорил кто-то. На него шикнули — притих. Ягодкин молчал. Молчала комиссия. Старательно отводила глаза от председательского места.

— Если что не так, извините, — нерешительно начал Ягодкин, а закончил так: — Да нет, все так. Не извиняюсь.

Встретился с Ягодкиным. «Работаем в радость», — сказал словами сменовой рубрики. «Что помогло?» «Да Болбат тот же. Ему, видно, тоже работать в тягость скучно. Скучно, понимаешь, работать просто так, для зарплаты, и нам и каждому».

Потом зашел в комитет комсомола. Раньше секретари здесь менялись быстрее, чем направление ветра. «Головой ручаюсь, что каждый из нас видел все беды, но... не знал, за что братья в первую очередь», — с горечью говорил мне очередной комсомольский лидер стройки.

— И чем же все кончилось?

Вопрос был риторический, потому что я уже видел перемены: уменьшилась текучка кадров, в Тувинском обкоме комсомола все реже стал появляться вопросительный знак против этой первичной организации. Живинка наконец появилась в работе.

— А мы поняли, что права не дают, права — берутся, и... поехали в гости на Саяно-Шушенскую. Опыт перенять.

— Переняли?

— Трудно, — вздохнул секретарь. — Там такие масштабы! Такие дела! Захлебнуться можно. Но, смотрим, комсомол берется не за все. Зато то, что поставил своей целью, тянет до последнего. Вот, скажем, четвертый, комсо-

ЗрЕНИЯ УЕЛА...

ответить на все вопросы. Или хотя бы не главные.

«Был нечестный кассир в столовой?» «Сняли ее. Наказали жестоко». «С мясом поможет потребительская кооперация?» «Уже помогает». «Одежда...» «Да что мы, хотя бы ачинских костюмов не достанем? В Красноярске все полки ими завалены и стройку завалим. Совсем не плохие. На мне — тоже ачинский». И так далее.

Бригады, подписавшие письмо, будут с чем-то соглашаться, с чем-то спорить, разговор пойдет по новому кругу, но в целом все будет хорошо, спокойно. И вот спокойствие это будет все больше и больше раздражать Болбата, уверенного в том, что главное слово так и не произнесено. Главное дробилось на мелочи, многие из которых выведенного яйца не стоили, решить их способен мало-мальски здравомыслящий человек, если только решает их, а не сваливает на другого. В понимании главного проверяющего ударная — это... Это жизнь на стремнине, а тут... Комсомольский штаб стройки бездействует с того дня, как взялся за пустяковое дело, получил щелчок по носу и отступился. В производстве полная сумятица. Нет графика работ, графика поставки бетона, равно как нет и бетона. В быту... Болбат на мгновение представил себя в роли строителя. Согласился бы он поехать в Туву лет десять назад? А что? Енисей под боком, охота — отменная, рыбалка — дай бог каждому, зиму на лыжи и в горы, летом солнца больше, чем в

места как раз напротив Болбата, отмахнулся от дыма, набравшегося в красном уголке, и начал говорить.

— Работаем мы все плохо. И я. И начальник стройки. И, главное, вы, Владимир Петрович. — Ягодкин как стенку клал: кирпичик к кирпичику. — Сначала про себя. Я тут вроде самый знаменитый. Рабочий у меня умеет больше всех. Бригадный подряд и все такое прочее — все первыми. А почему? Да потому, что управляющий стройкой у меня вроде диспетчера. Чуть чего не хватает — к Глазкову. Вынь да положь. Он и вынимает. Тем и живы. Стыдно. Месяц поработали на бригадном подряде, точно воздуха свежего глотнули.

Теперь о Глазкове. Он десять раз мог бросить стройку, уйти на легкие хлеба, да вот не хочет. И не может вытянуть стройку в одиночку. Он, извиняюсь, как лошадь, тянет этот воз, эту стройку в гору и не видит, что творится на обочине. А на обочине и спецодежды не хватает, и топоров, и пил, мастерков. Хороших... И непонятно, почему. Народ поймет и перебои с мясом и много что еще, хотя в том же Ак-Довураке или Хову-Аксы снабжение гораздо лучше, но перебои в деле народ не хочет понимать и не должен этого делать. У меня приятель в местной газете работает. В отделе писем. Так, говорит, давно мечтаю получить письмо трудящегося. Он так и говорит — письмо трудящегося, который жаловался бы, что МНОГО работает, устает, работать больше не может. Так нет, говорит, жалуются на

И сел, как встал. Спокойно. И это спокойствие его выключило тишину, и все услышали слова Болбата:

— Вот этой речи я и ждал. «Когда работать будем?» Вопрос, что называется, под дых. Давайте отвечать.

Он думал, что начать придется самому. Спросить с кого-то можно, лишь зная все ответы. Но в жизни нет учебника, в конце которого записаны ответы. Значит, только решать да решать, стараясь не ошибаться. Только так.

И еще он думал, что комиссий было предостаточно. Они констатировали очевидное, но дальше этого не шли. Теперь если и нужна будет комиссия, так только по проверке выполнения всех решений предыдущих.

— Что ж, давайте отвечать. Начнем с меня.

Что же было дальше? А дальше была работа. Были строгие выговоры и серьезные мероприятия, перечень которых занял бы не одну страницу в журнале. Была работа, которую следовало начать годом раньше. Я никогда не возлагал больших надежд на приезд таких вот «пожарных» комиссий и потому сознательно переждал несколько месяцев, чтобы посмотреть, что изменилось в жизни Нового Шагонара. Есть перемены. К лучшему. Налаживается снабжение продуктами, промтоварами, и главное — строительными материалами. Изменился настрой ребят. Хотят работать и работают. Довольны, что вовремя написали серьезную жалобу в серьезные инстанции. Помогло.

мольский, агрегат Саяно-Шушенской гидростанции. Его ведь пустили досрочно благодаря тому, что комсомольцы настояли, убедили и доказали необходимость этого!

По словам нового комсомольского секретаря стройки чувствовалось, что местный комсомол тоже нашел для себя то важное звено, ухватившись за которое можно будет тащить всю цепь Шагонара. Какое именно?

— Незавершенка, — убежденно сказал он. — Устранить считанные проценты незавершенного строительства — это значит дать кров десяткам комсомольских семей. Мы начали с воскресников и великого сидения на планерах, подобно саяношущенцам доказываем и убеждаем в необходимости важного дела.

— Получается? — спросил я.

Секретарь с улыбкой кивнул в окно. Там среди типично тувинского пейзажа мне открылась пестрая и радостная картина новоселья.

Именно после этого разговора я и решил с протокольной точностью восстановить тот памятный день в истории Нового Шагонара. Показал материал В. П. Болбату.

— Не очень приятно, конечно, про себя читать такое, — сказал он. — Но нужно. Понимаешь, никогда бы не подумал, что рабочий сможет слово в слово произнести речь, которую ты сам же хотел произнести под занавес.

Автобиографии

риходили мать и отец с работы, оглядывали грустными глазами жилище, нас, восемь «ртов»... Скучная пайка, пустые щи... Две заботы были главными — накормить нас и хоть немного выспаться. А ранним утром, когда едва рассветет, вновь шли родители на Прохоровскую фабрику, знаменитую Трехгорку...

Мать была ткачихой, отец работал в «складальне», таскал на горбу огромные — сорок два метра — тюки мануфактуры. Многие знакомые звали его «Афоня-солдат», потому что отец много лет служил в армии.

Тяжкий труд, голод, тиф... Типичная ситуация того времени, когда я родился. И все-таки жило в отце нечто такое, что заставляло людей улыбаться ему доброй, искренней улыбкой. И это нечто — редкий для живущего в такой жестокой нужде человека веселый нрав, юмор, настоящий артистизм, с которым он, например, проходил иногда по канату, изображая элегантного, «высшей пробы» эквилибриста... Может быть, от отца и перешло мне то, что не имеет конкретного названия, но что толкнуло меня в будущем на сцену.

Но до этого было еще далеко, предстояло перешагнуть детство, которое хоть и было нелегким, голодным, но все-таки оставалось тем временем, в котором часто не замечаешь теневых сторон жизни. Дети улицы, мы собирались ватагами, играли тряпочным мячом, придумывали себе различные приключения (кто во что горазд), а, случалось, иногда и «пылили», то есть малость безобразничали, не без этого.

Так и прокатилось детство... На Трехгорку приезжали какие-то труппы актеров (я уж и не помню, кто и откуда), показывали спектакли, отдельные сцены, героями которых были Разин, Пугачев... Показывали представления в фабричной столовой, где, между прочим, в 1905 году находился пресненский штаб восстания. Теперь на том месте Дворец культуры имени Ленина.

Так вот, те представления были первыми моими художественными впечатлениями, которые, конечно же, уступали своему наиболее сильному конкуренту — кинематографу. Я не только завидовал героям увиденных фильмов, но и очень хотел подражать им. (Сейчас я улыбаюсь, вспоминая, что это были за герои, но в ту пору, как говорится, поедал их глазами). Тогда-то и родилось во мне это самое: я тоже хочу, почему я не могу? Родилось и уже не давало мне покоя, стало мечтой.

Но мечтать мечтай, а дело делай. Ушло детство, на сорок втором году жизни умер отец, надо было помогать матери содержать семью. Поступил я в ФЗУ, стал постигать профессию гравера-накатчика. Окончил учение и начал работать на Трехгорке.

А мечта не уходила, не покидала меня... И стал я пропадать в клубе, где один из конторских работников, большой любитель театра и энтузиаст, организовал драматический кружок. В клубе, кроме того, я занимался боксом, акробатикой, борьбой. Но главными, конечно, были занятия в драматическом кружке. Ставили мы в основном монтажи. Помню, был монтаж, который назывался «1905 год», в котором я изображал сразу нескольких персонажей — рабочего, торговца, пристава... Особенно нравился публике этот самый пристав, круглый живот которого был «сработан» при помощи огромной подушки. Он был очень важный, мой пристав, хорошо мне знаком — много я перевидал полицейских в пору своего босоногого детства. Пристав всегда вызывал в публике веселый смех, а я никак не мог в толк взять, почему смеются, — ведь играл я всерьез!

Это было первым в моей жизни приобщением к сцене, первым прикосновением к мечте...

Но гораздо раньше увлечения театром родилось другое — спорт. Парнем я был живым, неутомимым, отчаянным, все во мне, как говорится, двигалось, бурлило, искало выхода. Играл в футбол, русский хоккей — был нападающим. Играл в лапту, ходил на лыжах. Зимой крутые спуски, ведущие на Трехгорку, заливали, и было высшим шиком проехать по ним прямо к воротам фабрики на одном коньке.

В ту пору начинали строить стадион Трехгорки, который позднее получил название «Красное знамя». Мы, мальчишки, как могли, помогали строителям, и, когда стадион построили, он стал родным нашим домом. Кумирами нашими были знаменитые тогда футболисты — Селин, Канунников, Рущинский. Там же, на Красной Пресне, начинали братья Старостины — Александр, Николай и Андрей, Владимир Никандров, Григорий Федотов, выступали братья Ишполитовы, Мельников, Коз-

лов. Все они наши, пресненские... Вообще Красная Пресня дала советскому спорту много известных мастеров.

Полученная в юности спортивная закалка не раз выручала меня в будущем — в профессиональной работе, в различных житейских обстоятельствах. Помню, в первом же фильме («Окраина»), где я снимался, моего героя Сеньку-сапожника застрелили, когда он выскакивал из окопа. Лежал я «мертвый», а мимо меня бежали статисты, изображавшие идущих в наступление солдат. И вдруг кто-то... наступил мне на голову! Содрал кожу у виска, до сих пор играю виден. Еле поднялся я тогда. И тотчас же раздалась команда режиссера:

— Еще один дубль!

Перевязал я кое-как голову и продолжал сниматься.

— Ничего, ты парень крепкий, — сказали мне.

А в фильме «Яков Свердлов» я играл рабочего, ставшего в гражданскую войну комиссаром. Предатели его расстреляют. Снимали этот эпизод в начале марта, и падать мне пришлось на запороженный снегом лед Москвы-реки. Восемь дублей сняли, восемь раз пришлось мне падать в снег. И не простудился. Полностью отношу это за счет хорошей физической подготовки.

Шло время; я по-прежнему работал на Трехгорке, играл в драматическом коллективе фабричного клуба.

Однажды узнал, что в создаваемый в Москве ТРАМ (Театр рабочей молодежи, ныне театр имени Ленинского комсомола), вернее, в студию его, набирают молодежь с различных предприятий. Сказал мне об этом напарник, который пошел на просмотрную комиссию и повел с собой меня. Пришел я на просмотр с гармошкой — очень уж жаловал этот разудалый инструмент. Предложили мне этюд, сыграл его, а затем стал я являть свое «искусство»: пел, плясал; играл на гармошке. Приняли.

ТРАМ был в ту пору на правах студии, и, участь в этой студии, я продолжал работать на Трехгорке. Лишь окончив учебу, я окончательно перешел в сформировавшийся коллектив. И зажил совершенно новой, совершенно пока еще неведомой мне жизнью.

В ТРАМе начинали со мной такие известные в будущем актеры, как Валентина Серова и Владимир Соловьев, который, к слову сказать, играл в родном театре до самой своей кончины.

Среди педагогов — В. Э. Мейерхольд, Н. П. Хме-

ТРАКТОРИСТЫ.

лев, И. Я. Судаков, Н. П. Баталов, В. В. Грибков, М. И. Бабанова. Художником театра был совсем тогда еще молодой Евгений Адольфович Кибрик, будущий известный советский график и живописец. Но известным он стал много позже, а в ту далекую пору (1927—1928 годы) Евгений Адольфович, которому едва за двадцать было, оформлял трамвайские спектакли. Помню, часто приходили помогать ему расписывать декорации. Пьесы для ТРАМа писал молодой Федор Федорович Кюрре. Мало кто знает, что будущий известный советский писатель преподавал в нашей студии... акробатику. Сотрудничал в ТРАМе и молодой Исаак Осипович Дунаевский.

Играл я в ТРАМе молодых сельских и рабочих парней, людей, мне знакомых и близких по духу. Но, пожалуй, не только поэтому многое удавалось мне в первые же годы профессиональной работы. Жили во мне неукротимая жажда постигать открывающийся передо мной мир человеческих страстей и коллизий, огромная увлеченность тем, что делал, неуспокоенность, которую я невольно передавал своим героям на сцене.

В театре все мы увлекались танцами. Я, пожалуй, не меньше других. Партнершей моей была актриса и балерина Наталия Глан, сыгравшая главную роль в знаменитом немом фильме «Мисс Менд». Наверное, от этой увлеченности танцем, русскими народ-

Николай КРЮЧКОВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР

ТАКАЯ БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА.

ными плясками и «затанцевал» я во многих своих фильмах тех лет.

Что запомнилось из той поры, когда делал в ТРАМе свои первые шаги на профессиональной сцене? Общая, поистине студийная увлеченность всех делом, которое избрали. Абсолютное взаимопонимание. Чистота отношений. Никто никогда никому не завидовал. Напротив, искренне радовались каждому успеху товарища и всегда сохраняли в себе это чувство открытости, что ли, взаимоподдержки, помощи. Понятия не имели о том, что такое «внутриведомственные интриги». Помню, когда стал сниматься, передал свои роли Н. М. Горлову и искренне желал ему успеха. Был рад, когда Николай Матвеевич стал сниматься в кино и позже пришел в Театр киноактера.

На один из спектаклей ТРАМа Н. Глан пригласила кинорежиссера Б. В. Барнета (зрителям особенно памятен его фильм «Подвиг разведчика»; сам режиссер блистательно сыграл в нем роль фашистского генерала, которого похищает советский разведчик, герой Павла Кадочникова). Борис Васильевич готовился тогда к съемкам фильма «Окраина», и Наташа сказала ему, что в театре есть актер, который подходит на роль Сеньки-сапожника. После спектакля Барнет пришел за кулисы. Мы познакомились.

ЖЕСТОКОСТЬ.

— Приезжай завтра на студию,— сказал мне режиссер.

Киностудия находилась тогда в Лиховом переулке. Приезжаю на кинопробу. Вхожу в декорацию. Уже приготовлено «рабочее место» Сеньки — верстак, лопка, молоток, гвозди, другие принадлежности сапожного инвентаря.

Сапожное дело было мне знакомым. В пору моего детства на Пресне было много сапожных лавок и просто мест, где работали мастеровые. Мальчишкой я часто приходил туда и просил:

— Дядь, дай попробовать.

Если «дядь» оказывался добряком, я с удовольствием усаживался и выполнял мелкую работенку. Так и приобщился к этому ремеслу. Так что декорация, в которой должна была произойти кинопроба, не была для меня неожиданной, я быстро освоился в ней, присел и стал заниматься знакомым делом. Меньше всего думал о режиссере, операторе... Пока готовились, устанавливали свет, кинокамеру, я успел набить пару набоек.

На кинопробе мне надо было лишь откликнуться на обращение.

— Сенька! — звали меня.

— Чего тебе?..

Всего один раз сняли этот кадр. Барнет тут же утвердил меня на роль.

Так состоялся мой дебют в кинематографе, с которым я связал всю свою дальнейшую жизнь. Случилось это почти пятьдесят лет назад, в 1931 году.

Но так вроде бы удачно для меня начавшийся путь в кино неожиданно прервался на следующей картине, где я начал было уже сниматься. Случился у меня конфликт с администрацией. Дело в том, что для натуральных съемок завезли из Средней Азии эшелон песка. Я совершенно резонно заметил, что это не только нелепо, но и расточительно — привозить песок бог знает откуда, когда рядом, на Москве-реке, есть точно такой же песок. И началось... Слово за слово — конфликт. Пришлось уйти из картины. В ТРАМ возвращаться было неудобно, на киностудии все фильмы находились уже в производстве, и актеры утверждены на все роли. Словом, оказался я «вне игры».

А жить-то надо было, на хлеб зарабатывать. Мужичок я был здоровый, никакой работы не стыдился. И подрабывал на станции Пресня разгружать дрова. Грузчиком, одним словом. Поработав некоторое время, уехал к дяде в деревню. Отдохнул, половил рыбку, вернулся в Москву. А в Москве меня ждала телеграмма из Ленинграда — приглашали сниматься в фильме «Год девятнадцатый». Снова возвратился в кино.

Затем последовали приглашения в другие фильмы — назову их не в хронологической последовательности, а по памяти: «Трактористы», «Ночь в сентябре», «Горизонт», «Комсомольск», «На границе», «У самого синего моря»... Интереснее всего было сниматься в «Трактористах» и «Комсомольске». И не просто интересно. Клим Ярко из «Трактористов», бывший танкист, ставший после службы в Красной Армии организатором передовой тракторной бригады, и Андрей Сазонов, секретарь горкома комсомола строящегося нового города на Амуре, — эти люди были и остаются бесконечно мне понятными, близкими и дорогими. Они были не только моими сверстниками, но принадлежали к тому славному поколению комсомольцев тридцатых годов, которое возводило Днепровскую гидроэлектростанцию и Магнитку, штурмовало полюс, ставило рекорды в забоях, покоряло морские и воздушные просторы... Это было то поколение, которое приняло на себя удар фашистских полчищ в июне сорок первого.

Сегодня в седых ветеранах труда и войны, медленно идущих по улицам, трудно, почти невозмож-

СУД.

но узнать тех, о ком я говорю. Но и теперь в глазах дорогих моему сердцу ровесников я часто вижу тот огонь жизнелюбия, трудолюбия и энтузиазма, который родился в пору юности и который не смогли погасить суровые годы испытаний и тревог, выпавших на их долю.

Я вижу сегодня того же Клина Яркого, снявшего военный китель с генеральскими погонами и рядами орденских планок, беседующим со своим внуком, который отправляется на военную службу. Слышу его тихий, спокойный голос, неторопливую речь. Я знаю, о чем говорит внуку старый генерал...

Вижу постаревшего Андрея Сазонова, который, едва оправившись после инфаркта, спешит на БАМ, к своему молодому коллеге, комсомольскому вожаку восьмидесятых годов, чтобы помочь ему добрым советом, встретиться с ребятами и девушками, так похожими на тех, кто сорок с лишним лет назад начинал строить Комсомольск...

Вот почему мне бесконечно дороги эти два человека, когда-то давно, еще на заре моей творческой юности пришедшие в мою не только актерскую биографию, но и в личную судьбу. И они никогда не затеряются в ней среди огромного количества судеб, событий, которые вобрала в себя моя семидесятилетняя жизнь...

И, словно это было вчера, я вижу Комсомольск, в который по великой реке, Амуру-батюшке, прибывают и прибывают молодые строители. Комсомольск, состоящий пока еще из множества котлованов, строительных площадок; рычаг моторы, поблескивают лопаты в крепких руках. И мы, актеры, приехавшие сниматься в фильме об этой удивительной стройке, о Городе юности, как назвал Комсомольск один из героев известной пьесы А. Н. Арбузова, вместе со строителями сплавали лес и рыли котлованы и, радуясь каждому новому дню, начинали его с желанием сделать конкретное, полезное дело.

Я бы мог много и подробно рассказывать о тех далеких и неповторимых буднях, поделиться в этих записках нахлынувшими мыслями, перекинуть оттуда, из тридцатых, мосток в сегодня, начало восьмидесятых.

Но что значит — рассказать о себе, о своей жизни, судьбе? Это меньше всего значит перечислять в хронологической последовательности события в их, так сказать, чистом виде. Для меня прожитое и пережитое не только и не столько, может быть, сами эпизоды, сколько их смысл, значение в моей судьбе, те чувства, которые эти события во мне рождали, те люди, которые вошли в мой душевный мир и как-то изменили отношение ко всему окружающему. Поэтому что жив-то человек именно этим!

Конечно, можно, как говорят, в красках рассказать о том, как Тамара Федоровна Макарова упала однажды, во время съемок, в котлован и едва не сломала ногу, или о том, как Валентину Петровну Телегину и еще двух-трех актеров случайно забыли на съемочной площадке, где они едва не замерзли. Но мне больше хочется вспомнить о том, как эти две актрисы, как и все остальные участники киноэкспедиции, без каких-либо жалоб переносили тяготы тогдашнего нашего быта и труда. Мне хочется вспомнить молодых тогда Георгия Степановича Жженова и Петра Мартыновича Алеиникова, с которыми меня свела и на долгие годы повязала доброй дружбой судьба. Я с восторгом вспоминаю свое первое знакомство во время съемок в фильме И. А. Пырьева «Трактористы» с молодым великаном из Саратова, выпускником Саратовского театрального техникума Борисом Андреевым. Там же, в «Трактористах», я познакомился и впервые снялся с Мариной Алексеевной Ладьиной.

«Как молоды мы были...»

Тридцатые годы — время беспокойное: по каменным мостовым немецких городов чеканили шаг молодчики в коричневых рубашках со свастикой, фашисты генерала Франко залили кровью республиканскую Испанию. Самураи. Белофинны. В Европе начиналась вторая мировая война.

Поэтому роль начальника погранучастка в фильме «На границе» приобрела для меня особый смысл. И я был безмерно счастлив и горд тем, что за участие в этом фильме получил свой первый орден — Трудового Красного Знамени.

Я снимался в фильмах «Свинарка и пастух» и «В тылу врага», когда началась Отечественная война. Кроме этих двух фильмов, принял участие в создании боевых киноборников, большая часть которых тут же отправлялась на фронт для показа в частях и подразделениях сражающейся Красной Армии. Эти киноборники призваны были поднимать боевой дух наших войск, укреплять в людях чувство патриотизма, любви к Родине.

На одной из съемок киноборников познакомился с летчиком-комсомольцем, младшим лейтенантом Виктором Талалихиным, совершившим в ночь на 7 августа 1941 года первый в истории войны ночной таран. За этот подвиг Виктор был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Он пригласил меня на свой день рождения — ему исполнилось двадцать три года. Мы сфотографировались с ним на память (это было на съемке): он в своей летной форме, я — в форме танкиста, в которой снимался. До сих пор бережно храню снимок. Какой парень был!.. 27 октября 1941 года Виктор погиб в бою около подмосковного города Подольска. Сейчас ему было бы за шестьдесят.

В те годы я снимался, кроме боевых киноборников, в таких фильмах, как «Парень из нашего города», «Котровский», «Антоша Рыбкин», «Во имя Родины», «Фронт». Уже по одному этому небольшому перечню читателю станет понятно, какой была главная тематика создаваемых тогда фильмов. Да, кинематографисты работали на фронт, на Победу. И работали круглосуточно, не считаясь со временем, усталостью. Мы знали, что наши фильмы ждут, что они нужны не меньше, чем винтовки, снаряды... Многие — да почти все! — мастера кино целыми бригадами выезжали на фронт, выступали перед бойцами и командирами Красной Армии.

Мне не раз доводилось выезжать на передовые. Ездил в основном один. Выступал во всех родах войск, площадкой для выступления были и кузов

машины, и блиндаж, и летное поле, и припорошенная снегом лесная поляна... Случалось, мне говорили бойцы:

— Товарищ Крючков, ты не выступай, не надо, покажись только, чтобы мы знали, что ты жив, и ладно. Ведь ты же все равно наш, армейский.

Комок в горле появлялся от этих слов. Ничего дороже их не было... Уж сколько лет прошло, а память нет-нет да и высветит то одно, то другое лицо молодого, стриженного «под бокс» солдата... Память — штука непобедимая, от нее не уйдешь, какими бы ни были воспоминания — светлыми или печальными. А уж когда речь заходит о тех суровых годах, то, напротив, зовешь память, кличешь ее, как товарища, который может поддержать в тяжкую минуту, поможет встать, коли упал, в полный рост и приказать тебе жить, потому что за каждый миг сегодняшней жизни дорого заплачено. Память приказает не только жить и помнить, но и трудиться сегодня так, чтобы быть достойным павших героев.

Послевоенный период — это обычные актерские будни: репетиции, съемки, экспедиции, встречи со зрителями на глазах у которых в общем-то и проходит моя творческая жизнь.

Снял более чем в ста фильмах. Кого только не играл, какую только мирную профессию не осваивал за время съемок! Однажды меня спросили: — Николай Афанасьевич, могли бы вы работать профессионально в одном из освоенных вами на съемках дел?

Не знаю, едва ли. Ну, мог бы работать шофером... Случись такое, что профессия актера стала бы, как говорится, «не про меня», ушел бы, наверное, в плавание с рыбаками, ловил бы рыбу. В любом случае старался бы быть на природе и не давал бы ее портить.

Вообще же не представляю себя вне своей профессии, своего дела.

Человек, выбравший своим делом актерство, «обрекает» себя на труд. И не только на творческий, но часто и на физический, связанный порой с неудобствами. Дважды я ломал себе ногу. На съемках фильма «Море студеное» мне приходилось прыгать со скалы, и на одном из дублей я зацепился пяткой за небольшую выступ. И оттого прыжок получился не совсем таким, каким ему следовало быть. В результате — трещина в четвертом ребре, перелом кости. Весь финал снимался на одной ноге. В картине «Суд» прыгал в речку и на третьем дубле также «сподобился». Но в первую минуту боли не почувствовал, обожгла ледяная вода. Выбрался на берег — не могу встать на ногу. Наложили гипс. Но на следующий день я был на съемке. Ножом разрезал гипс, снял его и продолжал сниматься. Что заставило пойти на такой риск? Состояние режиссера В. Скуйбина. Володя на этой картине уже почти полностью был парализован и умирал буквально на глазах. Он героически сопротивлялся тому, что неотвратимо наступало, и продолжал работу. Это был подвиг молодого режиссера, большого и настоящего художника. Подвиг, перед которым я склоняю свою седую голову. Всего тридцать четыре года прожил Володя... Ранее, до «Суда», я снимался в его картине «Жестокость» в роли начальника уголовного розыжка и уже тогда понял, какой редкий художник пришел в кинематограф. Понял, что Скуйбин — очень «мой» режиссер, по тому творческому взаимопониманию и душевной привязанности, которые определяли каждую нашу встречу в жизни и на съемочной площадке. Эти встречи были и остаются незабываемыми.

Со временем, как и у каждого человека (особенно если он занят таким трудом, как наш, актерский), углубился интерес к острым этическим проблемам наших дней. В этом смысле роль таежного охотника Семена Тетерина в картине «Суд» считаю этапной для себя. Непокоримо спокойный, сильный телом и духом, молчаливый и храбрый — таким старался я показать своего героя в начале фильма. Затем Семен становится свидетелем убийства и под давлением обстоятельств поступает правдой. И, испытывая муки совести, вершит над собой жестокий суд. И новая задача — показать следы страшной душевной драмы сильного и честного человека, который, лишь однажды выступив против правды, приходит к горькому итогу.

Порой приходилось отказываться от роли, но это случалось крайне редко и в тех в основном случаях, когда я не находил в ней главного — возможности взволновать зрителя той или иной стороной жизни, характера, поступка. Со временем мне все больше и больше становились интересными роли, в которых предстояло разгадать одну из загадок человеческого «я». И не только, разгадать, но и объяснить эту загадку другим. Интересными были и всегда остаются для меня персонажи, в судьбе которых есть «крутые горки». Тогда, разумеется, надо их преодолевать, и вот тут-то и раскрывается человек — в преодолении. А значит, раскрывается и то, как,

через что идет это преодоление. Убежден, что по-настоящему человек «обнаруживает» себя в критические минуты своей жизни, когда надо решать извечное «быть или не быть».

Но, как и у любого актера, у меня есть свой «потолок» возможностей, выше которого не прыгнешь. Скажем, предложил бы мне режиссер роль... Ивана Грозного — я принял бы это за шутку.

Иногда спрашивают, были ли в моей творческой практике неудачи. А бог его знает... Я не судья своего труда.

Теперь несколько слов о том, что играет далеко не последнюю роль в нашей актерской жизни. О встречах со зрителями. Без сомнения, такие встречи совершенно необходимы. И зрителям и больше всего — нам, актерам. Иначе как узнать, нужен ли ты и твоё искусство людям. А ведь любой человек жив именно ощущением необходимости своего труда. Зрители, вернее, встречи с ними — источник всего нашего труда. Источник питательный, необходимый, как воздух для дыхания.

Сколько же было у меня этих встреч? Сотни! География их — «от края и до края»: на заводах и фабриках, в воинских частях и на колхозных фермах, в институтах и на стройках. И вот в чем убеждался — и с радостью — каждый раз: людям совершенно необходим наш труд, наше искусство. И эта необходимость рождена неразрывной связью искусства с жизнью, ибо искусство — это, по точному определению Маяковского, «увеличительное стекло» жизни, это сама жизнь, раскрытая в художественных образах. И как же было мне радостно, когда однажды на встрече сказал мне седой человек:

— Ваши герои — это моя юность, моя судьба, судьба моего поколения. Спасибо вам за правду.

«Спасибо за правду»... Право же, стоит трудиться, чтобы однажды услышать такие слова!

Незабываемыми были встречи на целине. Мне очень памятна первая поездка. Случилось это двадцать пять лет назад, в 1955 году. Я только что вернулся из Берлина, где снимался в фильме «Эрнст Тельман». Пришел в Союз кинематографистов, а мне говорят:

— Николай Афанасьевич, хотите завтра полететь на целину?

Тут и раздумывать не о чем было.

Со мной полетели две наши известные актрисы — Любовь Петровна Орлова и Марина Алексеевна Ладынина. Одно из первых выступлений состоялось в Кустанае. Народу немного, все в поле, трудятся.

«В городе еще насидимся, — думаю, — нам бы в глубинку, в самое пекло работ».

А погода действительно пекло. Жара, засуха, земля растрескалась. И трещины на ней — словно полураскрытые губы, жаждущие влаги.

Решили ехать в степь, в бригады. А на чем? С транспортом туго. Обратились к Леониду Ильичу Брежневу с просьбой помочь. Он выделил для нас самолет.

— Пусть актеры увидят наших героев, их труд. Им же потом рассказывать о первоцелинниках с экрана, — сказал Леонид Ильич.

И мы полетели. А день, помню, был ветреный, болтанка жуткая. Я — «старый» пилот — с «Небесного тихохода», мне относительно легко было переносить полет, а вот Любови Петровне и Марине Алексеевне было потяжелее.

Так и летали над необъятной казахстанской степью. Выйдем из самолета, отдышимся и начинаем выступление. Затем — снова в самолет, в другой район.

Удивительный народ — целинники! Меня всегда поражала страсть людей осваивать новые места, «делать жизнь» буквально на пустом месте. Но еще больше поражала и поражает вера людей в эту будущую жизнь, в то, что ей, этой жизни, непременно быть!

Организатор одного из совхозов, пожилой улычивый украинец с усами, какие увидишь сегодня разве что у репинского запорожца, сказал мне неожиданно звонким голосом, указывая на опаленную солнцем степь:

— Вы приезжайте к нам через пять лет, мы тут с вами вишни будем есть.

Ну как было не приехать к таким людям! За такой труд, энергию, за такую веру в свое дело в ноги надо им поклониться земным поклоном. Они же... с крыльями, эти люди, с мечтой, которую никакое солнце не спалит. И знает, им искусство нужно не меньше, чем горожанину. Не хлебом единым, как говорится... Более того, я считаю, что мы, работники искусств, в большом долгу перед тружениками полей. Усталые, они собирались на наши выступления, и в их глазах я видел не просто светлую радость, но понимание, умение сопережить, «задышать» синхронно с актером. Я чувствовал абсолютное родство душ.

Еще не раз прилетал на целину и всегда видел: не

иссякает в этом удивительном племени, которое называют целинниками, стремление оживить веками мертвую степь садами, шелестящими на ветру колосьями хлеба, веселым гомоном родившейся уже на целине детворы...

И вновь, как не раз, я вспоминал тех, кто более сорока лет назад вот так же приехал на пустынный берег Амура и делал — именно делал! — будущее. Подумалось о том, что за всю историю нашего государства не было практически ни одного события — освоение новых земель, стройка ли, или еще что-либо значительное по своей цели и масштабам, — чтобы в нем не «запевала» молодежь. На строительстве Комсомольска, на целине, на БАМе — везде я видел открытые ветру красивые загорелые лица, сильные руки. Видел в глазах убежденность, веру, готовность к подвигу. Это не уходит, это — навсегда.

Незабываемое...

Первые двадцать лет пребывания в кинематографе играл в основном положительных героев, если не считать деревенского сердцееда, болтуна и бездельника конюха Кузьму в картине И. А. Пырьева «Свинарка и пастух». Да и то его нехитрые «махи-нации», уловки, хвастовство вызывали скорее улыбку зрителя, чем неприязнь. Но вот стали предлагать роли совершенно иного плана — жулик Корольков в «Деле Румянцева», предатель, агент иностранной разведки Скибан в фильме «Над Тиссой»... И как это ни парадоксально звучит, помогли мне перейти на такие роли... те положительные персонажи, которых до того играл. Вернее, та жизненная позиция, философия, которую укрепляли во мне герои предыдущих фильмов. Все свое неприятие корольковых, скибанов и им подобных я вкладывал в изображение этих мерзавцев.

...Без малого пятьдесят лет служу я кинематографу. Судьба подарила мне радость общения и работы со многими выдающимися мастерами кино — режиссерами Борисом Васильевичем Барнетом, Яковом Александровичем Протазановым, Всеволодом Илларионовичем Пудовкиным, Александром Петровичем Довженко, Александром Григорьевичем Ивановым, Иосифом Ефимовичем Хейфицем, Александром Григорьевичем Зархи, Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым, актерами Николаем Ивановичем Боголюбовым, Эрастом Павловичем Гариным, Валентиной Петровной Телегиной, Тамарой Федоровной Макаровой, Петром Мартыновичем Алейниковым, Василием Васильевичем Меркурьевым, Марком Наумовичем Бернесом, Борисом Федоровичем Андреевым, Эммой Владимировной Цесарской, Мариной Алексеевной Ладыниной, Верой Петровной Марецкой, Георгием Степановичем Жженовым... Да разве всех-то перечтешь?

И только ли с коллегами сблизила меня судьба и дружба? Мне всегда был интересен человек независимо от его профессии. Интересен не только в узкопрофессиональном плане.

Что привлекает в человеке? Чем, собственно, определяется для меня это понятие «человек»? Одним словом — «труд». Отношением к труду. Безделье — порок, зло. Убийство всех достоинств человека в человеке.

Ненавижу злых, завистливых, клеветников. И зачем живут? Ведь смысл жизни в том, чтобы делать добро. Противно, когда человек безразличен к окружающим, закрывается в скорлупе собственного благополучия, тянет, как говорится, одеяло только на себя. Не пламенем горит, а тлеет. А когда что-то тлеет, от этого вонь.

Не понимаю пенсионеров, которые с утра до ночи сидят на лавочке, обсуждая каждого, кто проходит мимо. Что за радость они находят в этом? Что за радость находят в бесконечных разговорах о болезнях, часами просяживая около кабинета врача? Никогда этого не пойму.

Не люблю болеть. Оптимизмом и жив.

Но есть в моей жизни и грусть. Сверстники уходят. Друзья. Ушли Петр Алейников, Валентина Телегина, Иван Переверзев, Марк Бернес...

Уходят люди... Их не возвратит.

Их тайные миры не возродит.

И каждый раз мне хочется опять

От этой невозвратности кричать...

Какие простые и точные строки написал Евгений Евтушенко!

Уходят люди... Но уходят, оставляя о себе, о своих делах память. Они остаются в памяти тех, кто продолжит их дело. В памяти молодых. Это и есть бессмертие. Дела. Идеи. Жизни.

Я с радостью иду к молодым. В чем прелесть этого общения? Молодые не просто возвращают к дням собственной молодости, но к переживаниям как бы заново тех прекрасных и неповторимых лет, когда сам начинал свою судьбу.

Судьбу, в которой был и продолжаю оставаться счастливым...

Записал Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.

таежный ноктюрн

РАССКАЗ

Водитель большегрузного автомобиля «КамАЗ» Сакко Иванович Солодовников после пятидесяти лет почувствовал, что больше в его жизни ничего значительного не произойдет: ни большой радости, ни любви — ничего такого особенного, а будет медленное, год от года приращение.

Женат он был второй раз на молодой учительнице истории Ангелине Борисовне Ивановской, которая не пожелала менять девичью фамилию на фамилию мужа. Был у них сын Юра десяти лет. Первой жене — бухгалтеру Валентине Владимировне — алиментов Сакко Иванович уже не платил: дочери выросли и повыходили замуж.

Иногда Сакко Иванович жаловался товарищам:

— Женился на молодой, чтобы помолодиться, а ничего не получилось. Старый я! Юрка-то мне все равно что внук. У моих дочерей дети такие.

И прибавлял с тоской:

— Хоть обратно к первой бабе уходи.

— Да как ты же уходил! — напоминали товарищи.

— Уходил... на полчаса. Я и не узнал Валу-то. Она теперь на пенсии, в Перми живет. «Я, — говорит, — на диете. А на любовь не надейся. Мне сейчас ее на дух не надо. Одна спокойная хочу пожить на старости лет, и все. Думаю, что это спокойствие заслужила». У меня тоже гордость есть! Я ушел. Тем более, что на комиссии мне врач говорит: «Давление у тебя, Сакко Иванович, как у юноши. Можно в космос посылать». Я говорю: «Лучше я на земле останусь».

II

Жил он со второй женой и сыном в деревне Пудиха. Ангелина Борисовна, родом из-под Белгорода, была руководителем драмкружка, несколько лет играла на сцене роль Катерины в драме Островского «Гроза», на уроках особенно увлеченно рассказывала о княжне Таракановой, народниках и Распутине. Она выглядела моложе своих лет, следила за модой, выписывала журналы о театре и кино и считала себя ответственной за все, что происходит в стране и на планете.

Хозяйкой она была плохой, готовить не умела и не старалась научиться, так как считала положение на планете настолько сложным, что тут не до готовки, и ходила с сыном в деревенскую столовую.

— В Пудихе так холодно! Так холодно! — жаловалась она мужу, когда он возвращался из рейса и топил печь. — В прямом и нравственном смыслах холодно. Редкий человек это выдержит. А я, южанка, держусь...

И сообщала ему, как откровение:

— Знаешь, почему я вышла за тебя замуж? Ну, конечно, душевные качества, внешность, седина. И еще имя: Сак-ко-ооо...

— Тогда каких только имен не давали! Поменял бы, да поздно. Меня в колонне Саквожем зовут.

— Сак-ко-ооо!..

— Ну хватит, хватит. Сколько можно говорить одно и то же?

— Какой ты грубый, Сакко... А ведь ты был не такой. Помнишь, как ты похитил меня на машине? Как ты умчал меня в ночь, в неизвестность, в тайгу?

На самом деле похищения не было, а была поездка на трех легковых машинах со свидетелями и родственниками в районный загс. А на обратном пути в тайге жарили шашлык.

— Как у тебя тогда сверкали глаза!.. Опять ты суп пересолил. Я же говорила: надо идти в столовую, пока ее не закрыли... Интересно, в кого же это ты влюбился?

— До любви ли мне сейчас? Я сейчас думаю: дотяну до пенсии или нет?

— Перестань, Сакко! Не надо быть эгоистом и думать только о себе. Сейчас такое кругом творится!

Ангелина Борисовна писала письма Иннокентию Смоктуновскому и не получала на них ответа. Когда же прошел слух, что вдова другого популярного актера и режиссера вскоре после его смерти вышла замуж, Ангелина Борисовна собралась ехать в столицу, чтобы склонить вдову к разводу.

— Я понимаю... Я все-все понимаю... — плакала навзрыд Ангелина Борисовна. — Он не Грибоедов. Она не Нина Чавчавадзе. Но все мы оскорблены! Все! Так его жалко! Так жалко! А она...

— Слушай-ка, мать, — сказал тогда в сердцах Сакко Иванович. — Ты еще и Юру пожалей. Пожалуйста! Вот приехал я из рейса, а мне говорят, что он у чужих людей кормится. Он у тебя грязный, невымытый. Никто не скажет, что это сын учительницы.

— Ах, так! — всхлинула Ангелина Борисовна и швырнула на пол алюминиевую тарелку. — Что ты понимаешь в моей душе, работяга несчастный? Говорить с тобой — все равно что с каменной стеной. Она хоть помолчит... Ты, если ничего не понимаешь, так помолчи в тряпочку! А я ему как человеку: «Сак-ко! Сак-ко!» Никакой благодарности. Чего еще ждать от тебя? Ничего.

Шумела она долго.

Но в Москву ехать раздумала.

III

Сын их Юра второй год сидел в третьем классе, и Ангелина Борисовна расстраивалась и говорила его классной руководительнице:

— Отцовская наследственность. Биологическое неприятие образования. У них это просто в крови. Вся солодовниковская порода такая...

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

— Учебные программы пошли невероятные! — сообщала она мужу. — Ужас! Такие нагрузки на маленьких детей! В десятом классе куда легче учиться, чем в первом.

И в отчаянии садилась с сыном решать задачи, причем у нее не все получалось.

Юра не любил школу. Большую часть времени он пропадал в тайге, на реке, у соседей, где его подкармливали, и выглядел он первоклассником, щуплым и взъерошенным.

Дома он, как мать, разговаривал криком, и со стороны можно было подумать, что они крупно ссорятся. На самом деле разговор изо дня в день был приблизительно такой:

— Ты все уроки сегодня выучил?

— Все.

— Когда ты успел? Ты только сейчас пришел из школы. Ты ел?

— Ел.

— У кого?

— У Михенчевых.

— Ты меня на позор выставляешь, Юра,— тихо плакала Ангелина Борисовна.— Обо мне и так люди неизвестно что говорят. Я сама только что пришла из школы и приготовить не успела. Ты разве не мог меня подождать? Разве мы не могли бы с тобой пообедать в столовой? Почему от тебя пахнет табаком?

— В школе курят.

— Кто?

— Ну, ребята.

— А ты?

— Один раз дали курнуть. Не взятжжу. Набрал в рот дыма да выпустил.

Когда приезжал отец, он брал сына на рыбалку с ночевкой на Вишеру. Ночевали они на острове, где среди зарослей черной смородины, ольхи и шиповника были ягодные поляны и галечные отмели полово спускались к воде. Вода пела, а на зорях, случалось, клочкотала от хариусов.

Отец и сын ловили рыбу, варили уху, хлебали ее до пота, а в жарнике Юра любил печь кедровые шишки, остужать их и угощать отца жареными орешками.

— А сам? — спрашивал отец.

— Больно ты хорошо ешь,— говорил Юра, и голос его дрожал от нежности.— Я их каждый день ем. Губы от смолы слипаются. Десны отвердели. А тебе в охотку.

С отцом он был разговорчив.

По ночам над островом низко зажигались звезды, и материнский свет их дотрагивался до души мальчика, и она замирала, как пламечко в безветрие, и все-все на земле становилось для Юры понятным, разумным и прекрасным.

Если бы школа с первого класса стала для мальчика такой же, как этот остров на Вишере под звездным небом, если бы она не заставляла его учить то, что не принимала и по разным причинам не могла принять душа его, а постигла бы его способности и развивала их, то учение было бы для Юры счастьем и из него готовился бы заранее полезный обществу человек — пахарь, егер, лесник, рыбак, повар или официант, а не обязательно кандидат наук, благо кандидатов наук сейчас стало больше, чем хороших поваров или слесарей.

Наверное, где-то есть такие школы.

Но в Пудихе учили по-другому, и учение с первого класса стало для Юры Солодовникова непосильной обязанностью.

IV

Как-то в апреле Сакко Иванович возвращался в Пудиху из очередного рейса. Деревня лежала среди тайги в котловине, и по прямым дымам из труб было видно, до чего же лют нынче мороз.

Сакко Иванович думал о Юре, о своих дочерях и внуках, которых он не видел ни разу: «Вот бы собрать их всех вместе за один большой стол — Юру, дочерей, внучат, посидеть бы с ними один вечер, поплакать... Да нет, плакать не стоит, скажут: «Расплакался крокодиловыми слезами». Или: «Саквож-то совсем расклеился». Да и не удастся никого собрать. Пустая фантазия это. Растерял ты детей и внуков по белу свету. Один Юрка остался... Приеду — супы буду варить да кашу. А спать охота — спасу нет».

Он встряхнул головой — из тайги на дорогу, на самую середину выбежал длинноногий, как заяц, золотистый лосенок весь в инее, а за ним — тоже в инее — длинношерстные собаки.

Сакко Иванович затормозил так, что едва не расшиб лоб о ветровое стекло.

Он выскочил на дорогу, подвернул ступню, не обращая внимания на боль, от которой застыло глаза, пинками отогнал собак, взял лосенка на руки, подсадил в кабину, сел сам, захлопнул дверцу, но ехать не мог — руки ходили ходуном и не слушались его.

А вокруг машины клубились и лаяли собаки, по всей вероятности, не домашние — одичавшие, бродячие, и лай их наливался злобой.

Так он и ехал с лосенком в кабине в сопровождении собак — медленно-медленно сползал в лошину с зажженными фарами, чтобы не столкнуться ни с кем в морозном тумане, который начинал сгущаться.

Около деревни собаки, как по команде, прекратили преследование и растворились в тайге.

В круглой котловине, где запала его родная деревня Пудиха, держался морозный пар, отчего место это походило сейчас сверху на озеро Светлояр, поглотившее град Китеж. Там, в глубине, в водной толще, светились огоньки жилищ, — раздавались голоса, мычание коров и скрип калиток. Сюда, наверх, сквозь пар пробивались дымы из труб — розовые, тихие, прямые, и такой заманчивой и желанной показалась сейчас Пудиха Сакко Ивановичу, что он подумал: «Все ее ругаю, а она у меня — красавица! Ветра в ней никогда не бывает. Старики знали, где деревни ставить. Приеду сейчас — Юрку-то лосенком обрадую...»

И погладил лосенка, который забился ему под ноги, по горбоносой мордочке.

— Живой ли ты?

Лосенок фыркнул.

...Сакко Иванович на руках внес лосенка в тепло, поставил посреди горницы и, плохо видя с мороза, что тут происходит, спросил жену и сына:

— Никак печь протопили?

— Уроки учим,— сказала Ангелина Борисовна.— Сакко, ты кого привез?

— Лосенка... Юре...

— Ничего себе,— не трогаясь с места, сказала Ангелина Борисовна.— Ничего себе...

А Юра вылез из-за стола, сел на пол рядом с лосенком и стал смотреть на него с любопытством и нежностью.

Лосенок покачивался на длинных ногах, как на стебельках, и согревался.

— Где ты его взял? — спросил Юра отца.

— На дороге подобрал.

— Ничего себе,— опять качала головой Ангелина Борисовна.

— Мальчик или девочка? — спросил Юра.

— Девочка.

— Всю жизнь мечтала о девочке! — Ангелина Борисовна всплеснула руками.

— Вы на самом деле печку протопили! — радовался Сакко Иванович.

— Как ты понимаешь, соседей звать не стали,— с некоторой гордостью ответила Ангелина Борисовна.— Сакко, что мы будем делать с девочкой?

Лосенка напоили теплым молоком из бутылки с соской. Пил он охотно и от простуды фыркал. Из-за фыркания Ангелина Борисовна предложила назвать лесную гостью Фифи.

— В этом есть что-то французское,— сказала она.— Правда? Фи-фи!

Фифи постелили в углу ямщицкий тулуп, некогда принадлежавший дедушке Сакко Ивановича. Из-за ветхости тулуп этот не надевали, но и выбрасывать не решались, может быть, потому, что вместо обычной матерчатой петельки у него была металлическая цепочка, и металл этот походил на серебро.

В доме погасили свет, и все уснули, кроме Юры.

Он лежал на раскладушке и видел, как сквозь стекла, сквозь ледовые папоротники светит расплывчатая луна, и свет ее, ложась на пол, застилает его пушистыми половиками. По ним хочется пробежаться босиком, как по лесным лужайкам.

Юре думалось, что, может быть, Фифи привела с собой из тайги и этот пушистый свет, и от нее петухи, папоротники и пальмы на стеклах переливаются зеленым огнем, отчего так мучительно хорошо жить.

Когда изба выстыла и Юра продрог, он слез с раскладушки, лег на тулуп рядом с Фифи и заглянул в ее глубокие, влажные, будто заплаканные глаза. В каждом из них дрожало по луне или по большой звезде, и жило в них любопытство и приязнь к человеку.

«Наверное, она меня считает братиком», — подумал Юра.

Он зевнул и сонным естественным движением обеих рук обнял Фифи за шею, прижался к ней, теплой, пахнущей молоком и тайгой, закрыл глаза и крепко уснул.

Во сне Юре было радостно, оттого что теперь он не один: у него есть сестренка. Мать занята в школе и в драматическом кружке. Отец пропадает в рейсах. А Фифи всегда будет с ним, с Юрой. И от этого ощущения во сне душу ребенка заполняло тепло, будто заново протопили печь березовыми дровами и теперь тепла этого хватит надолго.

Ему снился большой остьвший костер, как золотое блюдо, на вишерском острове. В этом блюде лежали кедровые шишки, и из них шли синие смолистые дымы. Недалеко от костра лежала Фифи и смотрела в огонь большими влажными глазами, и в каждом из них плясало по костру. А в небе невысоко над островом зажигались звезды и смотрели вниз на мальчика и Фифи. Фифи фыркала от дыма...

В это утро Юра проспал уроки и не пошел в школу.

Фифи росла незаметно и через два года вымахала в огромную бурю лесную корову. Держали ее в хлеве и никогда не оставляли его закрытым.

По утрам она провожала Юру в школу, положив комолую горбоносую голову к нему на спину и щекоча его затылок парным дыханием. В положенное время она встречала его из школы и так же, положив голову на спину, провожала домой.

На Юру мальчишки не задирались — боялись Фифи. При ней они опасались бороться: когда большой мальчишка валит маленького на снег, Фифи брала шапку большого в зубы, относила недалеко, бросала себе под ноги, а сама стояла над шапкой и всем своим видом показывала: «Есть желающие взять шапку или нет? Кто подступится?»

Желающих не находилось, хотя лосиха ни разу никого не обидела, не ударила копытами, ни на кого не напала. Поговаривали, что учителя подобрали к Юре и стали меньше ему ставить двоек исключительно из-за Фифи.

Лосиха любила ходить с Юрой и Ангелиной Борисовной в сельмаг или в столовую, и, пока они стояли в очереди за продуктами или обедом, лосиха заглядывала то в одно окно, то в другое. Как там хозяева, скоро ли выйдут и угостят Фифи конфетами?

Конфеты она любила, как младенец-сладкоежка. Фифи выходила на проезжую часть дороги и ждала из рейса Сакко Ивановича. Шоферы знали ее слабость, останавливали перед ней машины и с рук кормили сладостями. Лосиха не отказывалась, принимала угощение спокойно, с достоинством и все смотрела на дорогу — не едет ли хозяин.

Машину Сакко Ивановича она узнавала издали и первая бежала к ней навстречу.

— Ну вот,— говорил он, угощая лосиху конфетами.— Никто меня так раньше не встречал. Ни первая жена, ни вторая. Мне сейчас легче работается. Пошли домой. Поехали потихоньку...

И неторопливо вел машину в Пудиху. Фифи важно следовала рядом с кабиной.

— Хоть бы корреспондент какой приехал! — вздыхала Ангелина Борисовна.— Рассказал бы людям о человеческой доброте, которая способна творить чудеса.

— Ну его! — говорил Сакко Иванович,— корреспондента-то... как бы не сглазил.

Юра прислушивался к разговорам родителей и боялся за Фифи, как бы с ней не случилось чего-нибудь.

Желтели листья. Облетали деревья, и небо тучами опускалось на тайгу — отдохнуть. Фифи прислушивалась к таежным звукам и вздрагивала.

Однажды она пропала, и Юра долго искал ее по закрайке тайги.

Она стояла в прозрачном осиннике — непомерно большая, горбоносая и родная и уже неуловимо далекая, нездешняя. Фифи несколько оживилась, когда увидела мальчика, нагнулась к нему, ощекотала его лицо белыми струями пара, которые били у нее из ноздрей, и внезапно подняла голову — услышала в тайге нечто такое, чего мальчик не услышал, и фыркнула, словно отчетливо произнесла свое имя:

— Фифи!.. Фи!

Юра угостил лосиху конфетами. Она взяла их в рот, но есть почему-то не могла, по дороге домой выронила все три конфеты на землю и не заметила этого.

Она сама прошла в хлев, легла на подстилку и принялась без удовольствия жевать сено.

На другое утро она, как всегда, проводила Юру в школу. А встречать не пришла.

И не пришла ночевать.

— Придет! — утешала Юру Ангелина Борисовна.— Животные так привязываются к людям! Нам это трудно представить... Садись, Юра, будем решать уравнения. Чего там они опять задают? О господи! Дальше в лес — больше дров. Да придет Фифи! Сердце мое чует, что придет.

Но Фифи не вернулась.

Лось выбежал на просеку, огляделся и не спеша направился в дальний конец ее, в осинник, что прижался к высоким соснам.

Грудью в твердых кровяных наростах сохатый нагнул светлый ствол осины, пропустил его между ног, добрался до нежнолиственной вершины, где самая сладость, оцекотал губы о мягкую, приваленную сентябрьскими утренниками зелень, но есть не стал — повел ноздрями и тоскливо и жалобно затрубил:

— О-о-о!

Прогоном через просеку прошел его любовный стон, рассыпался в деревьях и замер.

Нет ответа.

Сохатый задумчиво пошел прочь и не обернулся, когда, вырвавшись из-под его тела, с шумом распрямилась осина и долго раскачивалась, пытаясь встать прямо, как она стояла раньше, до прихода грозного гостя.

Задержался он около толстой пихты — понравилась она ему — и принялся царапать рогами ее серебряную кору, рога точить принялся. Без злости точил, а раздумчиво и серьезно, будто очень нужное, мастеровитое дело делает.

Отшел, и осталась пихта в надрезах, закипающих целебной смолой. Этой смолой даже бобр-привередник не брезгует. А человек? Болят у тебя руки, в царапинах и ссадинах — смажь, умащи их медовой смолой пихты, и скоро заживут они у тебя.

Остановился лось, задумался, шаг по шагу пошел от этого места, низко нагнув отягощенную двумя полупудовыми лопатами голову, и вдруг, жадно приплюсываясь к земле, принялся лизать копытный след — подругу почуял.

Он поднял голову и глухо, как в бочку, прогудел:

— О-о-о!

Подождал, не отзовется ли кто, и опять прогудел:

— О-о-о!

Хрустнула ветка невдалеке.

— О-о-о!

Кинулся лесной горбоносый бык на треск, на землю белая пена закапала, закипела на губах — в кустах другой бык стоит, упитанный, гладкий, только отросла на рогах поменьше.

Ударил сохатый копытом — брызнула во все стороны земля, затряс головой, выставил вперед две костяные сохи. Не дай бог попасть под них.

— Выходи на бой!

Но соперник на бой не вышел. По кустам, похрустывая валежником, полный достоинства, удалился: старикам, мол, у нас почет и уважение.

А сохатый не сразу успокоился, все головой тряс: выходи, мол, хоть по одному, хоть все сразу, не быть вам живу, а мне быть живу и любиму.

А где же она, любимая?

Опомнился сохатый, пошел по следу лосихи, нежно всхрипывая, окутывая копытные ямки парным дыханием, будто заранее увещавал еще не встреченную подругу свою не убежать и не бояться его — лесного жениха и мужа.

И вот лось увидел подругу.

Она стояла у сосен, и вся она была розовой от кроткого сентябрьского заката. Закат стекал по соснам и ненадолго задержался на ее безрогой длинной прекрасной голове, зазолотился в иссиня-карих глубоких глазах и погас, отчего они стали еще глубже и темнее.

— О-о-о! — властно и униженно затрубил сохатый. — О-о-о-о...

Она не ответила ему, не тронулась с места. И, запрокинув тяжелые рога свои, будто сразу обессилев, сохатый пошел к ней, и чем ближе подходил он к подруге, тем короче и неувереннее становились его шаги.

Сохатый подошел совсем близко, остановился и негромко, невнятно и хрипло окликнул ее.

Наверное, он сказал:

— Я тебя люблю.

Будто в задумчивости, лосиха пошла от него вдоль красных погасших сосен, и он за ней. Некоторое время они шли так, бок о бок, привыкая друг к другу, и все больше друг другу нравились.

Над самым ухом резко прокричала сойка — лосиха испуганно вскинула голову и остановилась, а лось, опьяненный встречей, не расслышал лесную сплетницу и огромным, разлатым, как крыло, рогом своим осторожно дотронулся до бока подруги.

Он сделал это так ласково, будто шепнул ей признание:

— Я тебя люблю.

Она потянулась к нему ноздрями, обнюхала его морду, потерлась комолой головой о его теплый бок.

Опять затрещала сойка, но лосиха не расслышала ее.

И как мать детеныша, лось принялся причисывать подругу, облизывая своим широким языком, укладывая волосок к волоску на ее рыжей спине.

Ночь падала в леса, кропила их мелким, не по-осеннему теплым дождем. Или он только казался таким — моросливый, обволакивающий, как туман, перепаривающий вместе с листьями, невидимый в ночи?

Ненадолго показался месяц.

А здесь внизу, в сокровенных потемках урочища, вздрагивали шорохи.

А там, в выоте, в синем проеме среди туч, похожем на длинную ушастую голову зверя, золотым влажным глазом лось глядел месяц, и взгляд этот был туманен от страсти и усталости.

В каждое озеро упало по месяцу, обозначились были тени на глубоких, как колодцы, полянах.

Зародился было месяц на молодых блестящих боках влюбленных лосей и лосихи, но скоро погас.

И долго-долго было темно в заповедном лесу — темно, сыро и потаенно, ни костра, ни человеческого голоса, только ровный колыбельный дождь...

Дождь шел до утра и сам не заметил, как обернулся туманом — таким же дождем, только мельче мелкого растворенным в воздухе.

Заструился туман, загустел — руку протяни и не увидишь ее — и стал опадать.

Рассвет без солнца высветил двух лосей, что лежали на поляне голова к голове — рогатая и комолой.

Были они светло-серые, как серебряные, — на всю жизнь запомнит их человек, если ему однажды придется увидеть лосей в этот редкостный сокровенный час.

Они поднялись из росы, как из озера, и стали, как из светлой лесной росы сотворенные.

Потянулся лось к подруге, негромко протрубил, и тихой усталостью был налит его голос:

— Я тебя люблю.

Она пошла прочь, красивая и спокойная. Лось двинулся за ней, опустив к земле две костяные сохи, касаясь губами свежих лунок от ее копыт, словно целуя следы своей подруги.

VII

Сакко Иванович на своем «КамАЗе» возвращался домой из дальнего рейса.

Только что улеглась метель, и таежные угоры сияли тихо и светло, призывая к покою и доброте все живое и сушее.

Дорогу переходил лось, и Сакко Иванович затормозил:

— Фифи!

Нет, не Фифи, а лось-самец с раскидистыми, как заиндевелые ветви, рогами пересек дорогу близко от машины и скрылся в тайге.

Сакко Иванович вылез из кабины размяться. Он осмотрел следы лесного быка и не в первый раз подумал о том, что пребывание Фифи в их семье не прошло бесследно. Она озарила их жизнь тихим светом доброты, преданности и верности чему-то важному, для чего создала ее природа. Во всяком случае, дома о ней вспоминали долго и хорошо и, вспоминая, никогда не ссорились.

А потом мало-помалу стали забывать.

Время пошло другое.

Ангелина Борисовна понемногу стала заниматься хозяйством, прекратила писать письма Иннокентию Смоктуновскому и больше не играет на сцене Катерину в драме Островского «Гроза» — годы не те.

Поутихла Ангелина Борисовна.

Сейчас среди серебряной тайги Сакко Иванович вспомнил, как она упростила его первый раз в жизни взять ее на рыбалку с ночевкой — на тот самый остров, куда в свое время он любил уезжать с сыном Юрием.

Хлопотная получилась ночевка с Ангелиной Борисовной. Она все время жаловалась на комаров и просила отвезти ее домой, «пока комары не съели заживо». Сакко Иванович показал ей кострище от старого костра, который некогда он разводил с сыном.

— Вот видишь, — сказал он, — не заросло кострище-то.

— Это?

— Точно, это.

— Мальчик ты мой маленький! Крохотуленька...

— Юра тут всегда кедровые шишки пек.

— Сакко, у тебя их нет с собой?

— Захватил пяток.

— Милый ты мой Саквож!

Помнится, они долго сидели у остывающего жарника, в котором дымилась и распространяли тревожный запах смолы синие и фиолетовые кедровые шишки. Шишки шипели, сочились маслом, и по ним сновали голубые огни. Ангелина Борисовна декламировала, нажимая на «ш» и на «а»:

...Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой...

А на небе невысоко над островом зажгались звезды, и Ангелина Борисовна шептала, прижимаясь к мужу:

— Не представляла, что рядом — такая красота. Если бы только не комары... Юра! Юра! Эх, Юра, как ты там?

Они оба думали о сыне, который служит в армии на границе и служит хорошо: недавно пришла благодарность родителям от командира части. Ангелина Борисовна вздыхала:

— Есть ли у Юры девушка?

— Откуда, мать, на границе?..

— Девушки, Сакко, есть везде.

И еще тогда на острове Сакко Ивановичу очень хотелось собрать у костра всю свою родню: дочерей, внуков, Юру, — чтобы не чувствовать себя отсыхающим корешком, который дал жизнь другим побегам, а побеги эти зазеленели, забыв про него, прыгнули к солнышку, а он остался сохнуть в стороне от них. Но он понимал, что собрать их у костра не придется, что это одна из его немногих фантазий, про которую он никому никогда не говорил и не скажет. Помнится, что тогда ночь на острове была полна всяких шорохов, шумов, всплесков, и комаров было вовсе не так много, как об этом говорила Ангелина Борисовна, а выше по течению кто-то большой, шумно отдуваясь и фыркая, пил воду, и хотелось верить, что это Фифи пришла на водопой со своим дитем, и сейчас на заре, поживив комолой голову ему на спину, она сопроводит лосенка на лежбище — на тихую поляну, и пар струится из ноздрей обоих...

Почему так хорошо помнится эта ночевка на острове? Может быть, потому, что тогда вместе с Ангелиной Борисовной он заново постиг красоту мира?

Может быть...

Сейчас на таежной дороге Сакко Иванович не то чтобы вспомнил, а скорее ощутил эту ночевку как краткую боль, и она напомнила ему, что он жив, здоров и у него есть молодой сын, которого надо дожидаться из армии. Боль эта была мгновенной, и, пережив ее, Сакко Иванович огляделся и прислушался. Окрустности сияли белыми снегами, и среди них красным притихшим зубром смотрелся его «КамАЗ».

Чего стоять-то? Ехать надо.

Сакко Иванович сел в кабину и не спеша поехал домой.

Он ехал и думал о том, что теперь-то, на шестом десятке, уже совершенно точно ничего не случится.

Теперь все позади.

Но остается еще кусочек жизни, которым следует дорожить, потому что, кроме него, ничего не будет на этой земле.

Впереди в снежных сумерках угадывалась котловина, где запала деревня Пудиха. Здесь собрался теплый туманный пар, отчего место это походило на омут. Из глубины его поднимались дымы, будто камышинки, в которые дышали люди, чтобы не задохнуться там, под водой, в глубине.

Лаляли собаки сорванными от недавних морозов голосами. И этот лай ненадолго — на миг какой-нибудь! — снова напомнил ему Фифи.

АВТОВОБУС В ИЗМЕРЕ

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Живу возле автовокзала. Привычными стали гул моторов, вокзальная суета, металлический голос диспетчера: «Водитель автобуса номер два — тридцать четыре, зайдите к начальнику движения... Автобус на Тулу отправляется через пятнадцать минут...» Кажется, окуни меня сейчас в мягкую круглосую тишину — не выдержал бы, оглох.

Каких только автобусов не увидишь на асфальтовой площадке перед вокзалом! Усталые работяги «ЛиАЗы», юркие, элегантные «рафики», солидные, «немодные», но еще вполне надежные «ЗиУ», коренастые, крутолобые «ПАЗы»... А вот, сверкая лаком и никелем, с шиком разворачивается король автострад «Икарус», а рядом, ничуть не уступая ему в изяществе, замер «ЛАЗ-699» — «междугородник». Прямо-таки выставка автобусного хозяйства страны!

Определяю на глаз марки машин, с любопытством вслушиваюсь в профессиональные разговоры водителей, мгновенным взором охватываю пестроту вокзального бытия, вбираю в себя все его звуки, запахи, краски, и меня охватывает жгучее желание дороги. Что нам сулит она — стремительно раскручивающаяся серебристая лента шоссе?..

Разве думали инженеры и конструкторы фирмы «Бритиш Лейланд мотор корпорейшен», когда в начале нынешнего столетия умело приспособили на автомобильную раму кузов необычной величины и установили внутри него кресла, что они создадут самый универсальный, самый распространенный вид общественного транспорта двадцатого века — автобус? Не принцип ли «ньютонова яблока» сработал здесь?

...А по мне — колеса крутятся, двигатель не чихает — и порядок! Парень лет двадцати, в щегольских вельветовых брюках, со множеством врезанных «молний», рубанул воздух ладонью. — А то, видите ли, не нравится, как кресла закреплены, проходы узкие, обшивка салона не та... Мура все это — не жить ведь в автобусе: приехал — вылезай!

Видно, спор этот у водителей давний, берущий за живое. В курилке дымно, горячо. Седой широкоплечий мужчина поворачивается к парню:

— Вот ты себе эти брючки пошил — и тут прострочено, и там «молния», да еще на зад бирку пришил! А к чему все это? Сунул ноги в штаны — и топай! Так тебе ж хочется поизящней, помодней... А тут не штаны — машина! Каждый винтик, шнур прокладочный, форма кресельной спинки — и для пользы и для красоты.

Ныне невозможно представить жизнь нашу без автомобиля. И если щегольской «Жигуленок» пока еще всетаки роскошь, то уж автобус — самое что ни на есть средство передвижения!

Пятьдесят шесть лет назад была открыта первая в Москве — да и в стране — автобусная линия. Что за машины вышли на эту линию? Главным образом — английские «Лейланды».

ЦЕХ АВТОМАТОВ. ЗДЕСЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК УПРАВЛЯЕТ МНОЖЕСТВОМ МЕХАНИЗМОВ.

ВЛАДИМИР АШКАН, РУКОВОДИТЕЛЬ БРИГАДЫ ХУДОЖНИКОВ-КОНСТРУКТОРОВ, РАБОТАЕТ НАД НОВЫМИ РЕШЕНИЯМИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО МЕСТА ВОДИТЕЛЯ.

Лишь к тридцатому году на ЗИСе (нынешнем ЗИЛе) освоили выпуск первой отечественной машины «ЗИС-8». Автобус капотной компоновки (двигатель, как у грузовика, выдвинут вперед) был создан на базе шасси грузовика «ЗИС-5». Десять мест для сидения, восемь — стоячих. Пусть неказист с виду, неуклюж, но ведь он сделан на нашем советском заводе. Значит, мы можем! И не надо тратить золото, и пусть не глядят на нас свысока англичане, французы, итальянцы. Погодите, мы еще вас обгоним!

И в мастерских ленинградского Авто-транспортного управления уже собирают двухосный «Л-1», трехосный «Л-3» — автобусы вагонной компоновки, которые вмещают уже до семидесяти пассажиров. И в Ярославле на основе большегрузных автомобилей делают несколько моделей.

А зисовцы разрабатывают идею «включения» автобусного кузова в несущую конструкцию машины (правда, пока это были лишь наметки).

Но мало, ох, как мало было в то время этих красавцев машин!

...Помню двухэтажный «Лейланд». От «Сокола» по улице Горького ехал я на нем в детский сад. Тянул отца за рукава, выше пойдем, на второй «этаж». Смотрел вниз, словно из поднебесья, мальчишечье сердце замирало от восторга.

После войны, когда жизнь народа

стала входить в мирное русло, нехватка общественного транспорта сказывалась особенно остро. Большинство машин было брошено на восстановление народного хозяйства. И если москвичей выручало метро, то жителям иных городов зачастую приходилось пользоваться самым древним «видом» транспорта — ходить пешком.

Насущным делом стало создание нового специализированного автобусного производства.

...Осепчугов зябко передернул плечами. Весна выдалась дождливая, с холодным ветром. Он чувствовал, что простыл. «В постель бы сейчас, да чаю с малиной». — подумал Осепчугов. Но об

этом можно было только мечтать. Кашкадамов внимательно посмотрел на главного конструктора — не заболел ли? Этого только не хватало...

Шел пятидесятый год... Львовщина вставала из руин, отстраивалась, жизнь мощно набирала обороты. Но спокойной эту жизнь назвать было трудно. По лесам Прикарпатья еще рыскали банды недобитых оуновцев, еще милиционеры не расставали по ночам с винтовками и ППШ, в селах с наступлением темноты наглухо захлопывались ставни и двери. А в городе свои сложности. Хотя карточная система была отменена три года назад, нехватка продуктов, промышленных товаров ощущалась до-

О ВСЕХ НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС НИЖАХ

Тут надо упомянуть, что к пятидесятому году лвовяне уже наладили выпуск одноосевых прицепов, прицепов-лавок, хлебных прицепов, прицепов-кузовов... На подходе были автомобильные краны, ковши для автопогрузчиков. Более того, именно здесь, на ЛАЗе, впервые собрали отечественный электромобиль! В общем, из цехов молодого завода шла нужная стране продукция. Львовян хвалили и корили — требовали: еще больше, еще! А они, не мальчики, а мужи, поседевшие, польсевшие, умудренные житейским и производственным опытом, оставались мечтателями. Они уже видели свой автобус, хотя на ватман ложились еще только первые, робкие

штрихи, а главный конструктор Владимир Васильевич Осепчугов, известный всей стране как создатель знаменитых ярославских большегрузных автомобилей, мерил из угла в угол свою девятиметровку, выкуривая за день по три коробки «Казбека».

Первый автобус — «Львів» — вышел из ворот завода в день открытия XX съезда КПСС, в 1956 году. А уже в следующем, пятидесятом, пошла серия «ЛАЗ-695». Вначале всего триста штук.

Лвовяне сумели продолжить и развить конструкторскую идею зиловец — сделать кузов «рабочей» частью машины. Проще говоря, они разработали оптимальный вариант всей несущей конструкции автобуса, отойдя от принципа «жесткой» автомобильной рамы. Кузов вагонного типа освобождал раму от части силовой нагрузки. Он как бы составлял с ней одно целое.

К тому же лвовяне пошли дальше москвичей. Они заменили в кузовном каркасе мощные и дорогие тавровые профили на пустотелые трубы прямоугольного сечения, упростив изготовление кузова и удешевив его в несколько раз.

Это был весьма ощутимый успех львовских конструкторов и инженеров.

Тысячу модернизированных «ЛАЗов-695Б» выдал завод «на-гора» в 1958 году. И пошло по нарастающей... За пригородными освоили междугородные модели. Сварку каркаса вели полуавтоматами дуговой сварки, алюминиевую облицовку крепили электрозаклепками, контактным точечным способом. И все — эксперимент, все — впервые. Конструкторско-исследовательская группа из НАМИ на полгода буквально переселилась в заводские цеха. Оставив свои уютные кабинеты и лаборатории, москвичи окунулись в напряженную атмосферу производства. Киевский институт электросварки имени Е. О. Патона тоже не остался в стороне: это патоновцы помогли лазовским технологам разработать новую, эффективную технологию сварки.

В том же пятьдесят восьмом году ЛАЗ вышел и на международную арену: экспонировался на Брюссельской выставке средств общественного транспорта. Новичок не сробел, не затерялся среди именитых фирм. Золотую медаль и Почетный диплом увезли домой советские автобусостроители. Лазовский «Турист» занял первую строку в оценочном каталоге жюри одной из самых представительных выставок. А спустя одиннадцать лет в Международном туристическом авторалли Европа — Лазурный Берег львовские машины «Украина-67» и «Украина-люкс» завоевывают «Гранпри». И получают они этот высокий приз за «надежность и наиболее эффективные эксплуатационные качества».

Думаю, такая формулировка требует некоторой расшифровки. Автобусы, курсирующие между городами — от ста до пятисот километров (а именно на выпуске таких автобусов и специализируется

УЗЛЫ БУДУЩЕЙ МАШИНЫ ПРОХОДЯТ ТЩАТЕЛЬНУЮ ПРОВЕРКУ НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ СТЕНДЕ.

ПЕРВЫХ КОСМОНАВТОВ К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ ВЕЗЛИ НА СПЕЦИАЛЬНО ОБОРУДОВАННОМ «ЛАЗе». ТЕПЕРЬ ЭТОТ АВТОБУС СТАЛ СВОЕОБРАЗНЫМ МУЗЕЕМ.

вольно остро. Но главное — нужно было в кратчайшие сроки пустить разрушенные заводы, построить новые, превратить Львов в крупный индустриальный центр Украины. Было решено построить автобусный завод...

Директор ЛАЗа Борис Павлович Кашкадамов оглядел собравшихся.

Все они, специалисты автомобилестроения, люди, прошедшие выучку на крупнейших заводах страны, приехали во Львов, чтобы наладить выпуск отечественных автобусов. Вернее, чтобы в муках, горячих спорах, бессонных ночах — в работе, отнимающей порой все силы, создать свой автобус.

А теперь, спустя столько лет, попробуем представить себе, каково было им, первым конструкторам и инженерам, тридцати энтузиастам, стоявшим здесь, в полуразрушенном городе, у истоков, по существу, новой отрасли автомобилестроения.

ИДЕТ СВАРКА КОРПУСА.

ТАКИМИ ВИДЯТ КОНСТРУКТОРЫ БУДУЩИЕ «ЛАЗы».

ЛАЗ с шестидесяти годов),— существенно отличаются от автобусов городских. Они, как правило, меньших габаритов, им не нужны вместительные тамбуры-накопители, те самые, что становятся в часы пик «резиновыми», от них не требуется резкого ускорения при разгоне. Путь «междугородника» неблизок, частых остановок не предвидится...

Но зато этот автобус должен быть скоростным, комфортабельным (ехать-то не один час!) и в то же время неприязательным в эксплуатации. Ведь, к сожалению, еще не так часто встретишь станцию техобслуживания на пятисоткилометровом участке дороги.

— И добавь к этому повышенную проходимость,— подсказывает Александр Федосеевич Следь, директор завода.

Он знает любую модификацию «ЛАЗа», как говорится, до винтика. Начиная с токаря в механическом цехе, прошел все ступени производства. Шальной ветер кадровых соблазнов, к счастью, не закружил его. От токаря до мастера, от мастера до сменного инженера... И в конструкторском и в технологическом бюро поработал. В общем, подготовка к директорствованию была основательной.

...И, развивая мысль, Следь продолжает:

— Почему именно надежность машины волнует нас? Дороги. Эх, дороги... Где только не приходится бывать нашим «лазикам»? Шоссе, автострады, бетонки—спору нет, прекрасно! А сельские большаки, а «мошенка», которая не ремонтировалась уже лет двадцать, а проселочные дороги, грейдерные?.. Весна, осень—хлябь непролазная. Чуть морозы ударили—наледь. Вам любой автобусник скажет: многое в нашем деле зависит от дорожников. Вот и приходится усиливать надежность узлов, порой «утяжелять» машину. Из Института автобустроения придет разработка—глаз радуется: изящно, легко, воздушно. А мы эту «воздушность», «изящность» к матушке-земле гнем. Мы-то не должны забывать про ухабы—в прямом, к сожалению, смысле слова.

...К десятилетнему юбилею лазовцы выпустили сорокатысячный автобус. Это уже была цифра! Лазовцы выходили на «максимальную скорость движения».

В селекторе что-то щелкнуло, и раздался чуть хрипловатый голос главного инженера Пидвального:

— Цех гидромеханических передач? Как дела?

— Идем с опережением, Ярослав Михайлович,—деловито ответил начальник. И вдруг, сбившись с тона, радостно, по-мальчишески закричал в микрофон:—Сегодня бригада Миляна закрывает первый год одиннадцатой пятилетки! Так что у нас Новый год, милости просим в гости.

Гидромеханическую передачу разработали здесь, на ЛАЗе, пятнадцать лет назад. Эта новинка пришлась по душе водителям: нагрузка по переключению скоростей уменьшалась в несколько раз, управлять автобусами стало гораздо легче. Особенно громоздкими городскими.

Одним из первых в новый цех пришел со своей бригадой Николай Иванович Милян. Это были асы сборки. Они задали тон в цехе, с первых же месяцев перекрывая в работе все установленные нормативы. Продукцию сдавали без ОТК. Личное клеймо бригадира, Героя Социалистического Труда Миляна стало самой надежной гарантией качества.

Бригада Миляна—бригада-передовик, бригада-флагман... А в общем-то это веселые, добрые люди. Они готовы прийти на выручку друзьям, охотно делятся своим опытом и мастерством с молодежью. Сам Николай Иванович уже не один год возглавляет заводской Совет наставников. Очень хорошо сказал его ученик, слесарь-сборщик, заместитель секретаря цеховой комсомольской организации Слава Малайчук:

— Работать с Миляном—это значит пройти рабочие университеты.

Побеседовав с теми, кто знает Миляна, кто трудится с ним бок о бок, я бы добавил: и высшую школу житейской, сердечной мудрости.

— Люблю работать с молодыми,—говорит сам Милян.—Мне по душе их задор, их максимализм. Молодость—пора поиска, риска и... ошибок. Чтобы ребята не так больно «ушибались», мы, ветераны, подстраховываем их. Ведь нас в свое время тоже учили старшие.

ЛАЗ—завод молодежный. Средний возраст—комсомольский, 27 лет. Здесь немало комсомольско-молодежных бригад. На всю страну известна одна из них—лауреата премии Ленинского комсомола Николая Соболя. Станочники из автоматного-механического цеха, «соболевцы», нынче тоже трудятся уже в счет одиннадцатой пятилетки.

— На пятки молодежь наступают,—шутит Милян.—Ничего, резвее будем.

Чего-чего, а рабочей «резвости» бригаде Миляна не занимать. Вот и сейчас, накануне XXVI съезда партии, досрочно завершив задание 1981 года, эта бригада стала инициатором заводского движения: «XXVI съезду КПСС—двадцать шесть ударных, высокопроизводительных декад!». А одними из первых, кто подхватил эту инициативу, стала бригада Николая Соболя.

— Ребята стараются ни в чем не отстать от милянцев,—говорит секретарь комитета комсомола завода Зиновий Граб.—И хотя работают они в разных цехах, соревнуются очень эффективно.

Парни из бригады Соболя стараются перенять не только и не столько профессиональные навыки (одна бригада—сборщики, другая—станочники), а сам рабочий настрой, ту атмосферу духовной творческой напряженности, которой заряжен коллектив знатной бригады, словно лейденская банка электричеством.

Когда в прошлом году комсомольцы Приморья бросили клич—снарядить в дорогу символический эшелон «Комсомольская бережливость»,—одними из первых в этот необычный состав влились комсомольцы ЛАЗа. И на финише, в Ульяновске, в апреле нынешнего года был и Николай Соболев со своими товарищами.

А комсомольско-молодежная бригада токарей Александра Мороза дала слово завершить план первого полугодия одиннадцатой пятилетки к дню открытия партийного съезда. В день открытия—работать на сэкономленных материалах и электроэнергии.

Да, ЛАЗ—завод молодой. Но что касается добрых рабочих традиций, они, как мы видим, сложились здесь прочно.

Будто всполохами зарницы рассекается воздух огнями электросварки. Огромный металлический каркас кузова кажется неестественно громоздким и беспомощным. Неужели он когда-нибудь станет изящным «лазиком»?

— Что, засмотрелся?

Я оборачиваюсь. Видно, лицо мое сохраняет выражение растерянности, недоумения, потому что человек, окликнувший меня, улыбается и заразительно хохочет.

— Не веришь, брат, что с такой крендилолины автобус сробим?—Он снимает тяжелую брезентовую рукавицу и смахивает пот со лба. Его лицо мне кажется удивительно знакомым. И в то же время я уверен: мы не встречались.

И тут вспоминаю, где видел это лицо: в заводской аллее Трудовой славы, на портрете, писанном маслом. Те же веселые, с рыжими глазами, та же широкая улыбка. «Лауреат Государственной премии УССР, электросварщик Ковальчук»—значилось под портретом.

— Олимпийские,—кивнул он на стальной каркас.

...«Олимпийский» заказ стал своеобразным экзаменом и для «лазика», и

для львовских автобусников. К московским Играм они должны были сделать пятьсот пятьдесят машин. Казалось бы, чего проще. Для завода, выпускающего ежегодно около пятнадцати тысяч автобусов, подобный заказ, в сущности, малость. Но дело в том, что к этой малости предъявлялись особые требования: машины шли на обслуживание «олимпийской семьи». Надежность, качество, комфорт. Олимпийский автобус должен был вобрать в себя лучшее, чего достигли лазовцы почти за четверть века автобустроения.

Основой для «олимпийца» стала последняя модификация—ЛАЗ-699. В КБ завода группа молодых конструкторов, инженеров, рабочих—мозговой центр, «олимпийские надежды», как шутливо нарекли их на заводе,—искала самые оптимальные решения технических задач. А кроме названных трех—качество, надежность, комфортабельность,—остро обозначилась еще одна—экономичность.

Не расхохотался, бывало, и за полночь Кофеварка (а какой львовянин может обойтись без кофе?!), не успевала остывать. Главным конструктор, самый «пожилой»—сорок два с хвостиком,—Москалев Владимир Васильевич (вот ведь совпадение: и первый главный на ЛАЗе был тоже Владимиром и тоже Васильевичем!), когда уже линии на ватмане двоились, а глаза нестерпимо резало от перенапряжения, оглядывал свою «сборную» и тихо так, мечтательно говорил:

— Споем, братцы! И сон, и усталость, и напряжение растворялись в песне, а спустя пару минут кто-то, прерывая мелодию, кричал:

— А что, если так попробовать?!

На одну из таких «спевков» попал и Александр Федосеевич Следь.

— Да тут никак хоревая капелла?—Подшел к чертежам. Постоял, покачиваясь на носках, хмыкнул одобрительно:—Что ж, схема вентиляции, считайте, готова. Довели-таки ее до ума...

Индивидуальная вентиляция над каждым пассажирским креслом и в кабине водителя была тем новшеством, которое львовяне внедрились в олимпийский образец «ЛАЗа». Вернее, одним из новшеств.

Разрабатывалась схема вентиляции уже года два до этого. Но дело, честно говоря, шло ни шатко ни валко. Обстоятельства вроде бы не торопили. А тут совпало: новая машина—новая вентиляционная схема. Плюс к этому предстояло качественно изменить внутренний интерьер кузова, его убранство.

Впервые в отечественной автобустроительной практике на пол стлались тафтенговые ковры—те самые, что украшают кабину «Жигулей» последней марки. Поначалу думалось—ничего сложного: бери сверло, штабики и крепи. Оказалось—не тут-то было. Край плавился, на сверло наматывалась тафтенговая нить—и ребята горестно вздыхали. Что делать? В «мозговом тресте» нашли выход: крепежные отверстия не сверлить, а прожигать...

Случались и ошибки. Решили заменить облицовку потолка кузова: вместо декоративного пластика пустить пресованный картон с декоративной пленкой. Крепить на ДВП—древесноволокнистой плите—вид фирменный, не хуже «Икаруса», и дешевле, что тоже немало важно. Стали делать, не попробовав, не разработав технологию. Обожглись. Картон «повело»—перепады температур и влажности буквально «сжевали» весь декор. Пришлось возвратиться к испытанному пластику.

— Но мы с пленкой совладаем, вот увидите!—пообещал азартно сборщик Василий Коротко.

Совладают... Так же, как одолели производственные «отмели» и конструкторские «риффы» и вывели свой «лазик» в открытое плавание по волнам московской Олимпиады.

Вот они, бело-зеленые, летят по мос-

ковской автостраде, сливаются в фантастическую ленту. Солнце тысячекратно отражается в лобовых выгнутых стеклах, на сверкающих полировкой кузовках. Легкие, стремительные «ЛАЗы»—прямо-таки чемпионские машины!

А одна из лазовских машин была особой. «Украина» сопровождала олимпийский огонь от границ нашей Родины до Москвы, до стадиона имени В. И. Ленина.

— Красиво работали в те дни, на одном дыхании,—вспоминает сейчас ветеран завода слесарь-сборщик Коломейчук. (Это он в далеком нынче пятьдесят шестом вывел из сборочного под восторженные крики друзей-заводчан долгожданного первенца—ЛАЗ-695).—Мы так работали, когда первый автобус собирали. Да еще когда «байконурскую» серию открывали... Такая работа не забывается.

Давайте приостановимся на минуту. Подумаем, почему именно машины с олимпийской символикой стали той «лакумусовой бумажкой», которая позволила выявить в коллективе лучшие качества современных производственников: оперативность, гибкость мышления, четкость в организации труда. Ведь, в сущности, все эти качества были у лазовцев раньше. Но в данной ситуации они проявились как бы в концентрированном виде. В предельно сжатые сроки львовяне сумели сделать машины, отвечающие всем международным параметрам. Под стать фирмам «Лейланд», «Берлие», МАН, чьи заводы выпускают автобусы вот уже три четверти века.

Ну, а серийная продукция? Чего греха таить—случается, что собирают некоторые машины по принципу, столь образно сформулированному обладателем вельветовых брюк: «... лишь бы колеса крутились». Водитель, который провёл за рулем автобусов около пятнадцати лет, как-то сказал мне: «Получаю новую машину, захожу в салон, кажется, все «с иголочки». А приглядишься—шнур прокладочный болтается, сиденья закреплены кое-как, облицовка покорежена... Мелочи вроде, а я однажды насчитал таких «мелочей» около ста. Не обидно разве?! Хороший скоростной автобус. Сотни людей вложили в него знания, опыт, душу. А вот на сборке кто-то что-то недокрутил, кто-то перекрутил, ОТК не заметил: конец месяца или квартала, план давать надо. В результате в парк приходит машина-недоделка... А ведь на ней марка заводская значит, известная нынче всему миру».

Львовская марка. Она действительно приобрела нынче международную известность.

На автобусе с этой маркой—буква «Л», вписанная в окружность,—выезжают на старт, к кораблю наши космонавты. Он для них последний земной транспорт. «Космический лазик» полюбился отважным исследователям космоса. В заводском музее хранятся фотографии космонавтов с их дарственными надписями. А один из них, Герой Советского Союза Ю. Глазов, зачислен в комсомольско-молодежную бригаду имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Дорожить честью заводской марки должен каждый—от рабочего до директора. И когда это чувство высокой ответственности охватывает весь коллектив, тогда, по-моему, и происходит прочная сцепка личного и общественного—рождается рабочая гордость за свое дело.

Собственно, так и случилось в дни предолимпийской трудовой вахты. Лазовцы показали, как они умеют работать. И такая работа им самим была в радость.

Сегодняшний ЛАЗ—Львовский орден Трудового Красного Знамени автобусный завод имени 50-летия СССР—крупнейшее в Европе автобусное предприятие. По выпуску продукции он уже превзошел «Икарус».

Из семидесяти тысяч автобусов раз-

личных модификаций, которые ежегодно производят заводы страны, каждый пятый выходит из сборочных цехов ЛАЗа. Машины с львовской маркой экспортируются во многие страны мира (а ведь сравнительно недавно мы лишь закупали автобусы!).

На любимых дорогах Союза можно встретить элегантный, стремительный «лазик». Это самый популярный, самый массовый в стране междугородный и туристический автобус.

И все же в самом начале разговора с главным конструктором Всесоюзного промышленного объединения «Союзавтопром» Евгением Степановичем Майоровым я спросил:

— А может быть, автобус отживает свой век? Не идет ли ему на смену новый вид общественного транспорта, чей контур еще только брезжит в беспокойных умах конструкторов?

Майоров улыбнулся:

— Пока что нам без автобуса не обойтись. Другое дело, что нынешний автобус будет постоянно видоизменяться. В первую очередь двигатель. На смену бензиновому, карбюраторному идет дизельный. И в этом ЛАЗ будет снова первым.

Во Всесоюзном конструкторско-экспериментальном институте автобусостроения, который расположен на территории Львовского автобусного завода (завод является базовым предприятием института), конструкторская мысль реализуется в металле, стекле, пластике... Мне показали образцы машин, которые запустят в серийное производство в одиннадцатой пятилетке.

Дизельный двигатель — долговечный, надежный, экономичный и гораздо менее прихотливый в обслуживании, чем бензиновый, — основа завтрашнего «ЛАЗа». А кроме того...

— Обратите внимание на интерьер салона, — говорит инженер-дизайнер Владимир Ашкин. — Плавные, закругленные линии, никаких выступов, углов. Пассажиры должны сливаться с пространством, с движением, как в воздушном лайнере. Ведь если скорости возрастут, значит, возрастут и нервные нагрузки. Мы снимаем их мягкой расцветкой салона, избегаем тонов холодных, резких. Свет слегка притушен; спинка сиденья регулируется автоматически, принимая удобную для тела форму.

Не скрою, я залюбовался макетом. Но тут же поймал себя на мысли: а как насчет «оврагов»? Как неожиданно видоизменится этот красавец, пройдя заводские цеха?

— Конечно, производственникам придется внедрять новую технологию. — Ашкин будто угадал мои сомнения. — Но завод реконструируется. Строятся прессовый корпус, литейка, переоборудуются кузовной...

Главное же, как мне думается, лавовцы морально готовы к выпуску новой модели. Уже собран первый образец автобуса с дизельным двигателем. В следующем году их будет двести штук, а к концу одиннадцатой пятилетки автозавод страны примет около двух тысяч дизельных «ЛАЗов».

Специфика ЛАЗа, как, впрочем, и других автобусных предприятий, в том, что почти шестьсот заводов со всех концов страны поставляют необходимые для сборки детали, узлы, фурнитуру. Считай, в каждом крупном городе есть завод, работающий и на лавовцев. Из Москвы идут двигатели, из Ярославля — шины, из Подмоскovie — передние оси... Фрунзе поставляет масляные радиаторы, Сумгаит — трубы и эпоксидные смолы, Белоруссия дает рессоры и карданные валы. Некоторые зарубежные предприятия — постоянные партнеры львовян: из Венгрии поступают на завод задние мосты, из Чехословакии — лакокрасочные изделия...

Это, понятно, затрудняет работу завода: случается, недопоставки сбивают производственный ритм. И здесь имеют первостепенное значение внутризаводская организация труда, использование внутренних резервов.

— Сейчас собираем все силы в кулак, — говорит Следь и как бы для наглядности сжимает свои сильные, широкие пальцы. — Расширяя, реконструируя производство, мы освобождаемся от некоторых поставок. Работаем с партнерами и за «дипломатическим» столом. В этом нам хорошо помогает комсомольская организация.

В комитете комсомола я видел несколько писем в адрес комитетов ВЛКСМ некоторых заводов-смежников: «...Просим оказать содействие в своевременной поставке комплектующих изделий».

И комсомольцы этих заводов оказывают содействие, потому что все мы в конечном счете делаем общее дело — приумножаем богатство Родины.

Освоение дизельных двигателей, повышение комфортабельности автобуса и надежности его в эксплуатации — направления, определяющие завтрашний день ЛАЗа. И прав главный конструктор Майоров, не будем торопиться списывать со счетов автобус.

В последней партии автобусов, что уходили в Москву на Олимпиаду, ехали двадцать пять молодых рабочих завода. В кармане каждого лежали билеты на Олимпийские игры — приз победителей преодоленийской вахты.

День выдался на редкость погожим. Солнечно, ни ветерка... Ребята шутили, смеялись. Кто-то из девчат крикнул:

— Без медали не возвращайтесь!

Миша Селанин, высунувшись из окна автобуса, солидно ответил:

— Привезем обязательно... Шоколадную!

И вот автобусы тронулись. Бело-зеленая колонна с красными флажкамиazole водителевских кабин. Сначала медленно, нехотя, будто раздумывая; а стоит ли покидать родной дом? Потом обороты нарастают, скорость увеличивается, колонна выехала на автостраду Львов — Москва — и пошла!

А закончим этот очерк несколько неожиданно...

Есть автобусы специальной северной модификации. Удобные, с повышенным обогревом, они не вызывают нареканий у горожан. Жители Норильска и Магадана, Воркуты и Тюмени, Якутска и Нарьян-Мара оценили их по достоинству. Но те же автобусы в таежных условиях, где нет асфальтированных дорог и благоустроенных стоянок, где свет фар с трудом прожигает толщу спрессованной темноты, уже не кажутся пассажирам уютным «домом на колесах». Особенно морозным утром, когда рабочие едут на сменную вахту — на буровую, на трассу. Становится ясно: нужны специальные машины. Красивые, теплые, комфортабельные. Приспособленные для нужд рабочего человека, которому через час-другой предстоит нелегкий труд.

«Смена» давно уже шефствует над строителями, газовиками, нефтяниками Тюменщины. Мы знаем, как им не хватает такого вот «лазика». Как они будут рады ему!

И мы, редакция журнала «Смена», обращаемся к львовским автобусостроителям — к директору ЛАЗа Александру Федосеевичу Следю, к главному инженеру завода Ярославу Михайловичу Пидвальному, к главному конструктору Владимиру Васильевичу Москалеву, к секретарю комсомольской организации Зиновию Грабу — ко всем лавовцам, к ветеранам и молодежи: помогите северянам, сибирякам, сконструируйте, создайте, сделайте такой автобус! Если хотите, это просьба и Центрального Комитета комсомола.

«Смена» готова участвовать в этом нужном деле — взять шефство над выпуском новой модификации «ЛАЗа».

Слово за вами, лавовцы! Пусть рядом с «байконурскими» и «олимпийскими» машинами станет новая модель львовского автобуса — для рабочих Севера и Сибири.

Виктор ШИРОКОВ

ДУБОСЕКОВО, ПОЛЕ БРАННОЕ

«Что я знаю о своем отце? Мне не было и четырех лет, как началась война. Отец уходил на фронт летом 1941 года. Он тогда сфотографировался со мной, тот снимок сейчас в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. На еще мокром негативе выцарапал буквы: «И за будущее дочку уйду я на войну». Надпись звучит как поэтические строки. Отец сочинял стихи...»

(Из рассказа дочери Василия Клочкова. Газета «Правда», 1974 г., 5 марта).

Мы — дети лет послевоенных,
а что мы знаем о войне?
В своих вопросах откровенных —
от времени не в стороне.
Живем тревожно, беспокоясь
за поколение свое...
О наша память — наша совесть,
мы не свободны от нее!
Единственная несвобода,
что человечеству нужна!
Нам памятниее год от года
Отечественная война.
И мне, ровеснику Победы,
сегодня не заснуть опять.
Спешу по фронтовому следу
в те годы — тех людей понять...

Дубосеково. Разъезд.
Насыпь. Шпалы. Стрелки. Рельсы.
Без конца из дальних мест
здесь в Москву проходят рейсы.
Выйди. Почувствуй тронь ногой.
Зазвенит она, как камень.
Вздуродажена войной
и овевяна веками.

Вслушайся, такая тишь!
Простучит стая, и снова
на ушедшее глядишь,
видишь признаки былого.

Наклонись.
Земли комок
подержи в руке.
Не надо слез и клятв.
Вдохни дымок
разорвавшихся снарядов.

Проведи рукой — и впрямь
жжет и режет, как осколки.
Ощути сегодня сам —
сколько пуль и павших сколько!
Как походные ремни,
перекрещенные строго,
здесь сошлись слова и дни,
люди, судьбы и дороги.

Здесь,
на подступах к Москве,
высшею проверкой стали
мужество людей,
идей схватка,
бой сердец и стали!

Много лет тому назад,
собираясь на парад,
брился тщательно Клочков
с невеселой думой.

Пел.
Верней, гудел.
Без слов.
В дверь землянки дуло.

Возвратившись в полк,
Василий
о столице рассказал.
Облик раненой России
стыл встревоженно в глазах.
Рассказал о баррикадах
в тихих улочках Москвы,
о москвичках ненарядных,
маскирующих мосты.
И о клятве. Вновь сурово
повторил своим друзьям:
«До последней капли крови
буду драться,
а не сдать немцу...
Трусость не приемля,
за народ паду в бою
и уйду за эту землю
в землю милую свою!»

Немцы шли, как на прогулку.
Крупным шагом. В полный рост.
Эхо вздрагивало гулко.
Шли на собственный погост
возле русского окопа...
Вот схватились в рукопашной
двое. Дышат тяжело.
Пар над каждым, как над пашней.
В крупных каплях
потный лоб.
Гром земной
грохочет дружно,
будто бы со всех концов
заработали натужно
миллионы кузнечков.
Стук и скрежет бесконечны.
Страшен
этот цех кузнечный!
Подкосили пули парня,
положили в грязный снег
нежно-нежно,
плавню-плавню...
Неподвижен человек.
Диев (прозвище Клочкова)
подбежал к нему. Достал
бинт,
но кровью струей багровой
била в десяти местах.
Очередь прошла ровно.
Уложила наповал.
Но Клочков его упорно
все же перебинтовал.
Снова небосвод алеет.
Кажется, и бой слабеет.
Передышка. Посчитали:
наших — девять...
тридцать — тех...
Восемнадцать танков встали —
первый горестный успех...
Кто убит — всех
помнить ВЕЧНО!
...Конкин, Емцов...
Всем ПОКЛОН,
самый низкий и сердечный!..
Первый в том бою урон.

Врагу уготована тризна
и холод заброшенных ям...
Родимая мать Отчизна,
дай силы своим сыновьям!
И снова Москва пред глазами.
Клочков вспоминает опять
о битвах великих сказанья,
святую российскую рать...
Разносится четко и мерно
звнящего голоса медь: «Друзья!
Нам придется, наверно,
на этой черте умереть!»
Простившись последним объятьем,
с тревогой и болью в глазах
погибли, как кровные братья,
москвич, украинец, казах...
Погибли, погибли герои,
для них отошли навсегда
огни несвершившихся строев
и звездных миров города.
Стихов недописанных яркость,
все, что накопилось в душе, —
все сплавилось,
вылилось в ярость
на том огневом рубеже.
Под танком взорвался Василий,
поэт, политрук, человек...
Кровинка великой России
скатилась на смерзшийся снег...

Когда-нибудь вспомнят:
Навеки
он верил в народ и страну.
И ЗА БУДУЩЕЕ ДОЧКИ
УХОЖУ Я НА ВОЙНУ.

ГОРОД НАД ОБЛАКАМИ

Александр АЛЕКСЕЕВ

Архитектуру называют застывшей музыкой... Поэтический образ. Вслушайтесь, разве вам не чудится гармоничная мелодия при взгляде на удивительные творения: Московский Кремль, Адмиралтейскую иглу, Парфенон, храм Покрова-на-Нерли, Эйфелеву башню... В них мы узнаем дух эпохи. По ним судим, какие чувства, какие художественные образы волновали создателей, каким мастерством владели они...

Многие из этих уникалов стали символами стран, городов. И счет им — единицы. Города же ныне огромны. Что же заполняет их

листья? Пластины нависали друг над другом, свободно пропуская свет и воздух, но преграждали путь дождю. Правда, все это примеры лишь копирования формы и «технологии» природы.

В начале шестидесятых годов архитектор Ю. С. Лебедев предпринял первые попытки освоить сами принципы построения и развития живой природы и перенести их в зодчество. Такие задачи новой области архитектуры — архитектурной бионики — были куда более сложными, но и сулили богатые перспективы. Ведь здесь нужно было не просто смоделировать организм таким, каков он есть, а исследовать и отобрать нужное, очи-

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

нить. Разве не поражает своим совершенством система «кость — мышца»? Работая в паре, они органически дополняют друг друга. По существу, это идеальная предварительно напряженная конструкция: твердые кости сопротивляются сжатию, а эластичные мышцы — растяжению.

ВОЗДУШНЫЕ «МЫШЦЫ» СТЕН

По сравнению с творениями природы даже лучшие из сегодняшних строительных конструкций выглядят непомерно тяжелыми, грубыми, сложными в исполнении. Почему? Современные проекты далеки от совершенства?

Подобная гибкая структура может пригодиться для создания малых архитектурных форм — детских площадок, летних павильонов, торговых заведений.

каменные джунгли? Жилые дома и вокзалы, заводы и стадионы, магазины и ясли... Словом, все то, что нужно нам каждый час, каждую минуту, без чего мы просто не сможем существовать. И не просто нужно, а еще мы требуем и максимум удобства.

Тут-то и подстерегает неумолимое противоречие: то, что вчера и сегодня вполне и даже с лихвой устраивало нас, завтра безнадежно устаревает. И это завтра при нынешних сумасшедших темпах жизни наступает не через столетие, а гораздо быстрее — через какие-нибудь 10—15 лет. Вот он, парадокс: жизнь динамична, архитектура статична.

А нельзя ли «растопить» застывшую музыку? Можно ли сделать так, чтобы эта рукотворная сфера нашего обитания перестраивалась, сообразуясь с нашими нынешними нуждами и чаяниями? И при этом обойтись без расточительного разрушения домов, которым от роду-то не больше пятнадцать. Трансформировать их. Оказывается, это вполне реально, только возможность подобной трансформации должна быть заранее заложена в конструкцию.

Именно потому и пошли зодчие на поклон к вечно изменяющейся и совершенствующейся природе. Ведь по ее образу и подобию можно выплестать самые удобные конструкции, заимствуя то, что «найденно», а точнее, тщательно отобрано за миллионы лет эволюции.

Учиться у природы не столь уж и зазорно. Еще Галилео Галилей как-то, в задумчивости покрутив в ладонях стебелек, взял да и придумал формулу статистического расчета балки. И вплоть до XIX столетия благодарили его строители. Итальянскому зодчему Брунеллески за завтраком настолько понравилась куриное яйцо, что он увековечил скорлупу в куполе флорентийского собора. И не прогадал — прочность конструкции оказалась отменной. Не под сенью ли древа осенила К. Мельникова мысль изготавить крышу советского павильона на Международной выставке 1925 года в Париже в виде отдельных

стиль от второстепенных деталей. Тогда и выявляются те принципы и закономерности, которые окажутся дееспособными в архитектуре. Словом, исследователи отказались от «скольжения по поверхности», а попытались заглянуть в суть живой природы.

...В центре Москвы, на Сивцевом Вражке, приоткрылась лаборатория архитектурной бионики ЦНИИ теории и истории архитектуры. Несколько крохотных комнат тесно заставлены столами, шкафами, верстаками, и повсюду модели. Модели из бумаги, пластмассы, дерева, металла... Десятки самых причудливых форм и конструкций, будто пришедших сюда с иллюстраций фантастической книги.

И, словно угадав мой вопрос, руководитель лаборатории кандидат архитектуры Юрий Лебедев говорит:

— Лихо накручено? Но приглядитесь внимательно: при всей кажущейся сложности и причудливости эти модельки собраны из предельно простых элементов. Все заимствованное у природы обязано быть максимально простым и технологичным. Иначе нечего и надеяться, что наши разработки «усыновит» строительная индустрия. Любой архитектурный проект — это поиск золотой середины между затратой средств (энергии) и их отдачей. Вот тут есть чему поучиться у растений и животных. Например, ветви, стволы, корни деревьев, раковины многих моллюсков конусовидны. Такая форма не только экономична, но и предоставляет все возможности для развития.

А разве не любопытно, как живая природа противостоит свирепому натиску ветров? Некоторые виды растений скручивают свои стебли и отростки в спирали. В архитектуре такое закручивание можно смоделировать при помощи простых стандартных элементов. Вспомните знаменитую Шуховскую башню: она сделана фигурной, а состоит только из прямых балок. Так и получаются закрученные поверхности — прочные и легкие. Их с успехом можно использовать и для перекрытий пролетов и для возведения высотных сооружений с малой площадью опоры. Ветер будет лишь скользить по гладкой фигурной поверхности и не причинит вреда конструкции.

Предметом наших исследований стали и всевозможные живые организмы. В них есть удивительные объекты для заимстования

Или качество строительных материалов оставляет желать лучшего? Не только.

Дело в том, что любую конструкцию человеку приходится проектировать в расчете на худший случай. Или, иными словами, на максимальную нагрузку. Скажем, крыши рассчитывают на такой слой снега, который выпадает очень редко. Если речь идет о высотных сооружениях, то они должны выдерживать напор самых сильных ветров. А полы и межэтажные перекрытия — максимальный вес людей и обстановки, которые только может вместить данное помещение. Вы скажете: иначе поступить нельзя. Так ли это?

— Возьмите для сравнения ту же человеческую мускулатуру, — говорит архитектор. — Мы сейчас беседуем — и мышцы наших рук предельно расслаблены. Но стоит взять в руки какой-нибудь предмет — и они напрягутся. Причем степень их напряжения будет строго соответствовать величине нагрузки. Лишь в тех случаях, когда мозг подает особые команды — например, приказывает раздвинуть предмет пальцами, — напряжение мышц становится значительно большим. А если такими же свойствами — способностью изменять свою прочность — обладала бы и конструкция зданий? Легко оценить, сколько можно было бы сэкономить материалов, труда, времени, средств!..

— Но ведь это чистой воды фантастика! Те искусственные мышцы, что удалось создать биофизикам, — сложнейшие устройства. И представить, что из них построен целый дом?.. Да только на энергию, чтобы заставить их работать, можно разориться!

— Зачем же решать задачу в лоб? Например, сегодня все шире начинают применяться аэроэластичные конструкции — в виде оболочки из синтетических материалов, между слоями которых нагнетается сжатый воздух. При нормальной погоде такую оболочку просто неразумно держать под давлением, рассчитанным на максимальные нагрузки, — так она быстро «устанет» и разрушится. Но вот выпал мокрый снег или поднялся сильный ветер — и конструкция «оживает». На тех ее участках, где нагрузки увеличились, срабатывают чуткие датчики. А в ответ на их сигналы включаются компрессоры и начинают подавать в соответствующие полости оболочки дополнительные порции воздуха. Увеличива-

Крыша Олимпийской велотреки в Крылатском своей формой напоминает крылья летящей бабочки.

ется жесткость оболочки, а вместе с ней и способность противостоять нагрузкам. Утих ветер — и избыточный воздух можно тут же стравить наружу. На таком принципе можно создать и надувные лестницы, ступени которых будут автоматически становиться твердыми только под нашими ногами. А потом снова возвращаться в расслабленное состояние...

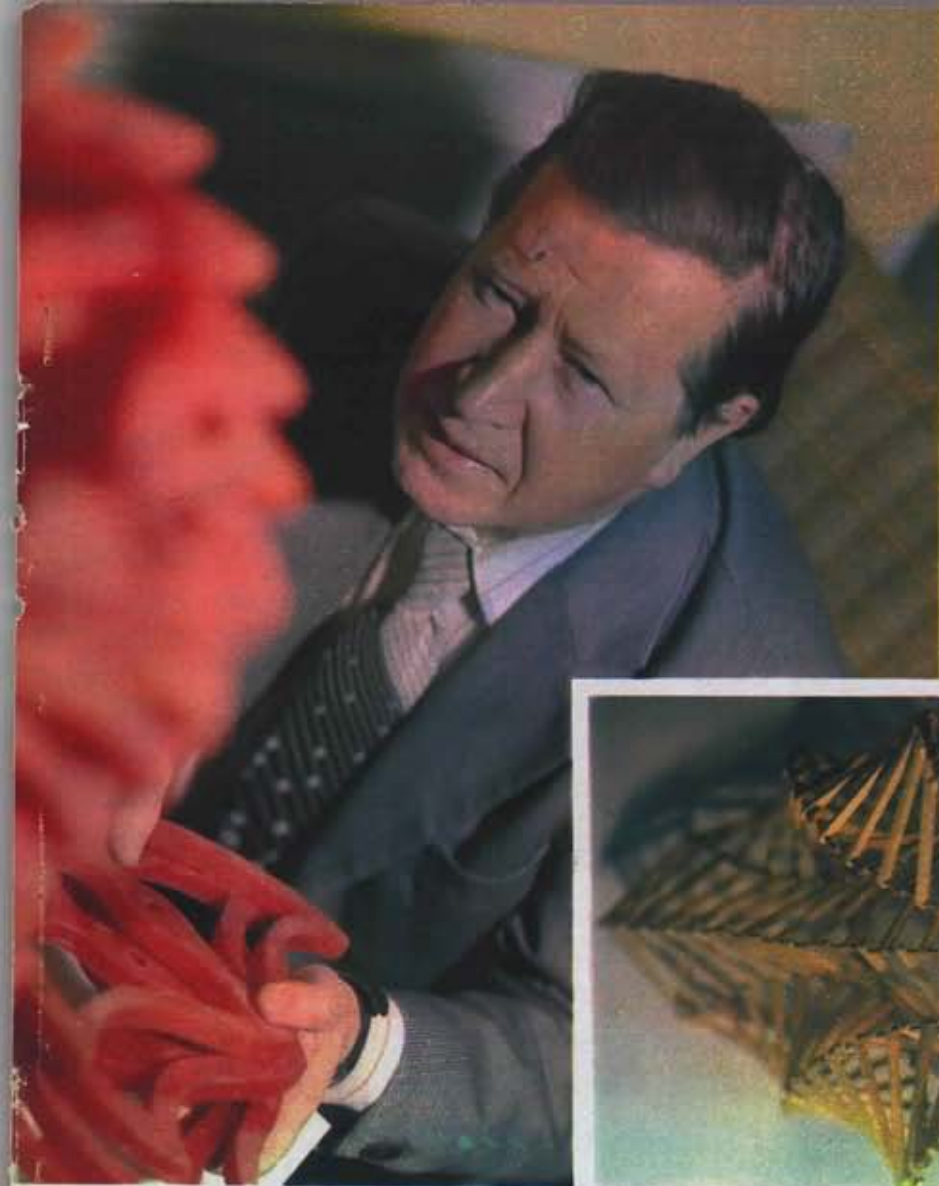
Как видите, строительные конструкции, умеющие приспосабливаться к разным нагрузкам, — вещь вполне осуществимая. Но архитекторам не дает покоя и другое заманчивое свойство живых «строений» — умение реагировать на изменения погоды, температуры, даже освещенности в течение дня.

Всем известно, что лепестки цветов по вечерам складываются в головки, защищая соцветия от ночных холодов. А головки спешат склониться к земле, чтобы внутри не опали капли росы. Но встает над горизонтом теплое солнце — и цветы распускаются вновь. Если бы так же вели себя и крыши теплиц, бассейнов, спортивных залов! Тогда их можно наполнить солнцем и не надо отапливать или специально проветривать. А в бассейне можно было бы даже загорать.

Конечно, если лепестки раздвижной крыши-цветка будут сделаны из тяжелых плит, этот замысел едва ли завоеует сторонников. Но природа здесь подсказывает выход на примере листа подорожника.

В жаркий и сухой летний день подорожник обычно сворачивает свои листья, чтобы уменьшить поверхность, испаряющую влагу. Как ему удается это сделать? Оказывается, с помощью нитей-жилок, спрятанных в трубочке стебля. Отсюда у архитекторов и родилась идея очередной «живой», как они говорят, трансформируемой конструкции.

Ее основной элемент — трубка из упругого материала типа резины. Внутри трубки — нить, закрепленная у верхнего конца. Стоит натянуть эту нить-ванту — трубка согнется, отпустить — и она снова станет прямой. Выстроив по кругу частокол из таких трубок, на них, как на столбах, можно укрепить полимерную пленку. Если теперь с помощью

Спиралевидный дом, задуманный Юрием Лебедевым, — это своеобразный слепок с завитка раковины. В каждой квартире такого дома всегда будет солнце.

Так, как возводят здания из бетона с помощью скользящей опалубки: надо лишь предусмотреть, чтобы с подъемом на высоту она плавно поворачивалась. В итоге получится дом с «повернутыми» этажами, обещающий жильцам немало преимуществ. Например, сдвинутые по спирали балконы будут лучше изолированы. И одновременно хорошо открыты солнцу.

Наиболее смелые проекты, устремленные в будущее, предсказывают даже города в поднебесье. Один из них принадлежит киевскому архитектору-бионнику Алексею Лазареву.

Представьте себе дом, взметнувшийся на высоту Останкинской телебашни. Его и домом-то уже называть неудобно — ведь он рассчитан на 17 тысяч (!) жителей. Недаром автор называет его «биотектон». Как же удержать такую машину!

стятся торгово-бытовые службы, помещения для развлечения, отдыха и спорта.

Будет ли осуществлен этот смелый проект — покажет время. А пока у архитекторов-бионников появились новые заботы: им не нравятся традиционные методы строительства.

ЗАХОТИМ — И ВЫРАСТИМ... ДОМ

— Посадив семена польпанов или гвоздики, — говорит Ю. Лебедев, — вы можете быть уверены: вырастут именно эти цветы, а не табак или, скажем, жасмин. В семени каждого растения заложена четкая программа, в соответствии с которой оно будет развиваться. Представьте себе, насколько упростился бы процесс строительства, если бы программу будущего здания содержал исходный строительный материал. Ведь тогда бы он сам, без нашего вмешательства, обеспечил бы и нужную форму и размеры конструкции. Не спешите обвинять меня в «чистой воде фантастики»: нам уже известны газобетон и пенобетон, которые в процессе получения приобретают

электромотора натянуть сразу все ванты, концы трубок начнут сгибаться в сторону центра круга. И в итоге превратятся в купол, внешне напоминающий гриб. Можно выстроить трубки и двумя рядами: сгибаясь, они сойдутся вершинами и образуют длинный тоннель.

— Конечно, далеко не каждое здание имеет смысл делать «изменяемым» в ходе эксплуатации, — говорит Юрий Сергеевич. — Но очень часто требуются универсальные конструкции, которым при строительстве можно придать любую нужную форму. Мы попытались создать такую конструкцию, взяв за основу шарнирную систему «позвоночник — ребра». Вот посмотрите...

И архитектор указал на компактную стопку длинных деревянных брусков и кучу пластмассовых шариков. Сам по себе этот набор элементов говорил лишь о том, что в разобранном виде перевезти такую конструкцию за многие километры не составит большого труда. Но как собрать ее? И что при этом получится?

Ответ на эти вопросы архитектор дал в наглядной форме: поочередно нанизал концы брусков и шарики на упругую проволоку. Поднял проволоку за концы — и бруски, упираясь концами в стол, образовали скелет шалаша. А потом оказалось, что, изгибая проволоку, эту конструкцию можно легко превратить в каркас самой причудливой формы. Остается накрыть их пленкой — и вы получаете легкое сооружение, которое можно использовать как склад, теплицу, торговый или выставочный павильон. Надлежала вам его первоначальная форма — и из тех же брусочков с шариками вы можете получить другую.

ЭТАЖИ УХОДЯТ ВВЫСЬ

Какими станут наши города завтра, когда население планеты увеличится в несколько раз? Многие архитекторы считают, что территория нашей планеты слишком мала, чтобы тратить ее на «низкорослые» постройки. И городам будущего предстоит расти вверх! Поэтому уже сегодня проектируются здания-гиганты на десятки и сотни тысяч (!) жителей, рядом с которыми нынешние небоскребы будут выглядеть карликами.

— Создание таких сверхвысотных зда-

Один из принципов живой конструкции архитекторы предложили для решения современных, сложных строительных задач.

ний — задача чрезвычайно сложная, — говорит Ю. Лебедев. — И одна из причин — огромные ветровые нагрузки на их конструкцию. Думаю, что тем, кому придется решать эту проблему, во многом пригодится богатый опыт природы...

Почему даже в самую сильную бурю стволы здоровых деревьев гнутся, но не ломаются? А если дерево и уступает шквальному натиску, то часто лишь потому, что буре удается вырвать его с корнем. Конечно, уже сама форма стволов — широких у основания и сужающихся кверху — дарит им завидную прочность. Но главный секрет не в этом.

Если посмотреть на срез ствола, то между кольцами прочного несущего материала можно обнаружить вязкую прослойку — камбий. Когда ствол изгибается, камбий играет роль смазки — позволяет жестким слоям древесины скользить друг по другу, не разрушаясь. Есть хитрость и в том, как природа распорядилась наиболее конструктивными тканями ствола: у основания он почти соседствует с корой, а ближе к вершине — стягивается к центру. Получается как бы труба, постепенно переходящая в стержень. Поэтому внизу ствол обладает высокой жесткостью, а верху — необходимой гибкостью.

Но и на этом секреты не исчерпаны. Лесоводы давно подметили: у деревьев, растущих в горных ущельях, сечение ствола не круглое, а почти яйцевидной формы. И острие срезающая нацелено в сторону, откуда дуют наиболее сильные ветры. А если дерево растет на вершине горы, где ветры дуют с разных сторон? И этот вариант предусмотрен природой: по высоте ствола сечения плавно поворачивают свои острия, придавая ему спиралевидную форму.

Патент живой природы архитекторы использовали при разработке целой гаммы спиралевидных высотных зданий, получивших название «турбосом». Принцип взаимодействия соседних сечений обеспечивает им повышенную устойчивость. И к тому же сам ветер, скользя по спиральной поверхности, теряет свою силу. Как строить такие дома?

Крепко ли стоит 500-метровая Останкинская? Есть у строителей понятие «коэффициент стройности». Выражается он в отношении площади основания к высоте конструкции. У телебашни эта величина выражается отношением 1:30. А теперь обратимся к природе. Коэффициент стройности у тростника 1:200, а у ржи 1:500. При этом стебель ржи нагружен сверху еще и колоссом, масса которого в 1,5 раза больше, чем у стебля. В чем же секрет такой фантастической устойчивости? У стебля есть узлы-демпферы, своеобразные упругие шарниры. Они-то и берут на себя большую нагрузку, не позволяя стеблю сломаться.

Именно такой принцип и заложен в «биотектоне». Он разделен по высоте на отдельные блоки, связанные демпферами-амортизаторами, гасящими колебания и снижающими нагрузку на фундаменте. Сам фундамент подобен корневой системе злаков. И если «посадить» рядом несколько «биотектонов», то «сплетение» их «корней» немалого увеличит общую прочность архитектурного комплекса.

Собственно «биотектон» не просто исполняет роль дом-гора. Это сложная система кибернетического типа, где впервые заложена аналоговая программа «живой организм — сооружение». По существу, это и есть живой организм со своей собственной экологией. Сюда входят и трансформируемые саморегулируемые пространства, солнечные и ветровые источники энергии, системы жизнеобеспечения, все необходимое для труда и отдыха, весь комплекс бытовых услуг...

В нижних уровнях сооружения по внешнему периметру предполагается разместить жилые зоны. Причем они могут трансформироваться в бесчисленных количествах вариантов. Пространство внутреннего ядра — производственная зона. Верхний ярус заполняют энергетические установки, системы саморегулирования световой обстановки, следящие и исполнительные системы комфорта: защита от непогоды, сохранение устойчивости сооружения.

«Дышащие» стены, или, как называют их строители, ограждающие конструкции, сами позаботятся о комфортной температуре, нормальном давлении, благоприятном составе и влажности воздуха.

В зонах демпфирующих устройств разме-

Дизайнер Владимир Тимофенчев разрабатывает сложные конструкции ба- шенных сооружений.

заданную структуру. А химики в союзе с биологами создали полимеры, обладающие способностью к росту. Наконец, нужно попытаться выяснить у природы, как она строит наиболее подходящие для нас объекты...

Один из таких объектов — диатомы, крохотные растения, живущие в воде. Они развиваются за несколько минут, приобретают сложную и причудливую, но строго определенную форму. А потом умирают, превращаясь в твердый монолит. Конечно, расшифровать принципы программирования живой природы, а тем более применить их в строительной практике будет нелегко. Но игра стоит свеч...

А пока зарубежные исследователи решили попытаться поручить процесс строительства... самой природе. Сразу оговоримся: ничего общего с программированием в этом методе нет. Просто делают металлическую сетчатую конструкцию дома — со стенами, потолком, крышей и полом. И на несколько месяцев опускают ее в океан, где за дело принимаются моллюски. Постепенно они забивают ячейки сетки своими телами. И, отмирая, создают дом, выращенный из ракушек и кораллов.

Разве этот метод — не повод для размышлений? И не трамплин для мечты, спешащей заглянуть в завтрашний день? Наверняка наступит время, когда на очередную стройплощадку не повезут цемент, кирпич, панели, металлические конструкции. Вместо них появится вереница автоцистерн, которые заполнят котлован специальной жидкостью. А потом дом сам начнет бурно расти, пополняя из атмосферы запасы энергии и необходимых химических веществ. Фантастика? Пока да. Но ведь и многие идеи архитектурной бионики еще вчера выглядели совершенно нереальными.

— Наша цель — создание легких и прочных строительных конструкций, позволяющих расширить возможности современного зодчества, — говорит в конце беседы Ю. Лебедев. — Архитектура наших городов должна стать легкой, динамичной, гармонично сливающейся с окружающей природой. И, конечно, быть живой и отзывчивой в своем служении человеку...

Он статный, ладный, лицо добротной лепки, исполненное спокойной, веселой силы. Волосы вызолочены хлорокислой водой бассейнов, и золотистые брови клином сошлись на переносице.

У него три золотые медали, выдающийся рекорд — он первым перешагнул рубеж 15 минут на дистанции 1500 метров вольным стилем. Крупнейшие телеграфные агентства мира в своем референдуме признали его главным героем Олимпиады в Москве. Владимир Сальников — «золотой ключик» нашего мужского плавания.

Но о нем ли одним вести рассказ? Истина азбучная: Сальников не был бы Сальниковым, пловцом экстра-класса, не тренируй его спортивный педагог экстра-класса. Речь идет об Игоре Михайловиче Кошкине.

Вторая истина — мне она тоже представляется азбучной: Кошкин не был бы Кошкиным, не смог бы развернуть, полностью приложить к делу свое сильное и своеобразное дарование, не руководил сегодня нашей плавательной сборной организатор и спортивный стратег экстра-класса. Такой, как Сергей Михайлович Вайцеховский. 7 золотых медалей Олимпиады, завоеванных нашими пловцами. — во многом его, Вайцеховского, заслуга.

Итак, Вайцеховский — Кошкин — Сальников: цепочка неразрывная, гроздь медалей на ее конце.

Слово Вайцеховскому. Монолог о себе, о плавании, о Кошкине, о Сальникове.

— Иду на службу вприпрыжку. Так она мне нравится.

Я вел научную работу, был на административной. Но всегда рвался к должности главного тренера. В спорте нет другого дела, в котором можно проявить столько самостоятельности, взять на себя такие ответственные решения. Я к этому способен. С 13 лет я носил военную форму, был суворонцем. И даже если только трое нас, мальчишек, отряжались на какие-то работы, полы мыть, скажем, старшина всегда говорил мне — невидному, очкастому: «Старший — ты». А старшины — большие психологи.

Я возглавил наше плавание восемь лет назад. Пришел с мыслью, что все надо перестроить. Я максималист. Задача — мировое первенство в плавании. Большая цель рождает большую энергию. Я подбираю людей, которые безоглядно верили, что рано или поздно мы выйдем наверх.

Мое счастье, что мне удалось собрать под знами самых интересных тренеров, и это ничего, что они колочные, неудобные: надежно можно опираться лишь на ту среду, которая оказывает сопротивление. Почему с учениками такой учитель должен быть непрерываем, а со мной всегда соглашаться? Мне надо, чтобы он отстаивал свои идеи.

Что для меня основное в создании большого спортсмена? Чтобы он был гражданином. Чтобы имел высоко развитое чувство ответственности. Чтобы на главный старт он шел, как на амбразуру. Шел ради идеи. А во всем остальном тот же Кошкин лучше меня знает, как готовить Сальникова, а у него конспектов не проверяю.

Мы еще очень далеки от пределов возможностей движения тела в водной среде. В 1976 году и компьютеры и специалисты предсказали результат, с которым можно выиграть Олимпиаду-80 на 200 метрах брассом — 2 минуты 31 секунда. А в 1979 году на первенстве мира Лина Качоичте проплыла так, что в нашей стеногазете было написано: «Теперь мы верим, чудеса на свете есть, одно из них — 2.28.36!»

Резервы? Даже при самых больших тренировочных и соревновательных нагрузках потенциал человека используется процентов на 30—50. Вот представьте: пожар, и старенькая бабка вытаскивает из горящего дома внуков — в ней же невероятные пробуждаются силы! Действует первая сигнальная система. Если бы мы могли ею управлять!

Объемы нагрузки, лимиты тренировочного времени сегодня близки к пределу. Нужно ведь еще и учиться, нужно отдыхать. Значит, необходима другая схема — не два раза в день плавать, а четыре, но много короче и много интенсифицировать. Тут возникает еще один важнейший вопрос — разгрузки! Положительные и отрицательные заряды из-за утомления приходят в хаотическое состояние. Что надо, чтобы поставить их на свои места? Поместить человека в мощное магнитное поле? Ионные ванны? Сон в соленой воде?.. Словом, кто скорей решит эту проблему, тот будет первым и в интенсификации.

Но четыре тренировки в день возможны лишь на высоком эмоциональном фоне. Как его создать? Прежде всего путем моральной установки. Амери-

канский журнал «Свиммон Уорлд» писал о нашей Юле Богдановой, что она представляет собой особо опасный для соперниц тип: она думает не о славе, не о рекордах, но о том миге, когда над ее головой взвевается флаг ее страны.

Спортсмены у нас юные, многие в так называемом переходном возрасте. Говорят, что он трудный. Чепуха! Нет возраста лучше, чем переходный. Вся эмоциональная сфера нарастающе. Нежнейшие души, открытые! И мы даем им возможность самоутвердиться: укрепились, душа, укрепились! Мы вкладываем в них высокие чувства, учим не стыдиться высоких порывов.

У нас три года как нет ни одного изыскания. Ира Аксенова, помню, пришла в сборную с очень неважной характеристикой — и от школы и от родителей: своенравна, непослушна, капризна. А у нас она на уровне остальных. То есть на прекрасном уровне. Почему? Потому что высока степень мотивации и самомотивации. Ребенок в сборной понимает: он плавает не только для здоровья и удовольствия, перед ним серьезная цель, он полпред страны на международных соревнованиях. Мы говорим: «Ваше огромное счастье в том, что вы можете на деле продемонстрировать любовь к Родине, исполнить свой патриотический долг». Я бы назвал это — по аналогии с военно-патриотическим — спортивно-патриотическим воспитанием.

Каждый год — 12 июля — мы отмечаем День команды. Четыре года назад в Монреале мы в этот день «показали зубы» — заняли все три первых места в женском брассе. И вот собирается команда, приходят ветераны, «сам» Вайцеховский усаживает рядом с собой Марину Кошевую, мы смотрим видеозапись ее победного заплыва. А потом ребятигам вручаются гвоздики. В каждом букете столько цветочков, сколько было у человека побед над сильнейшими иностранцами. И сидит девочка лет четырнадцати и говорит: «Что бы я ни сделала, чтобы получить хоть одну гвоздику!»

НОВАЯ РУБРИКА как спорт строит человека

Лучших фотографируем у знамени сборной. Перед Олимпиадой клялись у Мемориала гвардейцев-панфиловцев. Я не опасуюсь мероприятий, где «высоким стилем» говорят. У нас скептических рож не бывает.

«Что такое Кошкин? Он несет новые идеи. Ни один тренировочный день у него не похож на предыдущий. Это человек одержимый. Но у него страсть не получить высокий результат, а воспитать спортсмена высокого класса. Человека высокого класса. У всех бывают среди учеников люди с теми или иными вывихами. У него — ни одного. Исключительная личная дисциплина. Я сам собранный и дисциплинированный, но скрупулезность Кошкина меня порой раздражает. Я в силу возраста могу что-то забыть, для него это исключено — оправданий он не признает.

Ничего не принимает на веру, каждую деталь хочет разобрать. Систематик — все жаждет разложить по полочкам. Полное пренебрежение к личным удобствам. Чрезвычайное честолюбие. Ему нравится быть оракулом, на всех совещаниях он «возникает» по любому поводу.

Уверенность в себе необычайная. Помню, в Нью-Йорке встречаемся в аэропорту Кеннеди: он с группой спортсменов летит из Лос-Анджелеса, я — из Сан-Франциско. И вдруг ко мне подходит и говорит: «Надо ведь еще ехать в Кеннеди?» «Как, а мы где?» «В Ла Гуардиа». «Кто сказал?» «Кошкин». И он, впервые в Америке, не знающий английского, так был сам убежден и всех убедил, что даже я — я! — пятнадцать раз здесь бывавший, и то на миг поверил.

Люди, с ним работающие, неизбежно подпадают под его влияние. Я твержу ему: «Нет чисто белого и черного цветов, есть сто двадцать одна тысяча оттенков». Бесполезно — для него существует только черное и белое. Он — человек без сомнений. Что такое тренер: инженер или художник? По Кошкину — инженер. По мне — художник.

Теперь о Сальникове. Часто мы говорим: «Этому бы спортсмену да голову того, тому бы — здоровье другого. Такому-то чуть-чуть добавить тактичности (чувства воды), тому — бойцовских качеств». В Сальникове все сфокусировано. Редчайшее здоровье — абсолютное. Физическое и душевное. Тончайшая тактичность. Это как у танцора чувство музыки, у метателя — снаряда... Научить этому нельзя: многие играют на скрипке, но Ойстрах один.

Сальников во всем идеален. И рост, и вес, и

мышцы. И человек редчайший. Я работал со многими спортсменами, но с ним рядом никого восстановить не могу.

Бесконечно предан спорту. Все, что делает, ему нравится, ничто не в тягость. Выдержан. Есть такие, кому выдержка стоит дорого, а он ко всему спокойно относится. Не реагирует на лишние раздражители — ценнейшее качество. Не спорит. Высказывает свою точку зрения, но не «хлещется».

Мы проводим опросы — кто с кем хотел бы жить в номере на сборах или соревнованиях. Почти во всех ответах первым идут Сальникова. Он не создает проблем, у него природное чувство такта: прежде чем что-то сделать, он посмотрит, не принесет ли это неудобства другому. Если в наш автобус войдет девочка из сборной, первым встанет, чтобы уступить ей место, Сальников.

Умеет точно рассчитывать усилия в воде. Если Кошкин велит ему плыть на пульсе 60, он плывет — он на ходу не может отсчитывать пульс, но будьте уверены — у него 60.

Когда мы решали, кого на какую дистанцию Олимпиады ставить, я сказал: «Советскому плаванию нужен герой. Человек, на которого все бы равнялись. Сальников должен плыть 1500 и 400, но необходимо, чтобы в эстафете 4 × 200 он участвовал тоже». Разные высказывались мнения, недовольных хватало. И вот он сам пришел ко мне и сказал: «Извините, Сергей Михайлович, пусть в эстафете плывут другие, а то обидим кого-нибудь не по делу». Я сказал: «Мы в бою, и я командир. Велю моему тренеру плыть, и он поплывет». Я на них с Кошкиным набрал. Подчинились. Еще бы не подчинились...

У Вайцеховского прочно врытая в широченные плечи, слегка набыченная голова и пронзительный взгляд из-под очков. Он не умеет прогнуться, он должен мчать, сбивая преграды, человек-танк.

МОНОЛОГИ

Как он уже сказал, тренерских конфликтов он не проверяет — принципиально. Он верит тренерам и на каждом углу готов трунить, что любой из них в своем деле гений. Обеспечивать им «фронт работ», снабжать всем необходимым — его задача. Сборы, проводимые им, организуются идеально, температура воды выверена до доли градуса, на столах в любое время года цветы. Здесь, в этой сборной, в свободное время ушат вождению автомобиля, игре на гитаре, домоводству, иностранным языкам. Недавно Сальников в числе других наших пловцов получил диплом переводчика.

Вайцеховский исповедует принцип военных — ничто так не расслабляет, не разманичивает, как пустое, ничем не заполненное время, как скука. Бодрая, энергичная, насыщенная верой в свои силы, а значит, боевая атмосфера свойственна его команде.

Да, он максималист, конечно. «Дети мои, спортсмен, который ходит по улице с мокрой головой, — предатель наших интересов! Спортсмен, который ложится спать позже отбой, — изменник! Потому что это выгодно нашим соперникам!» Это из излюбленного репертуара Вайцеховского. Но вот с чем обращается он к тренерам: «Предлагая нагрузку члену сборной, никогда не забывайте спросить себя, дали ли бы вы эту нагрузку своему ребенку?»

В такой вот атмосфере и расцвел талант Игоря Михайловича Кошкина, ученики которого завоевали на Олимпиаде три золотые и четыре серебряные медали.

Кошкин говорит о себе, о плавании, о Вайцеховском, о Сальникове.

— В зависимости от возраста, среды, обстоятельств цель жизни меняется. Моя цель вырисовалась к 1953 году. Наверное, к этому времени я приобрел в своих метаных достаточный опыт, и цель сформулировалась четко — стать лучшим тренером. Под словом «лучший» я подразумеваю постоянное движение вперед: сперва лучший в районе, потом в городе, области, стране... Потом — в мире.

До войны я — более или менее нормальное дитя своего поколения: несколько раз смотрел «Чапаева», играл в «красных» и «белых». Война принесла коррективы. У меня и без того были плохие задатки, в первый раз я убежал из дома в девятилетнем возрасте. В войну несколько раз убежал. Прыгал с пожарной каланчи — с четырьмя зонтиками... Катался по реке на лыжине — воображал себя папанинцем... Срысывал уроки немецкого...

После войны, вернувшись в Ленинград, домой, из эвакуации, я пошел работать учеником радиотехника в НИИ. Затем армия, служба в Группе советских войск в Германии. Так как я был очень активным, то начальство попросило тренеров спортклуба «Мотор-Этойд» поднатаскать меня в плавании, чтобы я мог учить других солдат. Мне там сказали напрямик, что из меня пловец не получится, но зато получится тренер.

Вернувшись из армии, я снова пришел на работу в НИИ и создал там секцию плавания. Работал сначала со взрослыми, потом с детьми. Шесть лет — пока у нас не появился собственный бассейн — скитался по всем бассейнам Ленинграда: дегалил и пинали меня, кому не лень. Таким образом, двадцать лет я не мог добиться, чего хотел — нельзя сказать, что я счастливец. Я шел медленно, но знал в люди надо выходить не в одиночку, а коллективом — школой. И вот в 1973 году на юношеском чемпионате Европы наша школа завоевала золотую, серебряную и бронзовую медали. Так мы вышли в люди.

К этому времени приблизительно относится моя встреча с человеком, который сыграл важную роль в моей жизни. С Сергеем Михайловичем Вайцеховским. В сборную страны мы пришли вместе.

Очень сильная личность! Организатор, деловой человек. Многогранная, высокообразованная личность. Но о сильном человеке и надо судить требовательней — был бы он слаб, не стоило бы на него наваливаться.

Он противоречив, он парадоксален. С одной стороны, он способен отказаться от своего мнения без малейшего ущемления самолюбия. С другой — это недоверие создает определенные трудности для людей, с которыми он работает. Он, по-моему, исповедует метод проб и ошибок. Объективен ли он? В момент, когда трезво и спокойно оценивать ситуацию, объективен абсолютно. Но он человек эмоциональный и когда «заводится», логика ему

Резервы нашей методики неисчерпаемы. Моя глобальная задача — добиться совокупности трех качества, необходимых пловцу. Первое — энергетика мышц (даже рекордсмен мира тратит ее сегодня лишь на треть), второе — развитие психологических возможностей организма для перенесения более суровых нагрузок, третье — увеличение скорости восстановительных процессов.

Я мог быть защитителем десяти диссертаций, но меня ничто не интересует, кроме воспитания пловца эстра-класса.

Я заговорил о воспитании — оно должно быть многосторонним. Налицо борьба противоположностей. Развивая силу, мы теряем в гибкости, работаем над выносливостью, утрачиваем скорость. А все должно быть сбалансировано. Культурная программа, обязательная для спортсменов нашей школы — театры, концерты, музеи, представляет собой определенную часть балансировки, она для нас и фактор восстановления нервной энергии и метод совершенствования человека. Ведь, во-первых, тупость интеллектуальная переходит в тупость физическую. Во-вторых — и это важнее — надо иметь в виду, что в идее создания великого пловца заложена та мысль, что мы в первых рядах атаки. Мы атакуем все то, что мешает человеку стать совершенным существом.

— Надели попачки, спокойный темп, высокое положение тела, абсолютное чувство воды... Вперед!

Скомандовал Игорь Михайлович застывает в привычной позе — подперев кулаком подбородок. Тихо звучит музыка — она подана в воду. Изобретение Кошкина.

За столом у бортика фиксирует его задание, данное спортсменам, помощница — Аня Глушак. В ее функции входит также математический анализ занятий, она же перепечатывает материалы, она же в отсутствие Кошкина ведет тренировки. Ей 18 лет, она мастер спорта, помогает Кошкину с 15. Кстати, директору плавательного центра, мастеру спорта международного класса Александру Грибаню-

В 1973 году Игорю Михайловичу Кошкину понадобился партнер для Русина, он меня взял. Мне сразу стало тяжелее: и от нагрузок и морально — одно дело, когда ты плывешь впереди всех (как было у Петрова), другое — все тебя обгоняют.

В Кошкине мне сразу бросилось в глаза, что он контактирует не с родителями, а с самими спортсменами. Я думаю, это потому, что он с самого начала прививал нам самостоятельность, считал взрослых людьми. И строгий очень был, не терпел никогда лжи. Вот, допустим, ты его обманул, сказал, что задержали в школе, а тебя не задерживали. Он все видит по глазам, он в этих случаях говорит: «Я вас не обманываю, почему вы меня обманываете? В дальнейшем, значит, мы не будем понимать друг друга и расстанемся». Он строгий, но у него на занятиях спокойно, без руготни, дерготни. Чтобы он на тренировках нервничал — такого не бывает.

Ну, что дальше? Кончила школу, поступил в институт физкультуры имени Лесгафта... Росли результаты... Выиграл на первенстве мира 1500 и 400.

Я думаю... и думаю, что чересчур выдающегося во мне ничего нет, больше напротив. Вот, например, я часто боюсь сказать человеку в лицо, что о нем думаю... Ну, пошконишь — это мы все любим, я не исключение... Вообще недостатков куча. Вот разве что установка такая сложилась в мозгу, что надо уметь терпеть, — во мне присутствует это умение. А так — у меня отсутствует, например, реакция, необходимая для прыжка... Обычно долго стою на тумбочке... Мои дистанции, правда, не требуют всплеска энергии, на них надо терпеть и упираться.

Обо мне писали, что я человек с железными нервами, но таких не бывает: хочешь не хочешь, перед соревнованиями мысли заняты именно соревнованиями: как выступишь, будешь ли на коне? Конечно, важно сохранить себя перед стартом, не перегореть. Но это все равно как сказать человеку — знаете? — чтобы он не думал о белом слоне, и именно о нем тогда думается... И я тогда стараюсь как бы сыграть роль спокойного человека. Тут параллель с артистами, они ведь словно перевоплощаются в своих героев. Вот и я стремлюсь перевоплотиться в «человека с железными нервами».

И все равно перед соревнованиями не спрячешься от дерготни, особенно перед такими, как Олимпиада. Вдруг, например, тебе заплывот, что такой-то парень колоссальные результаты показывает... Бразильские журналисты меня спрашивали, что я думаю о Мадруге: «Как вы его оцениваете? Он ведь главный ваш соперник...» И я настроился — я о его высоких результатах в последнее время не слышал, но, может, парень затаялся? И в предварительных заплывах я настроился на борьбу с ним, а он даже не попал в финал.

В финале на полторы тысячи первые 500 метров мне было так хорошо, легко... К восьмистам начал уставать... Важно пройти с высокой скоростью от девятой до двенадцатой «сотни», а тяжело вдруг стало, хоть останавливайся. Посмотрел на табло — график на рекорд не выполняется. А я именно настроился на рекорд во что бы то ни стало.

У меня всегда четырнадцатая «сотня» получается хуже тринадцатой, а пятнадцатая лучше. А тут времени нет на четырнадцатой сбавлять. Я последние триста метров плыл изо всех сил: знал, если на четырнадцатой сброшу, пятнадцатую вообще не проплыву. В общем, на четырнадцатой все силы отдал, на последнюю не оставил, но эмоции вытратил: чувствую — лечу. А руки-ноги я уже метров триста не ощущал.

Потом, после всего, усталость была огромная. Ничего и ничего видеть не хотелось...

Так, теперь вы просили сказать об Игоре Михайловиче. Я думаю, готовился, как это сформулировать. В общем, главное, конечно, что он честный и предан делу до фанатизма. Прямой. Говорит в глаза, что думает...

С ним всегда интересно. Он приходит на тренировку: «Вот я размышлял целую ночь (или там две, три), вот такая пришла идея, такая возможна новинка, но посмотрим, посмотрим...» И все загорелось, и настроение у всех — попробовать...

Он с нами на сборах в горы лазает. Бегаёт вместе с нами кроссы. Он считает, что чем больше требует с себя, тем больше вырвет и с нас потребовать.

Ну, а о Сергее Михайловиче Вайцеховском я скажу коротко. От него всегда словно электрический ток исходит. Я бы очень хотел иметь такую энергию.

Вскоре после окончания Олимпийских игр многие ведущие спортсмены, тренеры, работники физической культуры и спорта были награждены орденами и медалями. Орден Трудового Красного Знамени в числе других удостоены — Вайцеховский Сергей Михайлович, заслуженный тренер СССР, Кошкин Игорь Михайлович, заслуженный тренер СССР, Сальников Владимир Валерьевич, заслуженный мастер спорта.

МАКСИМАЛИСТОВ

изменяет. В возбуждении он стремится подавить оппонента, смять.

В каких-то вопросах мы абсолютно едины, в каких-то расходимся, порой получают публичные перепалки, но ни с кем я не нахожусь в таком тесном контакте, когда вопросы касаются нашего общего дела, как с ним.

Сальников — тоже сильная личность. Но не такая, как Вайцеховский, как я, — просто другал. Свою силу он проявляет тем больше, чем с большими трудностями сталкивается, а в принципе уравновешен, много, застенчив. Добр — в моем представлении сильный и должен быть добрым. Сальников — молодой человек со средними двигательными способностями и высочайшей работоспособностью — с годами растут результаты и уверенность в себе.

На протяжении многих лет он выдерживал тяжелейшие нагрузки — физические и моральные. С 1973 по 1975 год Сергей Русин, тоже мой ученик — он на год старше Сальникова, — выигрывал у него на всех дистанциях. И Сальников не дрогнул, не «развалился». В 1976 году, перед Олимпиадой в Монреале, Сальников опередил Русина на дистанции 1500 метров и больше ни разу ему на этой дистанции не уступал. В 1978 году, перед первенством мира, Русин был на четырехстах метрах основным участником, Сальников — «дублером». Он выиграл у Русина и 400 и с тех пор здесь тоже ни разу не уступил. А Русин талантливей двигательно. Но менее стойкая первая система...

Сальников развивался почти так же, как все дети. Единственное, что отличало его, — исполнительность: с детства выше, чем у остальных. Да, у него средние двигательные способности, но умственные способности хорошие. Этот человек может принять любую информацию и логически ее осмыслить.

В нашем деле существует одна сложность. У тренеров, не являющихся сильными личностями, спортсмены, как правило, растут сильными личностями и поднимают под себя тренеров. А тренеры, которых можно назвать сильными личностями, не выдают «продукцию», потому что подавляют личность спортсменов. Я хочу и сам оставаться сильной личностью и их растить такими же. Я стремлюсь не подавлять, а управлять. Стремлюсь к тому, чтобы школа была коллективом сильных личностей. Я никогда никого не выделяю, у меня нет любимых и нелюбимых. Коллектив как сила, сложившая из многих сил, — психологическая совместимость — управляемость. Эта триада — мое кредо.

ву — 21 год. Кошкин растит не только пловцов, он растит соратников со молодых ногтей.

Кошкин говорил сжато, формулировал энергично, и лицо его меняло строгое выражение на иное за время наших ленинградских встреч лишь трижды.

На лукавое — когда он произносил лозунг, который якобы хочет вывесить в бассейне (а может, просто разыгрывал меня): «Скинем в воду больше народу — рахиты, оздоровляйтесь!»

На возвышенное — когда у Аничкова моста объяснял своим ребятам, что плодотворное «Укрощение коней» означает покорение человеком природы.

И на совсем особое, удивительное — когда тренировка кончалась и начиналась игра.

Эта смесь водного поло с баскетболом: мяч кидают не в ворота, а в корзины. В бассейне стоял плеск и крик, брызги летели, тела блестали, словно разбухивались дельфины. Игорь Михайлович, руководивший игрой, для того (по его словам), чтобы «повышать эмоциональный выброс и предотвращать травматизм», затаялся на стартовой тумбочке с улыбкой ребенка, тянущегося к вождельной игрушке, или влюбленного, созерцающего предмет страсти... Блаженный, тихий восторг. Кошкин в своей стихии, Кошкин таит.

А Володя Сальников размахисто плывет по краю, по ватерпольному ведлу мяч лбом, и вдруг, с ходу до пояса вознесшись из воды, могучий и грозный, бьет из-за головы...

Он хорош и на суше, но как прекрасен среди волн! Тут самое время привести запись его монолога.

Итак, Сальников о себе, о плавании, о своих учителях.

—...Я родился 21 мая 1960 года в Ленинграде. Мой отец был тогда капитаном дальнего плавания, теперь он — капитан-наставник Балтийского морского пароходства. Мать — конструктор объединения «Красная зари».

Вообще-то шесть лет мне было, когда родители купили для меня абонемент в бассейн. Но только один раз смогил плавать, на следующий день я заболел — может, простудился в бассейне. И до восьми лет спортом не занимался. Потом пришел к нам в школу тренер Петров Глеб Георгиевич — после уроков, что ли. Спросил, кто в классе хочет заниматься плаванием. В детстве раньше я у бабушки в деревне жил, там река, а я плавать не умел. И я руку поднял.

Вот так все началось. Глеб Георгиевич — человек строгий, он часто нас ругал, что мы лезаем, опаздываем.

Они начинали в «Смене»

Всегда вспоминается не просто молодость, когда ты был еще совсем юным, работал слесарем, фрезеровщиком на строительстве завода «Ростсельмаш». Но еще вспоминаются и первые строки стихов, рожденные на этом строительстве под вспышки электросварки, под грохот бетономешалок, гудение паровозиков, тинующих стройматериалы на место будущих цехов, которые должны выпускать машины для сельского хозяйства. Вспоминаются особенно первые слова, которые рождались в рабкововских заметках в газете, носившей простое название «Сельмашстроитель». Но и первые твои собственные стихи. Они были, конечно, разные, эти стихи. Но тема была одна: начало строительства, производство, работа у станка, заботы заводских поэтов, которых всегда больше, чем прозаиков.

И, конечно же, первые мысли о том, чтобы как-то твои стихи были известны не только на заводе, на котором ты работаешь, но и пошире познакомилась с ними такая же молодая читательница, которыми, собственно, являлись и мы сами.

В ту пору, ровно шестидесять лет назад, я был председателем литературной группы «Ростсельмаш». Литгруппа работала активно, объединение было довольно большим, поэты наши уже тогда не были обойдены вниманием старших товарищей. Помнится, на завод приезжал Степан Щипачев. Внимательно слушал наши стихи на литературном вечере, подходил к станкам, на которых мы работали. Тогда-то и родилась мысль о журнале «Смена», который был ближе другим нам. Мы послали стихи наших поэтов, и они были опубликованы на страницах «Смены». Это, конечно, окрылило каждого из нас. В ту пору при журнале «Смена» была маленькая «Библиотечка», а до сих пор помню ее внешний облик: тоненькие, голубовато-синие книжечки, на которых стояли слова: «Библиотека журнала «Смена».

Мы составили небольшой сборник стихов четырех наших заводских поэтов: Дмитрия Евтушенко, Виктора Москаленко, Ильи Котенко и автора этих строк. Помнится и название моего стихотворения, которое печаталось тогда в сборнике, вышедшем, и бы сказал, под символическим названием «Рост». Помнится великая радость, которая была не только у нас, собравших под одной обложкой книжечки, но и радость наших друзей, всех литгрупповцев «Ростсельмаша».

Через год-два мы собрали большую книжку, в которой была уже и проза, книга называлась «О самом главном». Она вышла в издательстве «Художественная литература». Но книжное поэтическое начало было положено журналом «Смена». Это никогда не забывается.

Анатолий Софронов

Анатолий СОФРОНОВ

Я отвикаю от земли,
От празднеств пышных, от поминок...
Почти что все друзья ушли,
Но все они со мной поныне.
Со мной: в прошедших всех годах,
В десятилетиях и эпохах—
В одних сражались мы боях
И скажем прямо, что неплохо.
Одних похоронили мы
Еще когда-то под Смоленском;
Других под свист и вой зимы
На древних кладбищах вселенских.
Ушли, молчат... Но говорят
По-прежнему вспоминавья:
Все о друзьях—за рядом ряд—
И каждый со своим призванием.
Пути бесчестны за спиной,—
Дороги совести и чести.
Но разве может шар земной
Запомнить, где мы были вместе?!
И что бы нас ни развело:
Ни жизнь, ни смерть, ни случай странный,—
Мы будем жить врагам назло,
Как прежде жили—многогранно.

Не только песен вольный строй
И полуночное застолье,
Но и страдания порой,
Сердца, прихваченные болью.
Опять я слышу голоса,
Затихшие на полуслове;
Опять бессмертные глаза
В мои глаза глядят с любовью.
От прожитого не уйти,
Оно не может жить отдельно;
Все ощутимо во плоти
И очертаемо предельно.
И в эти дни, когда трава
Снег издреватый пробивает,—
Твоя седая голова
Как будто седину терлет.
На атомашевских холмах,
С весной заново встречаешь,
В грозных ливнях и громах
Ты жизнь, как раньше, ощущаешь.
И ты растерянно стоишь,
Не ведаю еще покой;
И как на чудо вдале глядишь,
Чуть-чуть прикрыв глаза рукою.

Волгодонск.
Апрель 1980 г.

Сухой ковыль—трава степная
Да тишина со всех сторон...
Казак, тоскуя и стаяя,
Идет домой на тихий Дон.
Давно забыл глядеть он чертом,
В глазах страданье залегло;
Он на плече своем потертom
Несет казенное седло.
Был конь... Издох последний ночью.
Казак седло в дорогу взял...

Седой ковыль среди черных кочек
Ему тропинку указал.
Он в полутьме на хутор вышел,
Увидел—дом стоит в саду,
И за оградой услышал
Собачий лай, как на беду.
Стучится в дверь рукой больною
И в хату темную идет,
Седло казенное, боевое,
За полбуханки отдаст.
Перекрестившись на иконы
И разойдя плечи наклоня,
Белогвардейские погоня
Он рвет сурово с чекменя...

посвящается

А я смотрю на старый Дон,
А вижу новый, вижу новый.
Но, как и некогда, поклон
Я бью ему в степи с любовью.
Ах, сколько, Дон, с тобой прошли
И что изведали с тобою—
От кровью политой земли,
Что нам была одной судьбою.
Одним дыханьем и рывком,
Куда-то вдаль за перевалы,
В ту жизнь, с которой незнаком
Еще бывал я в жизни малой.
Как позабыть двадцатый год,
Сверканье шашек над степями?!
Поймет ли кто меня? Поймет
Иль обойдет меня краями?
Краями тропок полевых,
Где все уже пшеницей скрыто,—
И нет навеки молодых,
Сраженных намертво, убитых.
Еще я помню стремени,
За них ручонками хватались,
Не понимая, что страна
Была одна, но в ней металась.
Искали тропки и пути,
Похожие, как будто люди,
Которых нынче не найти,—
Они ушли и вновь не будут.
Я помню, как в Ростове шли,
Шли Первой Конной эскадроны.
Их под знаменами вели
Клим Ворошилов и Буденный.
А мы, мальчишки, с двух сторон
На этот конный строй смотрели.
И зимний мутный небосклон
Как бы смывали от метели.
Копыта цокали... А трубачи
Свою мелодию играли.
На трубах тусклые лучи
Хотя и скупо, но сверкали.

И знаменосец впереди,
Сурово в стремя опираясь.
Держал на уровне груди
Кистей продыmlенную завязь.
Ах, тихий Дон, мой тихий Дон,
Как позабыть тебя возможно?
Мы шли с тобой догон в догон
В десятилетия тревожных.
Когда пришла к твоим степям
Война кровавыми столпами—
И стало в сердце горько нам,
Но не склонилось наше знамя,
Омыты кровью берега,
Лежит Ростов—кровавый пепел;
Но грозно мчатся на врага
Донцы широкой нашей степью.

И не одни уже донцы,
А все, кто в строй победный встали,
Как в старой песне—молодцы!—
Блестят в степях нещадной сталью.
И вот уже лежат враги
В степных яругах и по балкам:
Ходить к нам враг не мог,
Нам мертвых врагов не жалко!
Ах, Дон ты мой, родимый Дон,
Сияешь ты теперь огнями,
И я как сын к тебе склонен,
Земли касаюсь губами,
Твоей земли, моей земли,
Нет, не разять нас друг от друга:
Что делали с тобой,—могли,
Отец и сын в едином круге.
Поля твои, яры твои,
Зерно твое и винограды;
И зорькой тихой соловья,
Что о любви защелкать рады...
Ах, Дон ты мой, родимый Дон,
Как для меня ты много значишь!
Прими же от меня поклон,
Земной поклон тебе казачий!

Декабрь 1980 г.

Каждый вечер у плетня пахучего,
У реки, где гибкий чернотал,
С самою хорошей, самой лучшей
Казачок с казачкою стоял.
Он стоял под веткою под грушевой
И пытал: «Ты любишь ли меня?»
Все слова их бережно подслушивал
Молодой подсолнух у плетня:

Как встречались у скамейки вечером,
Расставались, когда день вставал...
А подсолнух—видно, делать нечего—
У плетня к ним голову склонял.
Вместе с ними он немало выстоял,
Лишь качал под ветром головой...
Но настала осень золотистая,
И подсолнух сорван золотой...
Под дождем казак стоит и жмурится,—
Что ж тут долго думать и решать?
И пришлось казачке через улицу
К казачку домой перевозжать.
И сыграли свадьбу, да немедленно,
Да какую—трудно рассказать!
А гостей цимлянским, как заведено,
Угощал с казачкою казак.
Ну, а гости семья вкусно лужали
И хвалили честно молодых...
А жених все говорил без устали,
Что подсолнух сватом был у них.

Фото Алексея МАСЛОВА

У яра, у кручи,
Где терн колючий,
Где травы покрыла роса,—
Порубанный люто,
Открыл он под утро
Залитые кровью глаза.
А мимо зверье,
Не боясь, пробежало,
И ворон все ниже кружил...
Но сердце стучало,
Стучало, стучало.
И он задыхался, но жил.
...А кто-то подходит,
Дорожку находит—
По капле она пролилась,—
Кусты он раздавит,
Винтовочку снимет
И крикнет: «А ну-ка, вылезай!»
Все шорох и шорох...
А может быть, в шпорах
Да с черепом на рукаве,
Отставший от своры
Дроздовец матерый
Ползет по примитой траве?
Лежи неподвижно!
...А кто-то все ближе
По травам росистым ползет...
Лежи! И зубами—
Хоть в землю, хоть в камень...
Пусть сердце застынет, замрет!
Лежит партизан...
Шуршанья не слышно,
Он голову вбок повернул...
Мальчишка чубатый,
Босой, конопатый,
В глаза партизану взглянул.
— Один ты?
— Один я...
— Откуда ты, дядя?
Изрубан ты, дядя, вконец...

— Отец где?
— Да нету,
Уехал с отрядом.
— У красных?
— У белых отец...
— У белых...
— А ты кто?
— Не видишь?
— Да вижу...
— Не встану...
— А может, помочь?
Растет здесь, по слухам,
Медвежье ухо,
Тебе принесу его в ночь
— Воды бы...
— Достану.
Добуду и хлеба...
Парнишка чубатый уполз.
Сквозь бурные листья
Высокое небо
Над степью раскинуло холст.
И солнце спускалось
Все ниже и ниже...
Парнишка под вечер пришел
Заплаканный, тихий,
Как будто обижен...
— Ты что ж никого не привел?
— Убили за Доном
Отца партизаны.
На хутор его привезли,
Лежит он, не дышит
И плача не слышит.
Не встанет он больше с земли.
— Убили...
— Убили...
...Воды да краюху
Принес я, поешь да попей...
В степи отыскал я
Медвежье ухо—
Затянутся раны скорей.
Как отблеск пожара,
За Доном зарница
Исчезнет—и снова горит...
Парнишка на землю
Сырую садится,
Глаза закрывает и спит.
Ночная, степная,
Трава молодая,
Ты раны мои затяни!
...Звезда покатила
Одна да другая.
А в небе огни да огни...
Парнишка, парнишка,
Хороший, чубатый,
Какую дорогу найдешь?
Проснешься, какую
Дорогой—крявою
А может, прямою пойдешь?
Медвежье ухо...
Затянутся раны,
Уйду, попрощаюсь с тобой:
Запомни, парнишка,
Лечил партизана
Степную паскучей травой
Так спи, неразумный,
Расстеленный сумный
На батьку ль, на мамку похож?
Парнишка чубатый
Босой, конопатый,
Какой ты дорогой пойдешь?

ДОНУ

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» В НЬЮ-ЙОРКЕ

Магистрат Нью-Йорка, города с населением в 7,6 миллиона человек, шокировал своих граждан. Так же, как некогда светлейший князь Потемкин вмиг воздвиг фасады мнимых домов, дабы пустить пыль в глаза Екатерине II, Антони Глидман, уполномоченный по вопросам жилья, пытается скрыть гибель нью-йоркских кварталов. Сегодня в бруклинском квартале Грин-Пойнт служащие магистрата заняты тем, что с помощью разноцветных пластиковых пленок с нанесенным на них рисунком придают пустым, непригодным для жилья домам «вид заселенности» — так это именуется официально.

На планках отпечатаны поднятые, полузакрытые или совсем опущенные жалюзи, окна с цветочными горшками за стеклами, янужительные дубовые двери. Их приклеивают на дверные и оконные проемы покинутых домов, закрытые предварительно металлическими плитами, и, пожалуй, «эффект заселенности» налицо, по крайней мере издали.

Ведающие жильем городские власти в рамках своего опытного проек-

та оклеили таким вот образом около 100 пустующих зданий — всего за 50 тысяч долларов. Согласно официальным разъяснениям, цель этой акции — держать подальше от пустых зданий наркоманов, бездомных, малолетних преступников и прочих лиц, ищущих крова, сдерживая таким способом дальнейшее «соскальзывание» всего квартала на дно социального колодца.

В последние годы проблема жилья в Нью-Йорке обрела характер катастрофы. После второй мировой войны здесь было построено ничтожно мало квартир. Ежегодно около 40 тысяч квартир закрывают и запечатывают, поскольку они становятся непригодными для жилья.

Вследствие нехватки жилья до астрономических величин подскочили цены на квартиры: двухкомнатная квартира в более или менее приличном районе стоит не меньше 700 долларов в месяц. В более же уважаемых кварталах за двухкомнатную квартиру требуют более тысячи.

«ЮНТЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Летающий автобус

Рекламные прыжки на мотоцикле через поставленные в ряд автобусы уже приелись любителям острых зрелищ. А почему бы не совершить прыжок «наоборот» — на автобусе через поставленные в шеренгу мотоциклы? Такая идея пришла в голову австралийскому миллионеру, предпринимателю в области электроники Дикку Смитту. В детские годы Смит, кстати, мечтал стать кондуктором автобуса. Недавно он возвратился к «голубой мечте» своего детства в несколько модернизированном виде, став первым в мире летающим автобусным кондуктором.

Смит, договорившись с каскадером Гансом Тольstrupом, приобрел автобус, который был не сколько переделан для необычной цели. После соответствующей предварительной подготовки вдвоем они совершили прыжок через тринадцать с половиной поставленных в ряд мотоциклов. Именно тринадцать с половиной, поскольку во время прыжка громадный автобус зацепил мотоцикл, стоявший четырнадцатым по счету, и смил его.

«ДИ ВЕЛЬТ», ФРГ

С ПИЛОЙ В РУКАХ

В живописной местности Хальдиграт, в швейцарском кантоне Нидвалден, состоялись не совсем обычные соревнования — «чемпионат Швейцарии по распиливанию бревен». Организаторы этих соревнований заранее подготовили достаточное количество еловых стволов, и в один из уик-эндов на арену устремились десятки богатырей — лесорубов из альпийских и предальпийских районов, желающих продемонстрировать свое мастерство в обращении либо с двуручной пилой, либо с ножовкой. Впервые такие соревнования

были проведены пять лет назад и с тех пор завоевали огромную популярность.

Судьи на чемпионате были необыкновенно строгие. Время, затрачиваемое на то, чтобы отпилить определенное число кругляков от положенного на козлы бревна, они засекали с точностью до сотой доли секунды. По окончании состязаний возможность попробовать свои силы получили и присутствовавшие на чемпионате болельщики.

«НОЙЕ ЦЮРХЕР ЦАЙТУНГ», ШВЕЙЦАРИЯ

ИМЕТЬ «СВОЮ» ЗВЕЗДУ...

В городе Торонто (Канада) объявила фирма, которая принимала от всех желающих заказы на присвоение имен звездам нашей Галактики. Каждый мог «осчастливить» любую безымянную звезду своим собственным именем или, скажем, именем своей возлюбленной. Известно, что лишь немногие из звезд имеют имена собственные, подавляющее же большинство звезд обозначается в звездных каталогах условными индексами. Поэтому возможности у фирмы были поистине неограниченные. Да и сама процедура была предельно простой. Клиент выбирал себе понравившуюся звезду в любой части

небесной сферы, а клерк заполнял на нее карточку с выбранным именем. Так происходили «крестины», а все удовольствие стоило 25 долларов. Фирма гарантировала при этом, что при очередном переиздании каталогов имена клиентов непременно будут помещены рядом с «их» звездами. И этому верили, что самое, пожалуй, удивительное во всей истории. За весьма непродолжительный срок существования фирмы (пока ее дела не занесла полиция) более 500 названных честолюбцев внесли в кассу локачей свои доллары. Справедливости ради надо отметить, что мошенники «продавали» только звезды, видимые невооруженным глазом, и к тому же не брали надбавку за яркость.

«ДЗЕННИК ЛЮДОВЫ», ПОЛЬША

БЕСЦЕННЫЕ АВТОГРАФЫ

В наши дни все большее число людей становится коллекционерами. Среди самых азартных — любители автографов. Если проследить за цифрами продажи автографов, то можно заметить, что они показывают устойчивую тенденцию к увеличению объема и стоимости сделок. Вот, например, сведения с «рынка» автографов художников. В Берне письмо Гогена было продано за 5 200 швейцарских франков, в ФРГ письмо Гойи было продано за 25 тысяч марок, а небольшая квитанция, подписанная Рафаэлем, — за 15 тысяч. В Лондоне письмо, написанное Сезанном, было приобретено за 850 фун-

тов стерлингов, а другое, вышедшее из-под пера Гогена, — за 1 400. В Париже письмо Ренуара было продано на аукционе за 5 тысяч франков. Рукопись Гогена на 37 страницах, относящаяся к периоду его пребывания на острове Таити, была оценена в 250 тысяч франков, письмо Ван Гога — в 44 тысячи франков. И так далее и так далее. Естественно, что цена того или иного исторического документа зависит от его редкости (квитанция Рафаэля), объема (рукопись Гогена), давности, полноты описания, наличия схем и рисунков.

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

ЖРЕЦЫ ЧЕРНОЙ МАГИИ

Раз в год салон парижского отеля «Лютеция» погружается в щеко-чущий нервный полумрак. Отгороженные друг от друга ширмами, при свете свечей за столиками сидят люди, перешептываясь, точно заговорщи-ки: ярмарка предсказателей в разгаре.

Каждый вечер сотни клиентов выстраиваются в очереди, чтобы за 60 франков проконсультироваться у одного из 50 мастеров черной магии. Цены льготные — обычно консультация стоит от 100 до 300 франков.

Основная цель ярмарки, организуемой ежегодно наиболее известными магами-предсказателями, — вербовка новых клиентов. Собственно, подобная деятельность еще со времен Наполеона является во Франции запретной. Ее всего лишь терпят. Однако 10 тысячам официально зарегистрированных магов — из них две тысячи числятся в одном только Париже — этого мало: они требуют признания своего профессионального статуса и, кроме того, мудро заглядывая в предсказываемое ими же будущее, еще и права на социальное страхование. За это они готовы

даже согласиться на то, чтобы государство установило твердую сумму гонорара, причитающегося им за услуги, так же, как, скажем, это установлено для врачей и адвокатов.

Однако самые большие неприятности доставляют магам «профессионалам» их «несерьезные» конкуренты, которые, «не обладая необходимым естественным даром предвидения, дурачат клиентов и дискредитируют искусство предсказания».

В настоящее время, по приблизительным оценкам, общее число предсказателей во Франции приближается к 50 тысячам. Четыре миллиона французов регулярно консультируются с «мастерами предвидения», гадающими на кофейной гуще, мавританке, картах, по хрустальным шарикам и линиям ладони.

Любопытная деталь: друг у друга господа предсказатели консультируются крайне редко. То ли они сомневаются в сверхъестественных способностях своих коллег, то ли не слишком уж искренне верят и в самое таинство предсказания будущего.

«ФИГАРО», ФРАНЦИЯ

ЕЩЕ РАЗ ПРО «СЛАБЫЙ» ПОЛ

Симпатичная 26-летняя блондинка Джейн Тодд вроде бы ничем особенным от своих сверстниц не отличается: любит рукодельничать, печь торты с корицей и работать в саду. Однако у нее есть довольно необычное для представительницы прекрасного пола хобби — подъем тяжестей.

В своей редкой физической силе Джейн убедилась в 19 лет, когда в одном из «луна-парков» легко победила на силовом нескольких крепких мужчин. А на традиционном народном конкурсе она, к изумлению присутствующих, легко подняла на плечо толстое бревно.

При силовом подъеме в отличие от классического поднятия тяжестей, которое является олимпийским видом спорта, участники соревнований особо строгими правилами не ограничены. Достижимые здесь результаты являются, по выражению специалистов, «следствием наличия чистой силы», поэтому обычно результаты штангистов

меньше, чем рекорды в силовом подъеме. На недавних соревнованиях по силовому троеборью Джейн Тодд в своей весовой категории (до 82 кг) показала рекордный результат — 453,9 кг. А незадолго до этого на соревнованиях в Нью-Фаундленде ее результат достиг 510,5 кг. Впрочем, тогда она весила 90 кг и выступала в категории без учета веса.

Джейн Тодд говорит: «Я, конечно, понимаю, что видеть женщину со штангой несколько странно. Но с тех пор, как я начала заниматься поднятием тяжестей, и чувствую себя гораздо более уверенной в себе, чем раньше. Кроме того, это помогает сбить с мужчин немножко спеси по поводу их мужской «исключительности».

В одной из заметок, рассказывающих о Джейн Тодд, написаны такие слова: «Все это интересно, необычно, притягательно, во...»

«ЛУК», США

На одном литре бензина — 1267 километров

В Вельтхайме (Швейцария) семнадцатилетняя чертежница Ютта Ланге из ФРГ установила новый фантастический рекорд. На собственноручно спроектированном и построенном при помощи фирмы Даймлер — Бенц автомобиле специальной конструкции она проехала 1267 километров на одном литре бензина. Тем самым она занесла абсолютное первенство на третьем чемпионате мира среди автомобилистов по экономичному расходованию горючего.

Ютта Ланге, собственной вес которой 44 килограмма, вела машину, несущую 56 килограммов (из которых 13 килограммов составляет вес двигателя). Мотор, стало быть, приводил в движение груз в сто килограммов. Двигатель машины емкостью в 144 кубических сантиметра при 1000 оборотах в минуту разви-

вает мощность в одну лошадиную силу и работает в покрытом асбестовой латой кожухе. Каркас автомобиля из легкого дерева, покрыт тонким слоем полистирола. Длина необычного автомобиля 295, ширина 34,7, высота 45 сантиметров.

Это не первый успех модели, построенной в Уинтерторхайме, в учебном центре автомобильной фирмы Даймлер — Бенц. Уже несколько лет здесь создается все более и более экономичные двигатели. Ютта Ланге, которая второй год является слушательницей учебного центра, намеревается в будущем преодолеть на одном литре бензина расстояние в 1500 километров и уже проектирует для этого новую машину.

«ОРСАГ ВИЛАГ», ВЕНГРИЯ

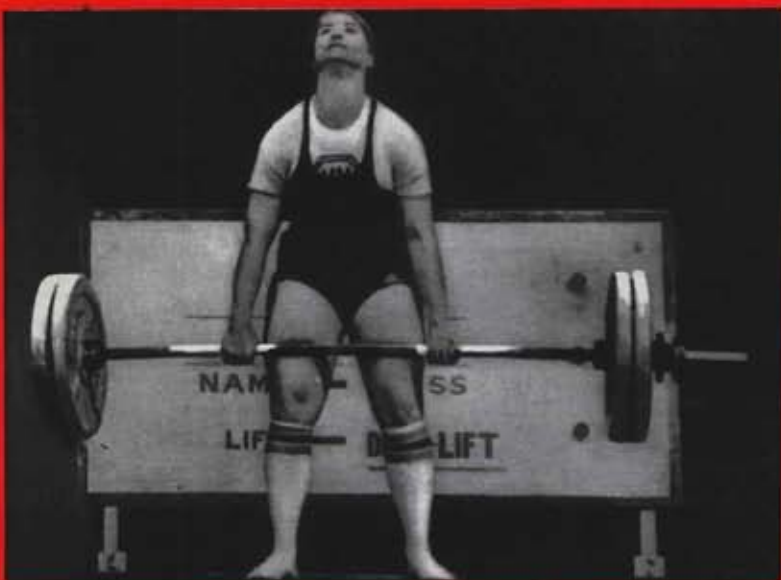
КУПИТЕ БАБОЧКУ

В молодом, недавно образованном государстве Папуа — Новая Гвинея открыта новая доходная статья бюджета. Это — бабочки. Дело в том, что остров славится своими сказочно прекрасными бабочками, и каждый житель, даже из самой глухой деревушки, хорошо знает их привычки, знает, где их искать. Решено было приступить к разведению бабочек на экспорт. Для развития этой отрасли не нужно никаких инвестиций: не требуются ни банковские кредиты, ни ветеринарная служба, ни строительство каких-либо ферм или заборов. Все, что нужно, — это достаточное количество цветов нескольких определенных видов.

Об экзотических разноцветных бабочках с далекого острова мечтают как музеи, так и частные коллекционеры Европы и Америки. Собираительство бабочек подобно коллекционированию марок: начать единожды, уже невозможно остановиться...

Некоторые виды бабочек «идут» по пятидесяти долларам за штуку. Есть и такие, которые стоят до 2000 долларов, однако экспорт их пока запрещен под угрозой крупного штрафа. Только тогда, когда крестьяне смогут выращивать эту разновидность в достаточном количестве, законы, видимо, станут мягче.

«БУЛИТИН», АВСТРАЛИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

"АПОЛЛО"

Олег ИГНАТЬЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ИДЕТ

В ЧУЖИЕ ВОДЫ

На другой день после опубликования в португальских газетах первых достоверных, но составленных в общих выражениях сообщений об «Ажинтере», на квартире одного из генералов, входившего в Совет национального спасения и пользовавшегося полным доверием у только что вступившего на пост временно-президента Португальской Республики генерала Антониу ди Спинолы, раздался телефонный звонок из американского посольства. По поручению посла США Стюарта Нэйш Скотта генералу звонил советник посольства Ричард Пост, который просил срочно принять его на квартире генерала в связи с делом, не терпящим отлагательства.

Во время состоявшейся в тот же вечер встречи Пост настоятельно просил сделать все возможное для прекращения «утечки информации» о ходе расследования деятельности «Ажинтера».

— Учтите, генерал, в ваших же интересах прислушаться к нашему совету.

— Что вы хотите этим сказать? — удивленно поднял брови генерал. — Какое отношение имеет ко мне расследование махинаций паршивого французского агентства?

— Самое непосредственное, — усмехнулся Пост, — еще в бытность свою полковником, выполняя инструкции вышестоящего начальства, вы накладывали резолюции на документах, докладных, рапортах, где приводились факты о политической неблагонадежности некоторых армейских офицеров. Резолюции отличались краткостью стиля. Как правило, там было всего три слова: «Ознакомить руководство ПИДЕ». И ваша подпись. Не исключено, что некоторые фотокопии этих документов, естественно, с вашими резолюциями, можно, если порыться, найти в одной из многочисленных папок находящегося сейчас в Кашиас досье «Ажинтера».

— Но это настоящий шантаж! — вскричал генерал.

— Ни в коем случае, — твердо произнес Пост. — В досье «Ажинтера» фигурирует много достойных имен, а не только ваше, но нигде, ни в одной бумаге нет никакого упоминания о посольстве Соединенных Штатов и вообще о нашей стране. Мы хотим помочь избежать компрометации уважаемых португальских деятелей, от которых зависит будущее Португалии, являющейся членом НАТО.

— Положение не из простых, — согласился генерал, — к великому сожалению, командование форта Кашиас мне не подчинено.

— Объясните президенту Спиноле. Он тоже в

какой-то мере лицо заинтересованное. Пусть отдаст приказ вывести архив из Кашиас и поручит это доверенным лицам.

На том и порешили. Попрощавшись с генералом, Ричард Пост направился в посольство, где, несмотря на поздний час, его с нетерпением ждал Эберт Окун.

— Ну как, Дик, добился чего-нибудь? Получил согласие генерала?

— У него власти для этого маловато, и голову даю на отсечение, что сейчас он уже заперся со Спинолой в кабинете. Уверен, что еще сегодня ночью все до единой бумажки «Ажинтера» испарятся из Кашиас.

— Если завтра в утренних газетах не появятся новые данные, то можно жить спокойно.

На следующее утро в газетах не появилось никаких новых сообщений о «деле «Ажинтера»». Газетам нечего было сказать и в последующие дни. Архив «улетучился» из форта Кашиас. Только в самых последних числах мая одна вечерняя лиссабонская газета дала небольшую десятистрочную заметку, где со ссылкой на французские источники приводился новый адрес агентства: «Ажинтерпресс», др востребования, Вильяхойоса, провинция Аликанте, Валенсия, Испания».

Американская база Лажес, расположенная на португальском острове Терсейра, входящем в состав Азорского архипелага, занимает видное место в системе военно-воздушных баз США, разбросанных по периметру Атлантического океана. Португальский журнал «Вида мундиал» писал: «...Для нас не составляет секрета, что на острове Терсейра размещено атомное оружие, в частности в подземных складах в Кабритос и Бискойтос, которые постоянно закрыты для любых португальских или иностранных представителей. Кроме того, на острове Терсейра находится морская база США для заправки подводных лодок, оборудованная на Прайа да Витория».

Формально база принадлежит португальцам, и США лишь арендуют часть ее. Но фактически американская часть базы Лажес является государством в государстве. Португальцы лишены возможности осуществлять контроль за деятельностью «арендаторов». Американцы имеют свою охрану, свои магазины, товары для которых доставляются, минуя португальский таможенный контроль, свою замкнутую телевизионную сеть, свою систему пропусков, без которых португальцы не имеют права даже входить на «арендованную» у них территорию.

Вот на этой американской базе в офицерском клубе № 4 во второй половине дня 19 июня и состоялись переговоры между президентом США Ричардом Никсоном и временным президентом Португалии Антониу ди Спинолой.

С португальской стороны участие в переговорах принимали посол в Вашингтоне Халл Темидо, начальник генерального штаба военно-воздушных сил Португалии и доверенное лицо Спинолы генерал Диого Нето, а также генеральный секретарь народно-демократической партии и министр без портфеля Са Карнейру. Вместе с Никсоном прибыли командующий войсками НАТО в Европе генерал Александр Мейгс Хейг — участник агрессии США во Вьетнаме, года три работавший в Совете национальной безопасности США, и заместитель Генри Киссинджера Скотт Крафт.

Первым слово взял Спинола, приступив к краткому обзору политического положения в Португалии.

А в это время у входа на базу проходили другие переговоры, участники которых придерживались диаметрально противоположных позиций: группа журналистов и фотокорреспондентов вела горячий спор с американской службой охраны, категорически отказывавшейся пропустить прессу на территорию. «Вы у себя дома, в Вашингтоне, командуйте, а не на

португальской базе!» — возмущенно кричал обвешанный фотокамерами бородатый журналист. «Мы не на прогулку приехали, а работать» — пытался втолковать здоровенному детине с бычьей шеей щупленький комментатор португальского телевидения.

Пока шла перепалка у ворот, Антониу ди Спинола закончил выступление и, сложив аккуратно листки, передал их Диогу Нето.

— Итак, — резюмировал Никсон, — президент исключает возможность перехода власти в руки коммунистов?

— Я принял на себя бремя ответственности за судьбу нации, — патетически произнес Спинола, — ради одной цели: спасти демократию в Португалии и преградить дорогу международному коммунизму, борьбе с которым посвятил не одно десятилетие своей жизни.

— Мы насколько не сомневаемся в вашей верности идеалам западной демократии, но как складываются отношения с другими политическими компонентами? Я в первую очередь имею в виду Движение вооруженных сил и политические партии.

— Армией руководят не капитаны, а генералы, — сказал Спинола, — капитаны понимают это и поэтому просили меня, генерала, возглавить руководство страной. Я опираюсь на таких преданных генералов, как сидящий здесь генерал Диогу Нето, и на здоровые политические силы, возглавляемые такими достойными людьми, как сидящий здесь руководитель народно-демократической партии сеньор Франсиску Са Карнейру.

— Поймите меня правильно, господин президент, — сказал Никсон, — на карту поставлено слишком многое. Ставки в игре велики, и мы не можем оставить сторонними наблюдателями в событиях, непосредственно касающихся и нас, руководства Соединенных Штатов. Мы можем быть полностью спокойны, зная, что в Португалии на посту президента находится такая выдающаяся личность, как генерал Спинола, но проблем — и значительных — так много, что необходимо полностью контролировать обстановку и иметь разработанные планы хотя бы для ключевых проблем. Нас очень волнует, скажу откровенно, так называемая деколонизация. В первую очередь — Анголы, стратегическое значение которой для всего юга Африки трудно переоценить. А по имеющимся данным, власть там может перейти в руки этого террориста Нето.

— Ни в коем случае! — не выдержал Спинола, Ангола останется провинцией Португалии.

— Безусловно, — заметил Никсон, — это оптимальный вариант. И мы и остальные страны — члены НАТО все минувшие годы поддерживали португальское правительство в его борьбе против террористов МПЛА. Но сейчас необходимо трезво смотреть на вещи. Обстановка в Португалии отнюдь не благоприятствует продолжению военных действий в Африке. Просто никто из португальцев не будет воевать, и, прошу извинить меня, без армии, имея в своем распоряжении верных генералов, ни один полководец еще ни одну войну не выигрывал. Так что необходимо иметь запасные варианты. Давайте решим, что в дальнейшем будем делать ставку на Холдена Роберта. Наши службы знают его прекрасно, и более подходящей фигуры пока нет.

— Я обращусь с просьбой о помощи к Форстеру. — Это станет последним президентским обращением генерала Антониу ди Спинолы, — усмехнулся Никсон.

— Я не могу примириться с мыслью о потере Португалией ее заморских территорий. Полтысячелетия мы были хозяевами на этих землях. А теперь в какие-то несколько месяцев должны уйти, бросить на произвол судьбы Анголу и Мозамбик, Гвинею и острова Зеленого Мыса. Потрясающе!

— Вот покидать острова Зеленого Мыса ни в коем случае не следует. Думаю, генерал Хейг со мной согласен. Правда, генерал?

— Конечно, мистер президент, — подтвердил Хейг, — впрочем, собственно говоря, мы и НАТО в целом заинтересованы не упускать из-под своего контроля один остров — остров Сал. Там идеальное место для создания такой же прекрасной базы, как здесь, на острове Терсейра...

Часа через два переговоры завершились, и Спинола предложил выйти к журналистам, потерявшим уже всякую надежду получить какую бы то ни было информацию. Моментально защелкали затворы фотоаппаратов, мягко зажурчали кинокамеры, к Никсону и Спиноле потянулись руки с микрофонами и диктофонами.

— Друзья, — сказал Никсон, — никакого специального коммюнике мы не подготовили. Во время встречи обсуждались вопросы, представляющие интерес для обеих сторон. Уверен, что она послужит делу укрепления дружбы между Соединенными Штатами и Португалией. Вот и все, что мы с президентом Португалии мистером Спинолой хотели вам сообщить. До свидания. Спасибо за внимание.

Вскоре в воздух поднялся самолет американского президента, а вслед за ним отбыл на континент и временный президент Спинола, а с ним и вся свита,

включая и журналистскую братию. И если настроение у «генерала с моноклем» было прекрасное, то представители прессы сидели в креслах с кислыми физиономиями: стоило ли лететь за несколько тысяч километров, чтобы в результате записать в блокнот две пустые протокольные фразы!

Полмесяца спустя после переговоров Никсон — Спинола состоялось очередное заседание португальского Государственного совета. Премьер-министр Палма Карлуш внес на его рассмотрение два предложения: провести в стране референдум с целью предоставления больших полномочий президенту республики генералу Антониу ди Спиноле и отложить на более поздний срок, примерно до октября 1976 года, всеобщие выборы в Конституционную ассамблею. Среди поддержавших эти предложения был и министр без портфеля, генеральный секретарь НДП Франсиску Са Карнейру. Однако большинство членов совета решительно выступило против. Палме Карлушу ничего не оставалось, как уйти в отставку.

18 июля было приведено к присяге 2-е временное правительство во главе с премьер-министром Васке Гонсалвишем, последовательным сторонником Движения вооруженных сил, человеком прогрессивных убеждений.

...Сидевший в своем кабинете в посольстве США Эберт Окун, прослушав сообщение о новом правительстве, выключил приемник и произнес вслух: «Проиграть одну битву не означает проиграть войну».

23 июня 1974 года Государственный совет по предложению Спинолы назначает майора Отелу Сарайва ди Карвалью командующим Оперативным командованием на континенте (КОПКОН).

Отело до 25 апреля и в первые недели после революции был ярым поклонником Спинолы, и тот знал это. Однако вскоре отношение Отелу к генералу стало меняться, и в основном не потому, что Отелу увидел ограниченность Спинолы, сколько из-за амбициозных планов самого Отелу. Он, что называется, занемог «звездной болезнью». Политически очень незрелый, Отелу очень скоро стал проявлять замашки этакого португальского «бабки Махно» и не скрывал намерения сделать себя «президентом Португалии». В дальнейшем Отелу явится одним из виновников такого поворота событий, который даст возможность реакции осенью 1975 года повести фронтальное наступление на завоевания апрельской революции, — и тогда лишь решительная позиция, занятая компартией, предотвратит возврат Португалии к фашизму.

КОПКОНу отводилась роль по защите государственной безопасности, выявлению саботажников, раскрытию заговоров и подавлению контрреволюционных выступлений. Таким образом, пресечение подрывных действий ЦРУ входило в круг непосредственных обязанностей вновь созданного военного подразделения.

В июле командующий КОПКОНОм генерал (теперь уже генерал) Отелу Сарайва ди Карвалью вернулся из Лусаки, где он и министр иностранных дел Португалии Мариу Соареш вели переговоры с делегацией ФРЕЛИМО о предоставлении независимости Мозамбика. Сразу же после возвращения Отелу явился к Спиноле докладывать о результатах поездки. Вот как описывает Отелу свой разговор со Спинолой в книге «Пять месяцев, которые изменили Португалию».

«...Я ясно изложил генералу, какие имеются условия для деколонизации, и обрисовал позицию ФРЕЛИМО, которая, на мой взгляд, выглядела единственно правильной и возможной. Генерал Спинола даже подкочил. «Такого никогда не будет. Должны быть другие решения!» — кричал генерал. — Я не хочу больше ничего слушать. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, это замолчать». Я все же решил обосновать мои утверждения. Сказал, что согласен с ФРЕЛИМО, который желает избежать возникновения пропасти между нами и будущим государством Мозамбик. «Нет, сеньор, так дело не пойдет, — стоял на своем генерал Спинола, — и поэтому, если потребуется, я, пользуясь своими правами, обращусь к Никсону, и он пошлет в Мозамбик американские войска». Я обратил внимание Спинолы на опасность «вьетнамизации» конфликта с Мозамбиком, в которой, можно быть уверенным, сам Никсон ни в коем случае не заинтересован. «В таком случае если не Никсон, то Южно-Африканская Республика даст нам войска», — продолжал стоять на своем Спинола...»

В июне лиссабонские газеты опубликовали ряд материалов о деятельности ЦРУ в Португалии, где упоминалась яхта «Аполло», которая, как утверждали газеты, является «плавающим штабом ЦРУ». Во второй половине июня «Аполло» намеревалась зайти в Сетубал, но португальские власти не дали разрешения на заход, и яхту не видели в португальских водах до восьмого августа, когда она пришвартовалась к одному из причалов порта Фуншал на острове Мадейра.

На другой день борт яхты покинул пассажир с американским дипломатическим паспортом, в котором стояла португальская въездная виза, выданная консульским отделом португальского посольства в Вашингтоне. Американец в сопровождении двух офицеров «Аполло» направился в аэропорт Фуншал, где сел в самолет английской компании «БЕА», вылета-

ющий в Лиссабон. Через полтора часа самолет приземлился в лиссабонском аэропорту, где пассажира с «Аполло» уже поджидали два представителя американского посольства. Этим пассажиром был Вернон Уолтерс, заместитель директора ЦРУ¹.

Вечером того же дня Вернон Уолтерс собрал совещание руководящих сотрудников посольства. Тема совещания — «Обсуждение обстановки в Португалии и выяснение возможностей для проведения активных действий с целью помешать коммунистам направлять развитие событий в Португалии».

— Итак, — Уолтерс постучал пальцем по столу, вызывая к вниманию, — я могу сделать лишь один вывод: «План Португалия» пока осуществляется удовлетворительно. Мне готовят встречу с верхушкой местного бизнеса. Кто там намеревается быть?

— Там должны быть, — сказал Окун, — Антониу Шамполимо, Мануэл Бульоза, Франко Ногейра, Адриано Морейра, Галвао ди Мело и еще несколько человек. Люди с положением, очень влиятельные в деловых, военных и политических кругах. Это не только бизнесмены. Например, генерал ди Мело...

— Вы сообщали о нем, — напомнил Уолтерс, — а меня пока память не подводит. Как они собираются назвать готовящееся шествие?

— Демонстрация «молчаливого большинства», — сказал Окун. — Меня, откровенно говоря, несколько смущает в какой-то степени повторение нашего бразильского варианта. На это здесь могут обратить внимание.

— Ничего, — Уолтерс пренебрежительно махнул рукой. — в Бразилии демонстрации были приданы чисто религиозный характер, а здесь мы делаем упор на партии, и эти партии будут выступать не против президента, а в поддержку существующей власти. Какие партии занимаются организацией манифестации?

— Христианско-демократическая, либеральная, португальское народное движение, движение португальского действия, федералистское португальское движение, партия прогресса и португальская националистическая партия. Думаю, что им удастся вывести на демонстрацию тысяч тридцать своих людей.

— Разрешите очередное заседание «Комитета-40-а», — Генри Киссинджер окинул взглядом присутствующих, словно пересчитывая их, поправил очки, — считать открытым. Сегодня в нашей повестке дня первым пунктом стоит португальский вопрос. Предоставим слово Уильяму Колби. Мистер Колби, пожалуйста.

— Хочу проинформировать членов комитета, что для непосредственного наблюдения за подготовкой к операции, о которой шла речь на нашем прошлом заседании, мы направили в Лиссабон Вернона Уолтерса. Он должен был прибыть туда сегодня. Но это детали. Я хочу просить членов «Комитета-40-а» обсудить на следующем заседании предложение ЦРУ о смене нашего посла в Португалии. Посол Стюарт Нэйш Скотт — милый, интеллигентный человек, вполне подходящий для роли посла при предыдущем правительстве, но он абсолютно не подходит для нынешних условий.

Далее предлагается утвердить выработанный службами разведки план действий в отношении Анголы, который будет представлен португальскому президенту генералу Спиноле во время предстоящих, как мы рассчитываем, в начале сентября переговоров с президентом Заира Мобуту. Как видно из прилагаемой записки, аварийный вариант плана предусматривает расчленение Анголы...

Старый Гонзага, владелец единственной на острове Сал гостиницы «Санта Мариа» и единственного приличного бара, выглядел обескураженным. И было отчего. В среду вечером к нему явился сам командир военно-воздушной базы в сопровождении незнакомых офицеров, появившихся на острове неизвестно откуда. Командир осмотрел лично каждую комнату гостиницы и строго-настрого предупредил, чтобы ни в четверг, ни в пятницу он, Гонзага, не принимал ни одного постояльца.

Правда, гостиницей принадлежащее Гонзаге одноэтажное деревянное здание можно было назвать с очень большой натяжкой. Около десятка маленьких

¹ Между прочим, в этот день — 9 августа — президент США Ричард Никсон был вынужден уйти в отставку. В Белом доме произошла смена хозяина, но это никак не отразилось на деятельности большинства служб американской администрации, в том числе и ЦРУ. Программы и планы, разработанные ранее, практически не подверглись изменениям, в том числе и планы, касающиеся Португалии. Заведенная ранее машина продолжала действовать.

² «Комитет-40-а», в который входили высшие чины американских разведывательных служб, намеревался и утверждал наиболее важные операции ЦРУ. Работу «Комитета-40-а» возглавлял советник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер. В 1974 и 1975 годах комитет неоднократно собирался для обсуждения положения и принятия соответствующих решений, связанных с событиями в Португалии.

комнатушек без всяких удобств, даже без кондиционеров— вот и весь «отель». Одно у него преимущество— до здания аэропорта Сантос Дюмон всего десять минут ходу пешком, до входа же на базу и того меньше: вон она, база, с левой стороны, метрах в трехстах от гостиницы. А напротив гостиничной веранды, за колючей проволокой— взлетная полоса аэродрома. Колючая проволока не от злоумышленников, а от коров, которые в поисках съестного раньше то и дело вылезали на полосу, создавая аварийную обстановку.

Выполнить просьбу командира базы для Гонзаги не составляло никакого труда, так как с понедельника все комнаты пустовали.

Утром следующего дня старик обнаружил, что и сзади дома и с боков прохаживаются португальские и неизвестно какой национальности африканские военные, а на дороге патруль велит всем, кто направляется в сторону базы, идти другим, кружным путем. Даже коров куда-то прогнали.

Гонзага и не подозревал, что присутствует при «историческом» событии— встрече временного президента Португальской Республики Антониу ди Спинолы с президентом Заира Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Бангой.

Спинола прибыл на остров Сал около 11 часов 30 минут на самолете военно-воздушных сил. Спустя 45 минут прилетел президент Мобуту.

После прохождения строя почетного караула, состоявшего из пехотной роты и роты парашютистов, оба президента и сопровождавшие их лица направились в гостиницу «Санта Мариа», где около 13 часов 30 минут состоялся завтрак.

В 15 часов начались переговоры за закрытыми дверями, которые продолжались до 16 часов 30 минут.

Перед вылетом Мобуту, согласно сообщению агентства Франс Пресс, поблагодарил «за оказанный ему горячий прием». Генерал Спинола, в свою очередь, заявил о своем удовлетворении «сердечной атмосферой, в которой проходили переговоры с президентом Заира».

После встречи глав двух государств среди представителей органов информации было распространено следующее коммюнике: «Президенты Республики Заир и Португалии встретились на острове Сал для обмена мнениями. Среди других были затронуты проблемы, связанные с процессом деколонизации, происходящим на португальских территориях в Африке».

Я привел здесь полный текст корреспонденции, опубликованной в «Секулу». Как любой может убедиться, ничего из сообщения понять нельзя. Что конкретно обсуждали на переговорах, к каким выводам пришли участники и, наконец, какие решения были приняты? Обо всем этом ни слова.

Кое-что выяснилось через несколько дней после получения из Луанды местной газеты «Провинсиа ди Ангола». В ней говорилось: «В коммюнике ничего не сообщается и в передачах агентств также ничего не говорится, что Спинолу сопровождал еще Мариу Соареш, португальский министр иностранных дел, а Мобуту привез с собой Холдена Роберто». Вот после такой коротенькой заметки все становилось более или менее ясным: Мобуту и Холден Роберто, имея разработанный ЦРУ и утвержденный «Комитетом 40-а» план в отношении будущего Анголы, довели его содержание до сведения Спинолы. О преступном характере сговора Спинола— Мобуту, разработанного ЦРУ, стало известно значительно позже, когда 21 октября 1975 года ангольская газета «Диариу ди Луанда» поместила материал под заголовком «Отчет о соглашениях между Мобуту и Спинолой». Приведу выдержки из него:

«Переговоры были посвящены судьбе, которую главы двух государств готовили для Анголы, ее народа и ее природных ресурсов. Каждая из сторон изложила свои требования и определила свою позицию».

Мобуту в первую очередь потребовал от Спинолы оказания поддержки Холдену Роберто на территории Анголы, у которой отбиралась ее провинция Кабинда. Во-вторых, в дальнейшем судьбу Анголы должны были решать совместно представители Спинолы и представители Мобуту, а судьбу Кабинды с ее колоссальными запасами нефти— «Фронт освобождения анклава Кабинда», руководство которого находится в Киншасе. Однако этому фронту предстояло действовать согласно указаниям Спинолы и Мобуту. В-третьих, Спинола должна помочь Мобуту в создании федерации Заир—Ангола—Кабинда, где Мобуту займет пост президента федерации, а Холден Роберто— пост вице-президента.

Спинола принял эти предложения, но на своих условиях. Первое условие: Мобуту должен оказать помощь Спиноле в укреплении отношений с правительствами тех африканских стран, которые поддерживают Мобуту. Спиноле это было нужно для поднятия международного престижа возглавляемого им португальского правительства, что облегчило бы ему успешное проведение новой колониальной политики и укрепление порядка внутри самой Португалии. Мобуту согласился выполнить это условие Спинолы.

Во-вторых, Спинола потребовал от Мобуту, чтобы все капиталистические компании— и португальские и транснациональные— могли свободно действовать как минимум двадцать лет на территории Заира, Анголы и Кабинды, разрабатывая естественные ресурсы этих территорий. Данное условие также было принято Мобуту».

Таким образом, в случае осуществления подобного плана ЦРУ выполнило бы свои замыслы, не допустив создания демократического государства на территории бывшей португальской колонии Анголы и обеспечения сохранения позиций американских монополий в этой стране. Планам ЦРУ не суждено было осуществиться. Как известно, народ Анголы сам решил судьбу своей родины.

Крытая военная машина свернула с проспекта Республики на проспект Жулио Диниш и остановилась недалеко от дома 10, на котором висела табличка «СИНДУКТА». Сидевшие в кузове автоматчики спрыгнули на мостовую. Молодежный лейтенант, командовавший группой, приказал трем автоматчикам спуститься по пандусу в гараж, четверем остаться около машины, а человек шесть направиться с ним к подъезду, около открытой двери которого стоял портье.

— Двое со мной, остальные по лестнице бегом до самого верха,— приказал лейтенант.

Как только за лейтенантом закрылась дверь лифта, портье, с любопытством наблюдавший эту сцену, нажал на левую кнопку переговорного микрофона пятого этажа и, когда наверху подняли трубку, тихо, но внятно произнес лишь одну фразу: «Марио, к вам поднимаются автоматчики».

Когда лейтенант Мартинш вышел из лифта, солдаты поднимавшиеся по лестнице, уже ожидали его на площадке пятого этажа. Лейтенант позвонил, дверь тотчас же открыли, как будто их прихода здесь ждали.

— КОПКОН,— сказал лейтенант Мартинш стоявшему на пороге очень маленького роста мужчине и протянул сложенную вдвое бумажку.— Вот ордер на обыск.

— Пожалуйста, проходите,— ответил коротышка,— но начальника нет и вообще в последние дни, кроме меня, моего товарища и шофера Марио, никто на работу не приходит. Алфонсо, Марио, идите сюда!

— Отправить всех троих в управление для снятия показаний,— приказал лейтенант.— Наверное, здесь придется порядочно повозиться.

— Да что вы, сеньор лейтенант!— воскликнул коротышка, которому, по всему было видно, очень хотелось высказаться и быть чем-то полезным и этому незнакомому лейтенанту и этим бравым солдатам с грозными автоматами.— Все комнаты пустые. Последние бумаги Марио вывез еще в начале месяца, не правда ли, Марио?

— А куда же отвезли бумаги?— просто из любопытства спросил лейтенант, потому что никто его не уполномочивал проводить какой-либо допрос.

— Должно быть, на «Аполло». Я слышал, как начальники часто упоминали это название.

— Хорошо,— произнес лейтенант Мартинш,— давайте возьмете их в управление. Там разберутся. А мы все-таки осмотрим помещение».

Коротышка сказал правду. Ни в столах, ни в железных ящиках ничего не нашли. Лишь в одной из дальних комнат около отключенного телекса валялись на полу два залупанных мотка перфорированных лент. Лейтенант Мартинш приказал забрать ленты и вернулся в управление.

А там уже толстяк и его приятели рассказывали последнюю главу истории компании СИНДУКТА.

Вот часть показаний, которые были вскоре опубликованы в газетах и лиссабонском журнале «Вида мундиал».

«Компания СИНДУКТА занималась различного вида информационной деятельностью, но мы, хотя и работали там, не имели точного представления, чем в действительности компания занимается, так как нам поручали чисто техническую работу и перевод отдельных листов докладных и записок. Мы находили все это довольно странным, но так как платили прилично, то лишних вопросов лучше было не задавать».

Мы начали кое-что понимать после 25 апреля. В тот день, естественно, мы не явились на работу, а когда 26 апреля пришли на службу, то увидели, что двери в другие комнаты закрыты на замки, многие документы и досье исчезли, все содержимое наших столов перевернуто. Исчезли даже копии сделанных нами переводов. Но пропали не только наши бумаги, а все документы СИНДУКТА, включая сводки о ее деятельности. Мы знали, что такие сводки составляются ежедневно, но за все время работы ни одной из них не читали, так как они все были зашифрованы и засекречены. Нам не позволяли даже близко подходить к столам, где сотрудники фирмы— иностранцы занимались зашифровкой. Все телеграммы телекса также были зашифрованы, и нам не разрешали входить в комнату, где находился телекс. Туда имели доступ лишь иностранцы, работавшие в фирме. Одновременно они являлись служащими ОТК. Среди сотрудников, кроме нас, были и португальцы, но весь руководящий состав состоял из иностранцев, и с нами они практически не контактировали...»

Последнюю неделю или полторы мы приходили на работу и ничего не делали, потому что из помещения, кроме мебели, все вывезли неизвестно куда... Мы приходили в контору, играли в карты, пили кофе и ждали конца месяца, потому что боялись потерять причитающиеся нам деньги».

Вечером того же дня в посольстве Соединенных Штатов стало известно об обыске в помещении

СИНДУКТА и аресте отрядом КОПКОНА трех ее служащих. Эберта Окуна новость несколько не взволновала, потому что никаких компрометирующих посольство материалов португальские власти, конечно, обнаружить не смогли, и разработанная Окуном программа действий для «Аполло» оставалась в силе. На 29 сентября намечался приход яхты в Лиссабон для пребывания там до получения новых инструкций.

ЦРУ было настолько уверено в благополучном исходе операции «молчаливое большинство», что капитан «Аполло» Уильям Робертсон на конец сентября забронировал себе номер в отеле «Шератон». Однако капитану так и не удалось им воспользоваться в связи с не предвиденным ни им, ни его начальством ходом развития событий.

Вот лиссабонская политическая хроника последней недели сентября 1974 года.

23 сентября

Тысячи плакатов с призывами принять участие в демонстрации «молчаливое большинство» расклеиваются по ночам в Лиссабоне. Особенно много их в центре столицы. Плакаты отпечатаны на средства, поступающие из «национального комитета» по организации манифестации, который, в свою очередь, снимает их со счетов, открытых профашистскими партиями в нескольких частных банках.

24 сентября

Фашистский еженедельник «Темпу нову», возглавляемый Жозе Иполито Рапозу, закрыт властями на 60 дней за публикацию клеветнических статей против руководителей апрельского восстания. Родственник Рапозу— Франсиско Иполито Рапозу по кличке «Кито»— был оформителем плакатов «молчаливое большинство».

Политкомиссия Португальской коммунистической партии публикует заявление, в котором говорится, что манифестация «молчаливое большинство» тщательно готовится и направляется известными реакционерами и фашистами и ставит своей целью дать первый толчок наступлению контрреволюции».

25 сентября

Руководство КОПКОНА провело совещание, где присутствовали представители ряда воинских подразделений. Было признано необходимым изолировать главных организаторов намечаемой манифестации.

Несколькими днями ранее в КОПКОН поступили сведения о действующей в стране сети контрабандистов оружия. На совещании во дворце Белен Васко Гонсалвиш, Отело и генерал Кошта Гомеш приняли решение провести операцию по выявлению источников, из которых поступает оружие. Оперативное подразделение КОПКОНА обнаружило помещение, где хранилось оружие, арестовав находившихся там заговорщиков.

26 сентября

Вечером состоялся первый акт операции «молчаливое большинство». На стадионе Кампу Пекену, где проводится бой быков, собрались представители правых, ультраправых и фашистских партий, устроившие овацию генералу Спиноле. На стадионе раздавались крики: «Долой Движение вооруженных сил!», «Да здравствуют колонии!», «Смерть коммунистам!». На трибунах разбрасывали листовки с призывом принять участие в демонстрации «молчаливое большинство».

Организационный комитет демонстрации «молчаливое большинство» обратился в лиссабонский муниципалитет с просьбой выдать соответствующее разрешение на проведение демонстрации 28 сентября.

27 сентября

Вечером в Порту на ужине, организованном правыми партиями, где присутствовал также консул США, произносились многочисленные тосты, в которых объявлялось о неминуемом наступлении новой эры в Португалии. Вот выдержки лишь из двух тостов...

«У нас есть силы, чтобы развернуть мощную деятельность против этой революции, которая закончится в конце октября поражением коммунистов».

«Премьер-министр Васко Гонсалвиш и КОПКОН не продержатся у власти и три дня. Завтрашний день может стать началом гражданской войны».

«Аванте» публикует передовую статью «Нет!— контрреволюционной демонстрации». В статье говорится: «В очередной раз реакция переходит в наступление... Мобилизуя по всей стране силы для концентрации их в Лиссабоне, реакция пытается показать, что большинство выступает против нынешней политики правительства. Реакция требует установления в стране личной диктатуры или правого правительства».

Организаторы готовящейся провокации прекрасно известны. Это фашисты и связанные с ними элементы, это такие партии, как «либеральная», «партия прогресса», «португальское федералистское движение». Создаются фашистские вооруженные группы. Латифундисты мобилизуют транспортные средства, чтобы привезти в Лиссабон своих людей для участия в демонстрации...

Необходимо официально запретить проведение демонстрации и на государственном уровне принять необходимые меры для осуществления такого запрета.

Португальский народ говорит «Нет!» контрреволюционной демонстрации. Народ будет действовать в соответствии с требованиями, выдвинутыми создавшейся обстановкой. Фашизм не пройдет!»

28 сентября

В ночь на 28 сентября жители Лиссабона вышли по призыву коммунистов на улицы столицы. На всех дорогах, ведущих в город, выстроены баррикады. Радиостанции «Радио-клуб португеш» и «Радио Рибатежу» передали обращение ПКП к населению страны с призывом сорвать замыслы реакции.

Во дворце Белен генерал Спинола, генералы Галвао ди Мело, Силверию Маркеш, Диого Нето, Фонтеш Перейра ди Мело обсуждают создавшуюся ситуацию. Генерал Галвао ди Мело составляет с согласия Спинолы текст коммюнике для печати, в котором заявляется о поддержке проведения демонстрации «молчаливого большинства». Газеты (кроме одной) отказываются его публиковать. Радиостанции следуют их примеру.

В 9 часов утра все основные радиостанции страны передали сообщение, в котором говорилось о запрещении проведения демонстрации «молчаливого большинства», об аресте руководителей ряда ультраправых партий и организаций и о запрещении фашистской «либеральной партии». Попытка правого переворота была сорвана.

Однако Спинола отказывался признавать поражение.

В ночь с 28 на 29 сентября

Отряд КОПКОНа произвел обыск в помещении типографии, где печатался 2-й номер фашистской газеты «Бандарра». Типография была опечатана, а номер конфискован. На первой странице «Бандарра» собралась дать статью, которая начиналась так: «Кампания, развязанная против президента республики, достигла своей кульминационной точки. Ее цель — изолировать от народа Верховного Представителя Нации, задержав его во дворце Белен и лишив возможности поддерживать связь с народом».

После объявления о запрещении демонстрации «молчаливого большинства» баррикады на перекрестках улиц и на дорогах, ведущих в город, пока не убираются. Около баррикад дежурят подразделения армии, а также представители населения.

Во дворце Белен генерал Антониу ди Спинола находится в зале Государственного совета вместе с близкими ему офицерами. После периода неуверенности и ожидания хороших вестей спинолисты начинают понимать, что сражение проиграно и необходимо думать о спасении собственной шкуры, а не о заговорах и захвате власти. Однако Спинола считает, что если не удалось одержать верх 28 сентября, то следует немедленно готовить новое наступление, которое можно начать через несколько часов — 29 сентября.

Однако генерал без армии все равно что винтовка без патронов. Большинство воинских частей и не думает выступать в защиту генерала Спинолы. Спинола попытался связаться с командирами расположенных в окрестностях Лиссабона воинских подразделений и нигде не нашел поддержки. И все же с присущим ему тупым упрямством генерал отказывался поддавать в отставку, вновь и вновь твердя одно и то же: «Еще не все потеряно».

И, наконец, его озаряет блестящая идея: если национальная армия отказывается подчиняться временному президенту, то почему не обратиться за помощью к иностранным вооруженным силам: ведь существует же НАТО! Хотя генерал мыслит и примитивно, но на первый взгляд логически. Против кого борется он, Спинола? Против коммунизма и коммунистов. Для чего создана НАТО? Для борьбы против коммунистов и для защиты интересов Запада, и в первую очередь Соединенных Штатов.

— Генерал, — подозвал Спинола Галвао ди Мело, — в сложившейся ситуации у меня есть лишь один выход: обратиться с просьбой к Соединенным Штатам, чтобы они дали приказ ввести войска НАТО на территорию Португалии.

— Но ведь, — Галвао ди Мело с некоторым удивлением посмотрел на Спинолу, — по уставу НАТО операция войск Североатлантического блока предусмотрена лишь в том случае, если какая-либо из стран — членов НАТО подверглась иностранному вторжению. Для нашего случая такая формулировка не подходит.

— Я это предусмотрел и считаю вполне возможным доказать иностранное вооруженное вмешательство во внутренние дела Португалии.

— ?

— Из поступивших к нам донесений следует, что на баррикадах видели гражданских лиц с оружием в руках. Это оружие португальскими военными гражданскому населению не раздавалось, значит, находящееся у населения оружие можно считать оружием иностранного происхождения. А раз иностранное ору-

жие находится в руках гражданского населения, то налицо иностранное вмешательство в дела Португалии.

— Без сомнения, мой генерал, ваши рассуждения четки, но вряд ли мы сможем, используя такой предлог, склонить США на ввод войск НАТО.

— Соединенные Штаты не захотят потерять Португалию, а без меня Португалии суждено погибнуть. Сейчас большинство членов Совета национального спасения находится здесь, во дворце. Совет должен объявить в стране осадное положение. Я введу членов совета в курс дела, а за это время необходимо связаться с посольством Соединенных Штатов и передать им нашу просьбу.

— Вряд ли посол Скотт согласится в такой поздний час приехать в Белен, а по телефону о подобных вещах даже заикаться не следует. Все здешние телефоны наверняка прослушиваются.

— Поезжайте сами в посольство.

— Белен окружен солдатами и толпой народа. Меня сразу же узнают и шага не дадут сделать. Да и возле американского посольства такая же обстановка. Необходимо найти какого-нибудь нейтрального посредника.

— Свяжитесь с бразильским послом генералом Карлосом Альберто Фонтурой, моим другом. Пусть он этой же ночью установит контакт с послом Соединенных Штатов. Немедленно звоните ему.

— Прямая связь в данном случае также исключена. С вашего позволения я поступлю иначе. Есть у меня один приятель, бразильский коммерсант. Человек надежный и, можно сказать, доверенное лицо бразильского посла. Ему будет не трудно, не возбуждая подозрений, добраться до Белена, получить наши инструкции, передать их бразильскому послу, а тот сконтактируется с американцами.

— Поступайте, как считаете нужным, только ни в коем случае не тяните. Времени у нас в обрез, и все висит на волоске.

Генерал Галвао ди Мело спустился на нижний этаж, чтобы по одному из телефонов технических служб позвонить бразильскому приятелю, разбудить его и попросить срочно явиться в Белен.

Было три часа ночи 29 сентября.

Поднятый с постели, бразильский коммерсант через час появился в Белене. Его сразу же провели к Галвао ди Мело. У одетого в штатский костюм генерала на брючном поясе висела кобура с небрежно засунутым в нее револьвером.

Чувствуя себя очень неудобно, бразилец присел на краешек кресла.

— Я попросил тебя приехать в связи с исключительно важными, чрезвычайными обстоятельствами. Страна находится на грани краха. Мы переживаем небывало сложный момент в нашей истории. Президенту республики генералу Спиноле необходимо сейчас же связаться с послом Бразилии, чтобы тот согласился быть посредником между Спинолой и посольством Соединенных Штатов, так как Спинола намерен попытаться получить согласие на немедленный ввод войск НАТО в Португалию. Понятно? Вытряхни вашего посла из постели.

— Послушай, генерал, — произнес после некоторого раздумья бразилец, — я полностью тебе доверяю, но дело, которое вы здесь затеваете, чревато такими серьезными последствиями, что мне хотелось бы, чтобы генерал Спинола лично подтвердил эту просьбу.

— Хорошо, — согласился ди Мело. — Подожди здесь несколько минут, и я попытаюсь вызвать Спинолу. Он сейчас на заседании Совета национального спасения.

Галвао ди Мело вышел, а бразилец остался один в комнате, сожалея, что дал втянуть себя в пренебрежительную историю, которая еще неизвестно чем может окончиться.

Спинола появился лишь через час.

— Ди Мело объяснил вам суть нашей просьбы, — сказал генерал, — я хочу, чтобы вы немедленно передали ее бразильскому послу.

Бразилец покинул Белен и тут же направился на улицу Эмэнды, рядом с площадью Камоэнса, где находилась резиденция посла Бразилии.

Посол Фонтуря, несмотря на глубокую ночь, бодрствовал. Внимательно выслушав посланца Спинолы, он написал несколько фраз на листке бумаги, запечатал его в конверт, вызвал охранника и приказал срочно доставить записку в посольство Соединенных Штатов и передать лично в руки советнику Эберту Окуну. Охранник отправился исполнять приказ.

Было 5 часов 30 минут утра 29 сентября.

Большинство сотрудников посольства Соединенных Штатов с субботы так и не уходило домой, и в ночь на воскресенье окна многих кабинетов были освещены. Вся группа Эберта Окуня находилась на своих рабочих местах, ожидая исхода событий.

Судя по радиосообщениям, тщательно намеченный план действий с треском проваливался. Спинола не являлся хозяином положения, из остальных руководителей заговора одних арестовали, другие исчезли,

не подавали признаков жизни, и, по всей вероятности, часть их уже покинула пределы страны. Армейские части остались верными правительству Васко Гонсалвиша, а главное — против заговорщиков выступили народные массы. Выступили организованно, сплоченно. Именно они, поддержанные военными, контролировали положение в столице, Порту и других основных городах.

— Этот Спинола, — сказал, зайдя в кабинет к послу, Окун, — оказался большим тупицей, чем я предполагал.

Скотт, сидевший у приемника, ничего не ответил и лишь недовольно передернул плечами. В этот момент раздался звонок внутреннего телефона, и дежурный сообщил, что мистера Окун просят срочно спуститься. Его ждет человек с письмом.

Было шесть часов утра 29 сентября.

Эберт Окун, вскрыв конверт, дважды внимательно прочитал записку посла Фонтуря, содержащую всего три фразы: «Президент Спинола просит меня выступить посредником для переговоров с советником Постом о вводе вооруженных сил НАТО на территорию Португалии. Откровенно говоря, я не в курсе событий, происходящих в данный момент в Белене. Прошу сообщить ваше решение и ожидаю сеньора Поста в девять утра в помещении нашего посольства. Карлос Альберто Фонтуря».

— Передайте сеньору послу, — сказал Окун письменно, — что для нас время, назначенное для встречи, удобно.

Безусловно, ни Окун, ни Пост не обладали полномочиями принимать столь ответственное решение, касающееся ввода войск на территорию чужой страны. И Уильям Колби не имел права принимать подобное решение. И президент Форд без консультаций с остальными странами — членами НАТО тоже не решился бы на такой шаг. Таким образом, просьба Спинолы была абсурдной, свидетельствовала о крайней ограниченности неудавшегося претендента в диктаторы, и Окун, будучи человеком неглупым, прекрасно понимал нереальность желания генерала.

В первый момент Окун решил было информировать о просьбе Спинолы военного атташе, но сразу же отказался от этой мысли, не желая оказать мишенью для насмешек конкурирующей организации. Войдя в кабинет, Окун вызвал Ричарда Поста и ввел его в курс событий.

— Вам нужно, — сказал он Посту, — без четверти девять быть в посольстве Бразилии. Не показывайте виду, что наш ответ на просьбу Спинолы отрицательный. Нам нужно выиграть время и посмотреть, какие силы остались в распоряжении этого неудачника. Отталкивая Спинолу, мы можем настроить против нас сторонников Спинолы, а кое-кто из них нам пригодится в будущем. Рассчитываю на ваш такт и опыт. Идите, Пост.

Было шесть часов сорок пять минут утра 29 сентября.

В 9.00 в кабинете посла Бразилии генерала Карлоса Альберто Фонтуря находились советник посольства США Ричард Пост и неизвестный нам ответственный сотрудник бразильского посольства.

— Если я вас, сеньор советник, правильно понял, существуют большие сомнения в получении положительного ответа на просьбу генерала Спинолы, — сказал посл.

— Нам сообщил о просьбе Спинолы бразильский коммерсант, — ответил Пост. — У нас нет даже просьбы самого Спинолы — официально сформулированной просьбы, ссылаясь на которую можно о чем-то запрашивать Вашингтон. А если это всего-навсего грубая провокация? Если коммерсанту кто-то пообещал, скажем, сто тысяч долларов за услугу, и нас шантажируют? Что вы на это скажете?

— А если это правда, а не мистификация, и если Спинола действительно ждет от нас ответа?

— Вы понимаете, господин посл, не имея письменной просьбы, никто никакого решения принимать не станет. Пусть коммерсант принесет письменную просьбу Спинолы.

На этом и порешили. Бразильский коммерсант вновь отправился в Белен.

Было десять часов утра 29 сентября.

Во дворце сменился караул, и бразилцу пришлось проявить максимум настойчивости, прежде чем он смог убедить стоявшего у входа автоматчика пропустить его для передачи срочного сообщения члену координационной комиссии генералу Галвао ди Мело. Автоматчик вызвал начальника караула, и тот, позвонив куда-то, сам провел бразилца в приемную, сказав, что Галвао ди Мело выйдет через несколько минут. Однако прошел целый час, пока в комнату вошел генерал. Бразилец передал ему просьбу Поста.

— К сожалению, все уже бессмысленно, — сказал ди Мело. — Спинола подал в отставку.

Было двенадцать часов дня 29 сентября.

Окончание следует.

Он был уже немолод, с пышными, хорошо подстриженными темными усами. «Серьезный товарищ»,— подумал Семен и, достав ключи, стал раскручивать цепочку на пальце.

— Эх, день у меня пропадет. С товарищем несчастье случилось. Попросил вместо него осмотр сделать. Продавать собирается.

— Эту, что ли?— кивнул мужчина на «Жигули».

— Ну да. У вас там кто командует? Начальник цеха? Поговорить с ним, что ли?

— Я там старший. Бригадир. Сегодня запарка. А брелок такой я видел. С долларом...

— У кого?

— Делаю тут одному парню профилактику.

— Не Денису Анатольеву?

Мужчина удивленно посмотрел на Бугаева.

— Нет. Одному знакомому. Олежкой зовут. Бугаев вытащил из кармана фотографию.

— Не этому?

— Чего это он? Мертвый?

— Он? Олег?— быстро спросил Бугаев.

Мужчина взглянул еще раз. Уже более внимательно.

— Да.

— Вас как зовут?— переходя на деловой тон, спросил капитан.

— Валерий Сергеевич.

— Валерий Сергеевич, я из уголовного розыска.— Бугаев показал удостоверение.— О нашем разговоре прошу никому...

— Аристарх Антонович его зовут, чудное имя всегда хорошо запоминается.

— А фамилия у него не чудная?

— Нет. Фамилия у него, как у меня,— Платонов. Бугаев вздохнул с облегчением.

Расставаясь, он с чувством потрянул руку Платонова.

— Валерий Сергеевич, договорились: о нашем разговоре— ни гу-гу!

— Будет сделано, товарищ начальник. Приезжайте, ТО вам устроим по высшему классу.

— Приеду,— пообещал Бугаев.— Когда меня машиной премируют. За хорошую работу.

6

Участковому инспектору Мухину не давала покоя одна мысль: почему человек, разбившийся в церкви, оставил свои «Жигули» так далеко? За несколько километров от села. Да еще заснул их в такие кусты, из которых ночью не сразу и выберешься. Своими сомнениями Владимир Филиппович поделился с гатчинским следователем Гапоненко, но капитан только усмехнулся.

— Что ж он, по-твоему, прямо у церковной стены их поставил бы? У всех на виду?

— Мог бы все же поближе. Тут с километр будет...

— Видно, тертый калач. Может, думал, что мы собаку пустим. А там— за ручьем. Прошел по воде— и тью-тью.

Доводы капитана не успокоили Мухина. «Объяснить-то все можно,— думал он.— А вот если в шкуру этого субчика влезть? Он же не на экскурсию пришел.

повезло. Любаша, ученица десятого класса, приходилась Мухину дальней родственницей— ее мать была двоюродной сестрой инспектора. Когда он спросил Любашу, не гуляла ли она ночью в парке, девушка залилась краской и опустила голову. Прежде чем Мухин добился от нее путного рассказа, она успела поплакать.

— Дядя Володя, вы только маме не говорите,— попросила Любаша.— Я ей сказала, что у подружки засиделась. У Таськи Зайцевой.

Делать было нечего, и инспектор скрепя сердце пообещал держать Любашину прогулку в секрете.

Любаша-то и рассказала ему, что, когда проходили они с Толиком Ивановым мимо церкви, видели легкую машину. Белую. Для того, чтобы узнать имя Любашиного ухагера, Мухину пришлось еще раз дать клятву не проболтаться родителям.

— В котором часу машину видели?

Любаша пожала плечами.

— Домой ты когда пришла?

— В два.

— Хорошо помнишь?

— Еще бы! Мама мне такую истерику закатила. Мухин осуждающе покачал головой.

— Когда машину увидели, куда шли— в парк или уже из парка?

— Из парка. Мы потом у озера посидели чуточку и домой. Толик меня до прогона только довел. Вдруг бы мама встречать пошла?

Инспектор прикинул: от церкви до озера минут пять. Там еще «чуточку»— еще полчаса. От озера до Любашиного дома тоже минут десять. Выходило, что от часу до двух машина стояла у церкви.

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ОБЫЧНОСТЬ

РОМАН

Валерий Сергеевич кивнул. И тут же оглянулся на ворота цеха.

— Я вас недолго задержу,— сказал Бугаев.

— Пойдемте тогда в контору,— попросил Валерий Сергеевич.— А то неудобно перед цехом маячить без дела. Ребята скажут— бригадир лясы точит.

Они пошли по двору.

— С Олегом случилась беда. Погиб он...

— Разбился?

— Нет, не на машине. Машина его здесь.

— Ну да. Я-то смотрю, вроде бы проходил этот «жигуленок» через мои руки. Третья модель, а задняя панель от шестерки. Приличная машина, прошла всего-то ничего.

— Валерий Сергеевич, расскажите мне все, что вы знаете об Олеге,— попросил Бугаев, когда они сели на диванчик в конторе.— Фамилию, где живет, кем работает?

Валерий Сергеевич с недоумением пожал плечами. Хотел о чем-то спросить, но не спросил.

— Да ведь что я знаю: Олег и Олег... Парень веселый, при деньгах. За кордон часто ездит. Как ни пригонит к нам карету, всегда сувенир заграничный.

Мне вот тоже такой брелок привез, с долларом.

— А фамилия?

— Не помню.

— Ну это можно будет выяснить по книге регистрации,— подумал Бугаев, но тут же спохватился: он ведь как Анатольев пишется. По краденым правам.

— Ну хоть отчество?— попросил он Валерия Сергеевича.

— Да мы с ним по имени... Он как-то раз своего знакомого привозил. Так тот его тоже Олегом звал.

— А где жил Олег?

— Не знаю.

— Может быть, кто другой из ваших знает? Могли дома ремонт делать...

— Нет, с Олежкой только я работал.

— А этот его знакомый где работает?

Валерий Сергеевич улыбнулся.

— Где работает— не знаю. Но человек серьезный, на генерала похож.

— А зовут как?— с надеждой спросил Бугаев.

За иконами! И тащить их в такую даль? А как ночью машину в кустах найти? Тут и свой, деревенский, заблудится, не то что дачник...

Всех городских Владимир Филиппович называл дачниками. Без иронии, без подковырки— просто по привычке. Выросший в деревне, он привык к тому, что в их избе да и у соседей летом всегда жили дачники. Орлино— село красивое. Огромное озеро плескалось прямо за огородами. В каждом доме плоскодонка. Чуть снег осядет под мартовским солнцем— дачники уже тут как тут. Ходят от избы к избе, спрашивают, не сдается ли.

Капитан Гапоненко уехал в Гатчину, оставив участкового один на один со своими сомнениями. Владимир Филиппович достал из письменного стола лист бумаги и в течение часа прикидывал, кто из односельчан чаще всего шляется по ночам. Первыми в список были занесены десятка два парней и девчат, два мужика, часто работавших на Дружной Горке в ночную смену, несколько доярок, совхозный сторож. Потом инспектор прикинул, кто мог оказаться ночью недалеко от церкви. Выходило, что все молодые. Рядом парк— их туда все время тянет, будто медом намазано. Две доярки жили неподалеку. И, конечно, сторож. Но со сторожем Мухин уже говорил.

После того, как список был составлен, инспектор сел на мотоцикл и поехал домой. Там он переоделся в штатское. Каждый раз, когда надо было поговорить с человеком по душам, неофициально или Мухин знал, что его собеседник при виде милицейского мундира может потерять свое красноречие и забыть половину из того, что знал, он надевал штатский костюм.

Разговор с молодежью складывался до противности одинаково. Словно все они сговорились.

— Коля,— обращался инспектор к детине, которому, казалось, тесно в комнате,— ты третьего дня в парке не гулял?

— А что, разве нельзя?— с наигранным удивлением спрашивал Коля.— Мне шестнадцать еще по весне стукнуло.

— По ночам люди добрые спят,— для порядка говорил Мухин.

— Нет такого закона,— ухмылялся детина, и Владимир Филиппович, безнадежно махнув рукой, переходил к главному.

В разговоре с Любашей Федичевой инспектору

— Вы, дядя Володя, не подумайте чего плохого,— сказала Любаша.— У нас все всерьез.

— Ладно,— помягчав, отозвался Мухин.— На свадьбу не забудь пригласить.

Толик Иванов после недолгого заpiresательства подтвердил рассказ своей молодой подружки.

«Вот так-так,— размышлял участковый, шагая по вечернему селу домой.— Он, голубчик, в церкви лежал, а машина сама собой каталась? Или сначала он подъехал, осмотрелся, а потом машину в кусты отогнал. И все пехом?» Действия потерпевшего, по мнению Мухина, не соответствовали здравому смыслу.

В селе было тихо. Лишь под ногами шуршали нападавшие густым слоем листья. Кое-где в домах еще горел свет, да дрожжащие голубые отсветы в окошках выдавали, что хозяева смотрят телевизор. На дальнем конце села, за кладбищем, лаяли собаки. С озера тянуло прохладой, сыростью, запахом смоленых лодок.

«Не буду я Гапоненке звонить,— решил участковый.— Толку с него мало. Легкий человек. Позвоню начальству в Ленинград».

С одной стороны, Мухин стеснялся беспокоить ленинградское начальство, но разговор с подполковником Корниловым из угрозыска оставил у Владимира Филипповича хорошее впечатление. Пожилой, сухощавый подполковник, хоть и выглядел хмурым, разговор вел по делу, вопросы задавал точные, словно заранее знал мысли самого Мухина. Но больше всего понравилось инспектору то, что подполковник не стал строить никаких домыслов, не поучал его, как надо работать. Сказал, что дело сложное, на кофейной гуще гадать не надо, лучше побольше порасспрашивать людей.

— Если появится что-то новое, звоните,— сказал он на прощание.— Майору Белянчикову звоните. Его не будет— мне. Сейчас для нас каждая мелочь дорога.

Владимир Филиппович и позвонил Белянчикову, но его номер не отвечал, и старший лейтенант, преодолев робость, позвонил Корнилову.

Трубку подняла секретарша и, узнав, что звонят из Орлина, тут же соединила Мухина с Корниловым.

— Старший лейтенант Мухин беспокоит,— сказал участковый.

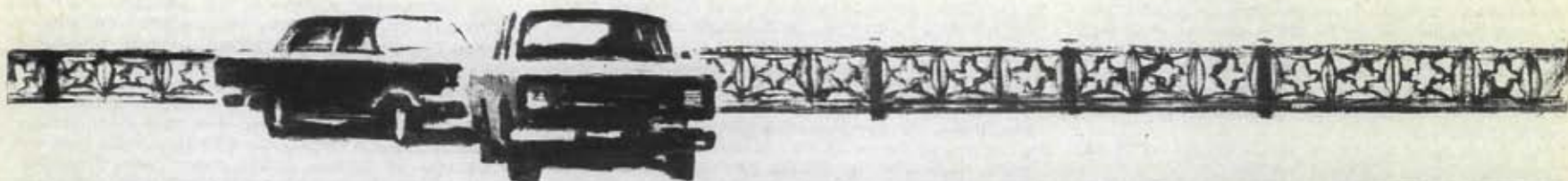

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Что у вас там нового? — Голос подполковника звучал требовательно и строго, и Мухин решил, что позвонил не вовремя. В трубке были слышны голоса, приглушенные низкие гудки другого аппарата.

— По поводу «Жигулей» хотел доложить, — сказал Мухин, но подполковник перебил его:

— Извини, другой телефон.

Участковый слышал, как Корнилов сказал:

— Позвоните через полчаса, у меня совещание.

Мухин совсем смутился и, когда подполковник снова сказал в трубку: «Але, продолжай, Мухин!» — виновато произнес:

— Может, попозже, товарищ подполковник?

— Давай, давай, рассказывай, не смущайся, — ободрил Корнилов. — Мы тут как раз и сидим по нашему с тобой делу. Только не рассусоливай.

Старший лейтенант доложил коротко и четко.

— Молодец, — похвалил Корнилов. Потом несколько секунд помолчал, обдумывая что-то.

— На днях я приеду. Жди. — И повесил трубку.

7

Аристарх Антонович Платонов, хоть и был, по словам своего однофамильца со станции обслуживания, похож на генерала, работал в конструкторском бюро старшим инженером. И, по словам сослуживцев, коллекционировал иконы. Корнилов решил съездить к нему сам.

Жил Платонов на улице Зверинской, в большом старинном доме. Его квартира под номером шесть оказалась на третьем этаже. Корнилов лифт не вызвал, пошел пешком, удивляясь, как легко подниматься по широкой старинной лестнице.

«Ловко умели строить, — подумал он. — И этажи повыше раза в два, чем нынче, а поднимаешься, словно на эскалаторе».

У дверей шестой квартиры лежал чистый половик, на самой двери был привинчен красивый крючок — чтобы хозяйка могла повесить сумку с продуктами, а потом уже спокойно доставать ключи. Игорь Васильевич дотронулся до крючка и покачал головой. Просто и удобно. Надо бы перенять опыт. Он позвонил три раза. Он всегда звонил три раза. Куда бы ни приходил. Привычка эта осталась у него с детства, когда они с отцом и матерью жили в коммунальной

квартире. На маленькой медной пластине, прибитой к дверям, было написано: «Бубновым — 2 зв., Корниловым — 3 зв.». Люди, имевшие общий интерес, звонили один раз.

За дверью послышались неторопливые тяжелые шаги и неразборчивое мурлыканье. Корнилову показалось, что человек напевает какой-то цыганский романс. Щелкнул замок, дверь приоткрылась. На подполковника смотрел хитрый, сощуренный глаз.

— Вам чего? — спросил довольно бесцеремонно обладатель хитрого глаза и наклонил голову так, чтобы видеть Корнилова и вторым глазом. Голос у него был басовитый, с начальственными нотками.

— Мне товарища Платонова.

— По какому делу?

— По общественному, — усмехнулся Игорь Васильевич.

— А, наконец-то! — сказал Платонов и, сняв цепочку, впустил подполковника в прихожую. — Я уже трижды к вам заходил. Хочу поставить дополнительные батареи, а в домохозяйстве отлынивают. Нет на них управы...

Перед Корниловым в красно-голубом халате стоял невысокий кражистый мужчина лет сорока пяти. Подполковника поразило лицо Аристарха Антоновича — все в глубоких складках-морщинах, словно порубленное шашкой. Странное сочетание самодовольства и хитрости навело Игоря Васильевича на мысль о том, что с Платоновым надо держать ухо востро.

— Аристарх Антонович, я из милиции. Подполковник Корнилов.

Платонов чуть выпятил нижнюю губу и снова с недоумением начал разглядывать Корнилова. Потом произнес вразяжку:

— Во-от как! Из милиции? А я-то думал...

Игорь Васильевич протянул удостоверение. Аристарх Антонович предупредительно поднял руку.

— Нет, нет! Что вы! Я вам верю. — И читать, что написано в удостоверении, не стал. Но Корнилов был готов поклясться, что Платонов и так успел разглядеть все, что там значилось.

— Вы надолго?

Подполковник улыбнулся. На такие вопросы ему еще не приходилось отвечать.

— Да нет, надоесть вам не успею.

— Я просто думаю, где нам удобнее погово-

рить, — сказал Платонов и обвел глазами прихожую. Наверное, прикидывал, а нельзя ли ею и ограничиться. Но в огромной прихожей, завешанной иконами, кроме маленького стульчика да тумбочки, сесть было некуда. Корнилов ждал, разглядывая выразительное лицо Аристарха Антоновича, по которому можно было прочесть весь ход его мыслей. Легкая гримаса растерянности сменилась выражением озабоченности, потом напряженного раздумья, решимости, и, наконец, Платонов показал рукой на дверь:

— Пройдемте, товарищ.

В этом «пройдемте» не было и намека на шутку.

Идя за хозяином в комнату, Игорь Васильевич успел принять решение о том, как ему держать себя с Аристархом Антоновичем: «О том, где погиб этот Олежек, рассказывать я Платонову не буду. Если узнает, что он в церковь за иконами лазал, — настроится. Кто их знает, что за отношения у них были!»

Комната, в которую привел подполковника Платонов, была похожа на музей. Три стены ее, как и в прихожей, были увешаны иконами. Только иконы здесь были более красивые и, как показалось Игорю Васильевичу, более древние.

— Прошу вас. — Аристарх Антонович кивнул на большое кожаное кресло. Корнилов сел. Платонов уселся напротив. Полы его халата разошлись и обнажили крепкие, густо заросшие волосами ноги.

— Аристарх Антонович, никого из этих людей вы не знаете? — спросил подполковник, раскладывая несколько фотографий на журнальном столике.

Платонов чуть привстал с кресла и с любопытством наклонился над карточками. Потом стал брать по одной и, повернув к свету, внимательно и подолгу разглядывал. Подчеркнуто внимательно. Потом почмокал губами и, вернув фотографии на прежнее место, сказал:

— Нет. Никогда не встречал. Никого.

В это время зазвонил телефон. Аристарх Антонович встал, подошел к письменному столу, на котором стоял аппарат. Плотнo приложив трубку к уху, он молча слушал несколько секунд, потом проворчал чуть раздраженно:

— Слушаю, слушаю. Ты не мог бы позвонить через полчаса? — Наверное, звонившего не устраивала отсрочка, потому что Платонов сказал: — Позвони завтра утром — И с гримасой недовольства обвел комнату

рассеянным взглядом. Но неожиданно он преобразился:—Шестнадцатый век?—почти крикнул Аристарх Антонович в трубку.—Ты в этом уверен? Обязательно, обязательно! Приеду сегодня же. Я на тебя надеюсь.—Улыбнувшись, он положил трубку, и лицо его, только что выражавшее неподдельный интерес, опять окаменело.

Он подошел к креслу и хотел сесть, но Игорь Васильевич встал и развел руками:

— Эти мужчины на фотографии—весь мой интерес, Аристарх Антонович. Простите за беспокойство.

— А как же...—Платонов недоуменно пожал плечами.—Почему вы пришли ко мне?—Он справился со своим недоумением и спросил почти сурово:—Почему вы считаете, что я должен знать кого-то из них?

— Эти люди подозреваются в спекуляции. В скупке и перепродаже произведений искусства. Вы как человек, коллекционирующий иконы, могли с кем-то из них встречаться.

— Кто это додумался прислать вас ко мне? Я не имею дела со спекулянтами!

— Аристарх Антонович,—мягко сказал Корнилов,—еще раз простите. Мы разговаривали со многими коллекционерами. И кто-то порекомендовал мне зайти к вам.

Спускаясь по лестнице, Игорь Васильевич вспомнил озадаченное лицо Аристарха Антоновича и почему-то испытал от этого удовлетворение. «Пускай думает. Пускай ломает голову. Не узнать своего приятеля он не мог!» Ему было совсем не жаль Платонова. Уж очень вызывающее самодовольным показался ему этот старший инженер.

В машине Корнилов связался с управлением и попросил Бугаева выяснить, с кем будет встречаться сегодня вечером Аристарх Антонович.

— У этого Аристарха вся квартира иконами завешана. Не исключено, что у него с погибшим были не только общие автомобильные интересы.

8

В контору на Владимирском Лебедев опоздал. Там уже кончили работу. Ничего не оставалось, как ехать в управление и пытаться разыскать Петра Никитича Гулюкина через справочное бюро. «Не так, наверное, и много в Ленинграде Гулюкиных, да еще живущих в Гавани»,—решил Лебедев. В половине восьмого у старшего лейтенанта уже имелся точный адрес старика: Шкиперская улица, тридцать один, квартира один. «Небось, живет Никитич на первом этаже. Подниматься не надо,—с удовлетворением подумал он.—Отправлюсь к Гулюкину через полчаса, а пока загляну в буфет. А то на голодный желудок тяжело будет с пьяным стариком разговаривать». Лебедев вспомнил слова парня из мастерской о том, что Гулюкин запил.

Но все обернулось иначе. Лебедев еще доедал свою яичницу в буфете, когда динамик хрипло выдал:

— Старшего лейтенанта Лебедева к дежурному по городу.

Лебедев залпом выпил стакан чая и с сожалением бросил взгляд на аппетитную ватрушку, оставшуюся на тарелке.

— Говорят, вы сегодня мастерские металлоремонта объезжали?—спросил дежурный майор Загладин.

— Я, товарищ майор. Что случилось?

— Из Василеостровского управления позвонили, к ним старик какой-то пьяненький пришел. Говорит, был у него в мастерской сегодня краснощекий опер, про замок допытывался...

Лебедев густо покраснел и насулился.

— Так передали,—заметив это, сказал майор, пряча улыбку.—Вы, значит, были? Старик, похоже, хочет признание сделать. Поезжайте, я машину дам.

Петр Никитич сидел в комнате дежурного и что-то рассказывал лейтенанту и старшему сержанту. Судя по их улыбкам, что-то веселое. Да и сам был явно навеселе. Увидев Лебедева, старик показал на него рукой и сказал:

— Ну вот, явился—не запылился, а вы говорили. Поздоровавшись, старший лейтенант сел.

— Может, в пустой кабинет пойдете?—спросил лейтенант.

— Да зачем нам пустой кабинет!—запротестовал Гулюкин.—У нас с молодым человеком секретов нет.

«Ну и нахальный дед»,—подумал Лебедев, с обидой вспоминая, что тот окрестил его «краснощеким опером», но сказал весело, подыграв Гулюкину:

— Нету, нету секретов. Здесь поговорим с дедушкой.

— Петр Никитич—задушевный человек,—подмигнул Лебедеву лейтенант.—Столько нам рассказывал...

— Ты на меня обиду не держи, товарищ,—сказал Гулюкин Лебедеву.—Я дед занозистый. Люблю, когда со мной душевно, а ты забубнил, как репродуктор. Слышать тебя слышу, а не вижу. Не могу понять, что ты за человек.

Лебедев вздохнул. Чего он мелет?! В присутствии сотрудников из района. Но приходилось терпеть. Не зря же пришел дед в милицию.

— Я думал, ты насчет левой работы придираешься будешь. Ну бывает, бывает. Нам-то со старухой много не надо, а внукам хочется чего-нито прикупить красивое. Штаны вон американские двести рубчиков стоят, а глядеть не на что. Купил я внучке, она их мочить стала, чтоб сели, так восемь раз воду меняла—все линяли те штаны. Покрасить как следует не могут!—Дед развел руками и скорчил уморительную гримасу.—Такие вот дела, товарищ опер. Замок-то я делал. Может, и не вспомнил бы, да заказчик один ключ потерял—приходил через полгода, просил запасной выточить. Я и запомнил. Ну а после наших с тобой переговоров загрустил я. Думаю, ведь без дела не спрашивал бы. Поехал домой. Выпил. Это было, скрывать не стану. Загрустил еще боле. Ну прямо тоска заела. Со старухой поделился. У меня после семидесяти секретов от нее нет. Старуха и говорит: «Иди, Петя, в милицию, покаяйся. Больше десяти суток тебе не дадут за то, что нетверезый». Я и пошел. Старуха у меня умная, голова, что у министра.—Старик посмотрел на Лебедева. Глаза у него были добрые, беспомощные, чуть слезились.—Как на духу!

— Заказчика вы запомнили?

— А как же! По всей форме. Молодой, красивый. Зовут Олегом.

У Лебедева радостно екнуло сердце.

— Ну а фамилию?

Старик виновато мотнул головой:

— То-то и оно. Я ему левый заказ делал, квитанций не писал, фамилий не спрашивал. Да на такие сложные замки у нас и расценок нет!

— Эх!—не сдержав разочарования, выдохнул старший лейтенант.

— Если хочешь, могу дом показать,—сказал старик.—Это я помню. Штаны-то американские Олег мне продал. Я с ним поделился внучкиными заботами, а он говорит: «Садись в «Жигуль», заведем ко мне—буду твоей внучке клевые штаны». Фартовые то есть. Какой-то там супер.

— Помните адрес?

— Сказать не могу, а на глаз—можно. Гдей-то в Парголово. Я еще заметил; у него в саду яблоки осыпавши и никто не собирает.

— Поехали, Петр Никитич,—вскочил Лебедев.—Так меня выручите!

— Сорок рублей и бутылка,—дурашливо сказал старик.—Бутылка сейчас!—и подмигнул Лебедеву.

Лейтенант и старший сержант засмеялись.

Заметив, что Лебедев нахмурился, Гулюкин улыбнулся и встал.

— Не бери в голову, молодой человек. Это у меня присказка такая. Сказка будет впереди. Поехали, поехали. Хотя башка моя болит от дум и разговоров! Ой, болит—словно у меня там трамваи ездят. Где бы хоть пивка выпить?

— Выпьем, Петр Никитич, выпьем. Только дом покажете—найдем пиво.

9

Бугаев остановил машину за Зверинской наискосок от большого, недавно покрашенного в красивый шоколадный цвет дома, где жил Аристарх Антонович Платонов. На улице было тихо и пустынно. Только на скамейке рядом с маленьким садиком вели неторопливую, нескончаемую беседу четыре старухи. У кафе, привязанный к ограждению витрины, сидел, склонив голову набок, щенок-эрдельтерьер. Наверное, он дожидался своего хозяина уже давно, потому что радостно кидался навстречу каждому выходящему из кафе, а потом разочарованно поскуливал. Близость кафе навела капитана на мысль о том, что сегодня он рискует остаться без ужина. Семен достал из «бардачка» полиэтиленовый пакет и, закрыв машину, пошел в кафе. Эрдельтерьер с надеждой посмотрел на него.

В пустом зале высокая, стройная девушка в вельветовых брючках и кожаной куртке о чем-то шепталась с молодой буфетчицей. Бугаев взял из вазы, стоящей на прилавке, две сдобные булочки и спросил у девушки:

— Это не ваша собачка была привязана у дверей? Девушка резко обернулась. Глаза у нее были большие, голубые, чуть испуганные.

— Почему это была?

— Собачка ушла в неизвестном направлении.

— Ой, Галка!—вскрикнула девушка.—Микки опять обгрыз поводок!—и побежала к выходу.

— Галя,—сказал, подавая буфетнице рубль, Бугаев,—получите за две сдобные. А Микки на месте. Мне просто стало его жаль.

Буфетчица улыбнулась. В это время вернулась ее приятельница.

— Это что, новый способ знакомиться?—строго спросила она Бугаева.

— Старый. Совсем старый,—усмехнулся Семен. Девушка ему была симпатична, и он чувствовал, по

чуть дрогнувшим уголкам ее губ догадался, что она готова простить ему шутку. На улице Бугаев остановился перед эрделем, отломил кусочек булочки и положил рядом. Но пес, не обратив внимания на еду, проникновенно смотрел на Семена и жалобно скулил.

— Суровая у тебя хозяйка,—сказал капитан.

Он сел в машину, опустил стекло и внимательно осмотрел дом; в котором жил Платонов. В окнах его квартиры на третьем этаже горел свет. В окошке рядом была вывешена авоська с крупными красными яблоками. Бугаев вытал из куля мягкую, ароматную булочку и, откусив, обернулся на эрделя. Укоризненно покачал головой. Такой булочкой пренебрег!

Из подъезда вышел мужчина с маленьким чемоданом в руке, посмотрел на часы и прыгающей походкой пошел в сторону улицы Горького. Бугаев с аппетитом уплетал булочку, рассеянно смотрел ему вслед. Его интересовал совсем другой мужчина—«коренастый шатен с выражением на лице». Да уж, умел подполковник Корнилов, не вдаваясь в долгие объяснения насчет цвета глаз и формы подбородка, дать словесный портрет человека, словно припечатать. Бугаев хорошо усвоил его характеристики, научился видеть людей глазами Корнилова и никогда не ошибался.

Радостно твкнул пес. «Дождь свою хозяйку»,—подумал Семен и взглянул в сторону кафе. Эрдель радостно прыгал вокруг девушки. Девушка заметила Бугаева, улыбнулась и, наверное, тут же осудив себя за проявленное мягкосердечие, насулилась и гордо прошагала мимо.

— Микки!—позвал Бугаев. Эрдель обернулся и натянул поводок. Девушка сердито посмотрела на Бугаева.

— Я хотел его подкормить,—смирным голосом сказал Семен, вылезая из машины.—А он у вас привереда. Ему, наверное, колбасу подавай. А колбасы я и сам бы съел.

— На колбасу у вас денег не хватает?—сказала девушка.—Все на машину потратили?

— Конечно! Бензин-то нынче дорогой.—Бугаеву хотелось подольше задержать девушку. Поговорить с ней. Так было полезно и для дела. Кому придет в голову, что любезничающий с девушкой мужчина торчит здесь по службе.

Девушка помедлила, внимательно глядя на Бугаева, потом, словно решившись, вынула из сумки пакет молока.

— Запейте,—она протянула пакет Семену.—Или вы молоко не употребляете?

— Употребляю,—весело отозвался Бугаев и тут увидел, что из подъезда вышел Аристарх Антонович. Шатен он или нет, капитан не разобрал—на голове Платонова красовалась светло-серая шляпа, но по сосредоточенному, смятому волевой гримасой лицу, по всему облику Бугаев понял, что не обознался.

— Если вы еще и улыбнетесь,—сказал капитан девушке,—я буду считать сегодняшней ужин самым счастливым.

Девушка не выдержала и улыбнулась. «Какая у нее добрая улыбка»,—отметил Семен.

Платонов уверенной, самодовольной походкой подошел к красным «Жигулям», достал из кармана светлого плаща ключи и открыл дверцу. Прежде чем сесть в машину, он оглянулся по сторонам. По тому, как он это проделал, Бугаев понял, что у Аристарха Антоновича оглядывание—обычный ритуал самодовольного человека: «Я сажусь в свои новенькие «Жигули». Видят ли это прохожие?»

Он заметил девушку и поклонился ей. А она ответила на приветствие небрежным взмахом руки. «Э-э, да они знакомы»,—отметил капитан, еще не представляя, хорошо это или плохо и как такой факт можно будет использовать в будущем.

— Не предлагаю вас довезти до дому, потому, что за молоком не ездят из другого района,—сказал Бугаев девушке, внимательно следя за тем, как Платонов усаживается в машину, вставляет зеркало.—За угощение спасибо. Завтра я верну шестипроцентным... Вашей подруге Гале. И у нее узнаю ваш телефон.

Бугаев сел в машину, включил зажигание и, отпустив метров на двести вперед красные «Жигули» Платонова, двинулся следом. Девушка и эрдель с недоумением смотрели на отъезжающий автомобиль.

Платонов ехал не спеша, соблюдая все правила. Бугаеву даже показалось, что при виде инспекторов ГАИ он сбавляет скорость. Они проехали Большой проспект, свернули на Кировский. Машин было уже немного, и капитан, чтобы Аристарх Антонович не заподозрил недоброе, отпустил его довольно далеко вперед. На Каменном острове Платонов остановился у телефонной будки. Проехав чуть вперед, затормозил и Бугаев, следя в зеркало заднего вида, как Аристарх Антонович названивает по телефону. Или нужный номер был долго занят, или Платонов долго говорил—ждать пришлось порядочно. А когда Аристарх Антонович, выйдя из будки, подошел к своим «Жигулям», его ожидал инспектор ГАИ. «Чего он там нарушил!—с неудовольствием подумал Семен.—Такой дисциплинированный водитель». Платонов что-то

долго объяснял инспектору, смешно жестикулируя, пока инспектор не отвел его шагов на двадцать назад и не показал на какой-то знак. «Стоянка запрещена», — догадался Бугаев. — Сейчас и до меня очередь дойдет». Искушать судьбу он не стал и, пока Платонов платил штраф, отъехал, поджидая его за Ушаковским мостом.

Когда, проехав проспект Энгельса, они миновали Поклонную гору, капитан забеспокоился. Похоже было, что Аристарх Антонович собрался на ночь глядя за город, а у Бугаева было меньше чем полбака бензина. Но в Парголово Платонов свернул с шоссе на тихую зеленую улицу. Выждав немного и выключив огни, свернул и Семен. Габаритные огоньки платоновского автомобиля виднелись уже в конце улицы. Зажглись красные тормозные. Похоже было на то, что Аристарх Антонович прибыл на место. Бугаев тоже остановился, чуть не завернув в канаву, осторожно закрыл дверцу и легко побежал по тропинке туда, где только что светились огни автомобиля. Было совсем темно. Лишь редкие неяркие фонари высвечивали неровную, заросшую травой дорогу. Прохожих не было. Не доходя до машины, Бугаев остановился и прислушался. Шагов не было слышно.

«Что же он, решил в машине заночевать? — подумал Семен. — Или уже зашел в дом?». Но, приглядевшись как следует, Бугаев заметил, что Платонов поставил машину там, где никакого дома не было. Напротив пожарного водоема. Капитан решил не торопиться: «Не увидел, куда зашел, увижу, откуда выйдет, а так спугнуть можно». Но в это время осторожно открылась дверь «Жигулей» и так же осторожно закрылась. Слышно было, как царапнули по металлу ключи, но сразу попал в замочную скважину. Потом послышались шаги. Бугаев тихо двинулся следом. Около одного из фонарей он разглядел Платонова. Тот шел спокойной, уверенной походкой, держа в руке довольно большой «дипломат», тускло поблескивающий металлической окантовкой.

Мягко пружинила под ногами земля. Трава уже стала мокрой от росы. Легкий ветерок наносил из садов одуряющий запах цветущего табака и еще каких-то сладких пахнущих цветов. Неожиданно Платонов остановился. Замер и Бугаев. Аристарх Антонович стоял минуты две, очевидно, прислушивался. Потом Бугаев услышал шорох, негромкое дребезжание постукивание — наверное, Платонов подергал калитку. Семен придвинулся поближе — чтобы не пропустить, куда он пойдет. Теперь он различал темный силуэт Платонова, припавшего к забору и пытавшегося что-то сделать с замком. Похоже, что калитка никак не открывалась. Аристарх Антонович поднял над забором свой «дипломат». Бугаев услышал, как, скользя по кустам, чемоданчик глухо ударился о землю. Громко сопя, Платонов сам полез через ограду. Семен затаился, ожидая, что штaketник обломится, но Аристарх Антонович ухитрился ничего не сломать и, грузно перевалившись через забор, стал шарить в кустах, отыскивая «дипломат». Потом, судя по шелесту кустов, он пошел в направлении к темневшему в глубине дому. Ни одного огонька не светилось в его окнах.

Бугаев осторожно подошел к калитке и с трудом прочитал на проржавевшем номерном знаке: «Озерная ул., дом 6». Рядом висел почтовый ящик, в котором белели газеты.

Собственно говоря, делать здесь Бугаеву было больше нечего. Он выполнил задание подполковника, выяснил, куда отправился на ночь глядя заинтересовавший уголовного розыск Аристарх Антонович Платонов. Но сомнительный способ, с помощью которого Аристарх Антонович проник на дачу, весьма заинтересовал капитана. «Тут что-то не то! — подумал он. — К себе на дачу люди через забор не лазают!» Он прошелся вдоль забора, слегка подергав штaketины. В одном месте они свободно раздвинулись, открыв лаз, которым, наверное, пользовались местные мальчишки. «Могли бы, Аристарх Антонович, и поберечь свои штаны, не лазать через забор», — ухмыльнулся Бугаев. Его так и подмывало нырнуть в сад и проверить, чем там занят его подопечный, но это уже было нарушением закона. А если дача принадлежит самому Платонову и он просто забыл дома ключи? Но и уехать капитан не мог. Чтобы не маячить у забора, он перешел на другую улицу.

Отсюда дом, куда вошел Платонов, был виден гораздо лучше — не мешали кусты, разросшиеся вдоль забора. Окна в доме были по-прежнему темные, но через несколько минут где-то в глубине затеплился свет, похоже было, что зажгли его в прихожей, и он еле виднелся сквозь приоткрытую дверь. На мгновение света стало больше, в дверном проеме мелькнула фигура человека, и дверь плотно прикрыли. «Наверное, задернет занавески», — подумал Бугаев и не ошибся: скоро в двух окнах появились слабые отблески, пробивающиеся сквозь узкие щели плотных штор.

И тут Бугаев услышал шум приближающейся автомашины. Яркий свет фар высветил все колдобины и

лужи на дороге. Недалеко от того места, где стоял капитан, машина остановилась. Хлопнули дверцы.

— Где-то здесь, — сказал мужской старческий голос. — Темно-то как, не могли уж до утра подождать. — Ничего, Петр Никитич, — успокоил молодой, звонкий голос. — Сейчас пройдемся, вы и вспомните. Голос этот Бугаеву был хорошо знаком.

«Володька Лебедев! — удивился капитан. — Чего он тут делает?» Семен перепрыгнул через канаву и кинулся к машине.

— Лебедев! — тихо позвал он.
— Я, — отозвался молодой голос. — Кто здесь?
— Да не ори ты! — одернул Бугаев.
— Семен, ты? — узнал старший лейтенант.

Бугаев подошел к машине и сказал шоферу, выглядывавшему через опущенное стекло:

— Свет выруби.
Улица погрузилась во мрак.
— Вы чего приехали? — спросил Семен у Лебедева.
— Петр Никитич ключ опознал, — прошептал Лебедев. — От дома погубшего.

— Значит, сошлось. Платонов туда залез.
— Какой?

— Аристарх. Ну что ж, теперь нам сам бог велел. Сажай своего Никитича в машину. Пусть сидит тихо и не вылезает, — скомандовал капитан.

— А дом? — удивился старик. — Дом будем искать?
— Садитесь и сидите молча. И не курить! — В голосе Бугаева старик почувствовал неоспоримую власть и, не проронив больше ни слова, полез в машину. Бугаев тихонько притворил за ним дверь.
— Давай за мной, — сказал он Лебедеву. Перескочив через канаву, они подошли к забору. Семен нащел лаз и нырнул в него.

В боковом окне щель между шторами была побольше. Схватившись руками за наличник, Бугаев залез на уступ фундамента. Лебедев поддерживал его сзади.

Комната была большая, плохо освещенная. Скорее всего Платонов включил только настольную лампу. Сам он стоял около стены, завешанной иконами, и, держа в руках, рассматривал одну из них. Потом потянулся вверх и повесил ее на место. И тут же снял другую. Перевернув, он внимательно посмотрел на обратную сторону. Бугаеву даже показалось, что Платонов ласково провел по ней рукой. Эту икону Аристарх Антонович осторожно поставил на пол. Семен заметил, что так уже стоят несколько икон.

Аристарх Антонович между тем прошелся вдоль стены, внимательно разглядывая иконы. Наверное, он что-то искал и не мог найти, потому что, скрывшись на несколько секунд из поля зрения капитана, появился, держа в руке маленькую настольную лампу, и стал светить на иконы. Косые лучи прыгали по стене, и казалось, что святые ожили: выражения их лиц судорожно менялись в игре света и тени. Наконец, Платонов снял еще одну икону и поставил лампу на место. Потом принес «дипломат» и спрятал туда иконы.

«Наверное, сейчас будет уходить, — подумал капитан. — Тут мы и возьмем его с полицным. Надо же, ведь самый настоящий ворюга!» Он тронул Лебедева за плечо и осторожно слез на землю.

— Будем брать на выходе. А то скажет, что залез из чистого любопытства, — проментал Семен старшему лейтенанту. — Он тут крупно прибахриллся.

Инспектора затаились у крыльца, но в доме по-прежнему была тишина.

— Что он там, спать улегся? — сердито шепнул Бугаев и снова прилачился к окну.

Аристарх Антонович, открыв дверцу бара, наливал в стакан коньяк. Плеснув до половины, он посмотрел на стакан, смешно оттопырив губы, и долил еще.

«Вот живоглот! — подумал Семен, глядя, как Платонов с удовольствием отпил из стакана. — И коньяк-то марочный выбрал!» Платонов поставил пустой стакан в бар, внимательно оглядел его, взял три пачки сигарет — Бугаев не разглядел марку — и закрыл бар. Потом, словно спохватившись, снова открыл и, вынув из кармана носовой платок, тщательно обтер им бутылку, стакан, потом дверцу бара. Бугаев прыгнул и подошел к Лебедеву, присевшему на крыльце.

— Чего там? — спросил старший лейтенант.
— Цирк, да и только. Сейчас будет весь дом новым платком обтирать.

Но огонь в окне погас, негромко стукнула дверь в глубине дома. Платонов, неслышно ступая, появился на крыльце. Со света он не заметил сотрудников и, повернувшись к ним спиной, прикрыл дверь и сунул ключ в замок...

— Гражданин Платонов! — строго сказал Бугаев.
— А-а-ай! — дернулся Аристарх Антонович, словно ужаленный, и, пригнувшись, кинулся от дверей, угодив Лебедеву головой в живот. Каким-то чудом Володя удержался, а Платонов свалился с крыльца, ломая кусты.

Продолжение следует.

К ЧИТАТЕЛЯМ
И ДРУЗЬЯМ «СМЕНЫ»

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Стало традицией в каждом номере «Смены» отчитываться перед читателями о том, как идет сбор книг для детской библиотеки, строящейся в Новом Уренгое. К двадцатому декабрю библиотека уже получила от наших читателей около 10000 книг.

Редакция уже отправила большую посылку книг для «золотого фонда» библиотеки. Щедрые писательские подарки детям поступают к нам ежедневно. Вот имена тех писателей и поэтов, которые прислали свои книги.

Юрий Аннинков, Сергей Гребенников, Николай Добронравов, Елена Благодина, Теодор Гладков, Виталий Игнатенко, Сергей Иванов, Анатолий Мошковский, Валерий Медведев, Андрей Некрасов, Юрий Овсянников, Владимир Порудоминский, Валентина Путилина, Лев Разгон, Николай Самвелли, Николай Старжинский, Лев Сорокин, Наталья Туманова, Олег Тихомиров, Валdim Чернышов.

Сердечные слова любви, добрых пожеланий обращают авторы книг в автографах своим будущим юным читателям-северянам. «Детям Уренгоя с надеждой на то, что они понесут в жизнь свет и добро», — написала Елена Александровна Благодина, автор горячо любимых детьми стихотворений, навсегда вошедших в жизнь, как мамин голос, как песни и сказки детства. Как будто специально для ребятшек Тюменщины написано давнее ее стихотворение.

*Хрустит за окошком Уж очень он ярок,
Морозный денек. Уж очень хорои,
Стоит на окошке Уж очень на мамину
Цветок-отонек. Сказку позож!*

Детская писательница Валентина Путилина напутствует маленьких читателей: «Здравствуйте, дорогие дети Уренгоя! Как далек ваш край и как суров! Пусть же летят к вам аисты из этой книги, чтобы напомнить: весна не за горами. Пройдут холода, вернутся птицы из дальних стран, зацветут цветы. От всего сердца желаю вам, дорогие северные, тепла, радости и счастья! Растите добрыми, умелыми, мужественными. Вам есть у кого учиться: герои живут рядом».

Писатель Сергей Иванов пожелал: «Ребятам Нового Уренгоя быстрее и решительней расти».

Редакция благодарит всех писателей, приславших свои книги для Уренгойской библиотеки.

Студенты глазовского педагогического института Удмуртской АССР прислали следующую телеграмму: «Собрали и отправили детям Уренгоя 770 книг. Обращаемся к будущим учителям и студентам пединститутов: подарим Уренгою детскую библиотеку».

Назовем имена читателей, быстро откликнувшихся на призыв «Смены»: Сергей Горбачев из Кемерово, М. Горнова, Алеша Дмитриченко, Саша Коган, Н. Алещенко, Б. Корнеев из Москвы, Л. и О. Докучаевы из Ухты Коми АССР, Алла Филанко из Йошкар-Олы Марийской АССР, сотрудники библиотеки № 9 из Кадуги, студентка Н. Несчастливая из Нижнеудинска Иркутской обл., почтальон Ф. Степанцева из г. Камбарка Удмуртской АССР, Р. Кравченко из Кемерово, Н. Булашева из Ухты, И. Белыева из Воронежа, ученик 3-го класса Саша Шатино из Казани, Людмила Филиппова из пос. Переметное Уральской обл., Анатолий Иванов из Ереста, И. Ковалева из г. Колпино Ленинградской обл., Вера Коробейникова из Воткинска Удмуртской АССР, семья Савченко из Петропавловска-Камчатского. Книжки просим посылать по адресу:

626718
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ГОРОД НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ.

Рисунок ЮНАКА

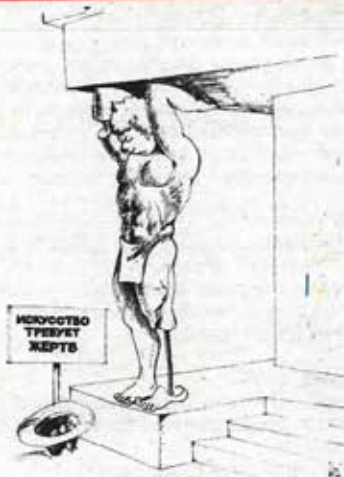

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

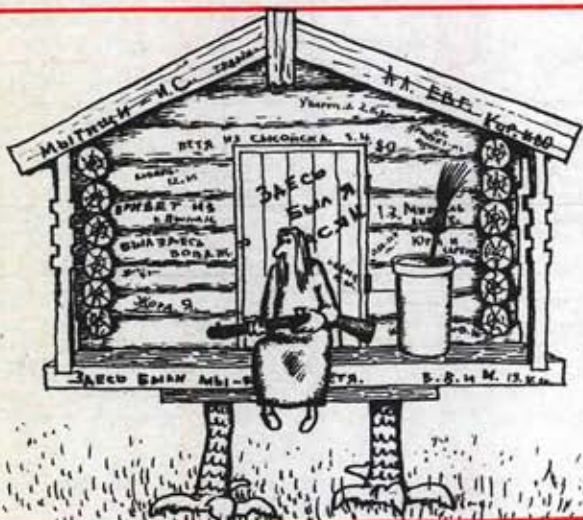
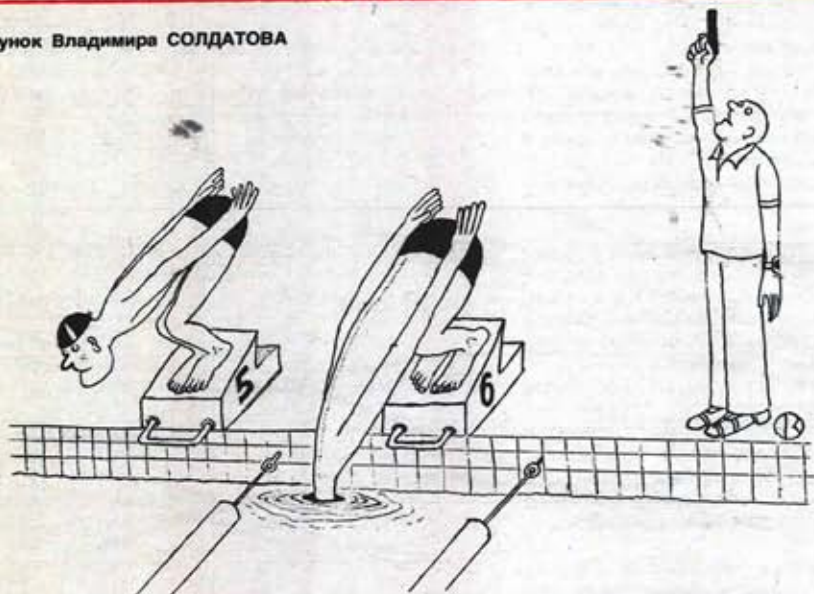

Рисунок Руслана КОРОТАЕВА

Рисунок Петра ВОЗНЕСЕНСКОГО

Во!

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см. в № 1 журнала)

Второй тур

Мат в два хода (1 балл).

Ход черных. Каким путем они могут достичь «ничейной гавани»? (2 балла).

III

«Фирменное» задание сменных шахматных олимпиад — организация и проведение классификационного турнира на получение спортивного разряда. За выполнение этого задания участнику олимпиады присуждается 10 баллов. Турнир может быть проведен в любом коллективе — на предприятии, в учреждении, в колхозе или совхозе, в воинской части, в учебном заведении и т. д. Минимальное число играющих — 6 человек. В случае, если соревноваться будут от 6 до 10 шахматистов, играть они должны в два круга, то есть друг с другом по две партии. При 11—21 участниках они встречаются между собой по одному разу. Когда число желающих выступить в турнире превысит 21, необходимо разбить их на две или несколько групп. Организатор вправе играть и сам, если у него нет никакого разряда по шахматам.

По окончании турнира следует на обычном листе белой бумаги

аккуратно начертить итоговую таблицу, в которой участники располагаются в порядке занятых ими мест (при равенстве очков — по алфавиту). Таблица эта заверяется организатором соревнования и руководителем коллектива, где проводился турнир, а также печатью. Нужно сообщить краткие данные (фамилия, имя, отчество, год рождения, место работы или учебы и адрес) об участниках, набравших 60 процентов и более от максимально возможного количества очков. Если шахматист претендует на получение не начального (четвертого), а третьего или второго разряда, то к таблице необходимо приложить записи всех сыгранных им в данном турнире партий. Так же должен поступить участник, не набравший классификационного норматива, но желающий получить хотя бы четвертый разряд.

Всем товарищам, кому будет присужден тот или иной спортивный разряд, редакция вышлет соответствующие справки, которые подлежат обмену на классификационные билеты единого образца в шахматной федерации по месту работы или жительства.

Лучшие популяризаторы шахмат — участники олимпиады, которые вовлекут в проведенные ими турниры наибольшее число играющих, будут отмечены.

Как было обусловлено при открытии этого заочного соревнования, тем читателям, кто по каким-либо причинам, к сожалению, не сможет провести турнир, предлагается компенсирующее задание — комментирование шахматной партии. В этих комментариях основной текст ходов дается в полной шахматной нотации, а примечания — с красной строки в сокращенной нотации.

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 d7—d6 5. c2—c4 Cc8—g4 6. Kb1—c3 Kg8—f6 7. d2—d3 Kf6—d7 8. h2—h3 Cg4—f3 9. Fd1—f3 Kd7—c5 10. Ca4—d1 Kc6—b4 11. 0—0 Kb4—d3 12. Cc1—e3 Kc5—e6 13. Cd1—a4+ c7—c6 14. b2—b4 Fd8—f6 15. Ff3—d1 Kd3—b2 16. Fd1—c2 Kb2—a4 17. Fc2—a4 Ff6—d8 18. La1—d1 Cf8—e7 19. c4—c5 0—0 20. c5:d6 Cc7:d6 21. Ce3—c5 Ke6—d4 22. Cc5:d4 e5:d4 23. Kc3—e2 d4—d3 24. Ke2—c1 d3—d2 25. Kc1—b3 b7—b5 26. Fa4—a3 Fd8—e7 27. Kb3:d2 a6—a5 28. Fa3—c3 Lf8—c8 29. b4:a5 Cd6—b4 30. Fc3—c2 Cb4:a5 31. Kd2—b3 Ca5—b6 32. Kb3—d4 Fe7—c5 33. Fc2—b2 Fc5—e5 34. Fb2—a1 Fe5:e4 35. Lf1—e1 Cb6:d4 36. Ld1:d4 Fe4—c2 37. Ld4—g4 g7—g6 38. a2—a3 Lc8—e8 39. Le1—e5 Le8:e5 40. Fa1:e5 Fc2—c1+ 41. Kpg1—h2 Fc1:a3 42. Fe5—c7 Fa3—c5, и судейская коллегия присудила черным выигрыш.

Запомните, пожалуйста, что ответ на каждое из первых двух заданий этого тура нужно присылать в адрес нашей редакции на отдельной открытке (без конвертов) в сокращенной нотации. Срок отправки решений — 10 апреля 1981 года. Письма с таблицами турниров или комментариями можно доставлять до 31 мая. На лицевой стороне почтового отправления вверху слева обязательно делайте пометку «23-я шахматная олимпиада «Смены», тур второй» и четко указывайте свой олимпиадный регистрационный номер, который вы получили в январе-марте.

**Музыка Алексея ЭКИМЯНА
Стихи Аллы РУСТАЙКИС**

*Я еще не успела испытать свою осень,
А уже снегопад сторожит у ворот.
Он надежды мои, как дороги, заносит
И грозит заставить надо мной небосвод.*

Припев:

*Снегопад, снегопад, не мети мне на косы,
Не стучись в мою дверь, у ворот не кружи.
Снегопад, снегопад, если женщина просит,
Бабые лето ее торопить не спешит.*

*Не спешит, снегопад, я еще не готова,
Ты еще не успел мою душу смутить.
Незлеченую боль лебединого слова
Не тебе, а ему я хочу посвятить...*

Припев:

*Я еще разобьюсь о твою неизбежность,
Голубая метель запорошит мой дом.
Я прошу, снегопад, не заснежь мою нежность,
Не касайся любви ледянящим крылом.*

Припев:

СНЕГОПАД

К Р О С С В О Р Д

Составил М. АФАНАСЬЕВ,
Рязань

По горизонтали:

1. Певца, народная артистка СССР.
4. Народный танец.
7. Способ обработки металла давлением.
9. Советский космонавт.
10. Декоративное луковичное растение, цветок.
11. Черноморский курорт.
12. Существенное, неотъемлемое свойство предмета, явления.
13. Испанский живописец XVII века.
14. Жидкость, применяемая для приготовления масляных красок.
15. Озеро в Казахстане.
16. Рельефная кладка, облицовка стен сооружения камнями.
17. Город в Нигерии.
18. Столица Кипра.
22. Декоративное травянистое растение, цветок.
26. Хлопчатобумажная ткань.
27. Вид спортивных состязаний.
29. Вулканиче-

- ский массив в Крыму.
31. Охотничье ружье, укороченная винтовка.
33. Инструмент для нанесения наружной резьбы.
34. Виртуозная музыкальная пьеса.
36. Один из героев романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».
38. Русский народный инструмент.
39. Город в Сербии.
40. Бобовое лекарственное растение.
41. Прядельная норма, установленная суша затрат.
42. Венгерский живописец XIX века.
43. Рассказ А. П. Чехова.
44. Деталь зубчатого механизма для передачи вращения.
45. Животное семейства дельфиновых.
46. Сатирический журнал, издаваемый в XVIII веке Н. И. Новиковым.

По вертикали:

1. Действующее лицо повести Н. В. Гоголя «Шинель».
2. Раздел механики.
3. Участок водной поверхности в пределах порта.
4. Судно с двумя корпусами.
5. Музыкант.
6. Согласованное одновременное сочетание музыкальных звуков.
8. Одна из малых планет Солнечной системы.
19. Приток Навы.
20. Музыкально-драматическое произведение.
21. Первая общерусская марксистская нелегальная газета.
23. Цветок.
24. Знак, обозна-

- чающий число.
25. Единица времени.
28. Народный художник СССР, автор картины «Ленин на трибуне».
29. Подземная галерея.
30. Древняя славянская азбука.
31. Стихотворение Н. А. Некрасова.
32. Типографский шрифт.
35. Первая русская революционная газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.
37. Лицо, имеющее документ на право посещения в течение определенного срока театра, библиотеки.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1**

По горизонтали:

7. Пародист.
8. Лабрадор.
9. Арфа.
10. Маком.
12. «Юный».
13. Дивертисмент.
14. Удочка.
16. Крушина.
17. Антена.
18. Крючков.
20. Паприка.
22. Негрос.
23. Скороговорка.
25. «Алеко».
26. Алмаз.
27. Ирис.
28. «Соперник».
29. Кинескоп.

По вертикали:

1. Запасник.
2. «Город».
3. Ставрида.
4. Классика.
5. Фагот.
6. Бобылиха.
11. Мирошниченко.
12. Инсценировка.
14. Унисон.
15. Ананас.
18. Котильон.
19. Вероника.
20. Подвеска.
21. Атанасов.
23. Сквер.
24. Алиса.

Между лугов и лесов Полтавщины голубой лентой вьется красавица Ворскла. На правом берегу реки привольно раскинулся поселок Опoшня. Особая гордость опoшнян — глиняная посуда.

Из рода в род передавали мастера свои секреты. Свообразными смотрами гончарного искусства были знаменитые сорочинские ярмарки, красочно описанные Николаем Васильевичем Гоголем. Работы мастеров из Опoшни привлекали покупателей совершенством формы, яркостью красок.

Уже тогда, в гоголевское время, Опoшня была центром полтавского гончарства. Отсюда керамические изделия расходились по всей России.

В конце прошлого и в начале нынешнего века на многочисленных кустарных выставках самобытное искусство мастеров Федора Червинка, Василия Поросного, Ефима Резника, Остапа Ночевни-

МНОГОГРАНЕН ТАЛАНТ ОПОШНЯНСКИХ МАСТЕРОВ. НЕТ НИ ОДНОГО ВИДА ГОНЧАРНОГО ИСКУССТВА, В КОТОРОМ БЫ ОНИ НЕ СОЗДАЛИ ИЗДЕЛИЙ, ВЫЗЫВАЮЩИХ ИСКРЕННЕЕ ВОСХИЩЕНИЕ.

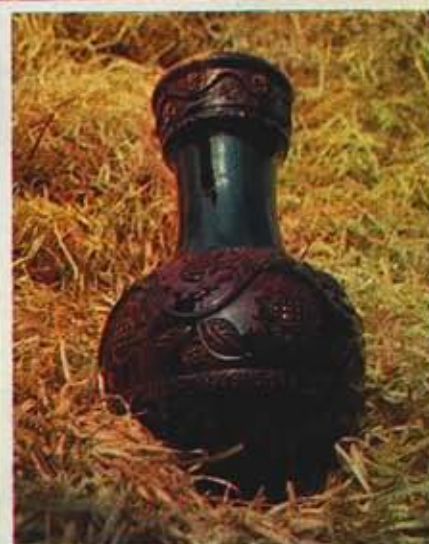
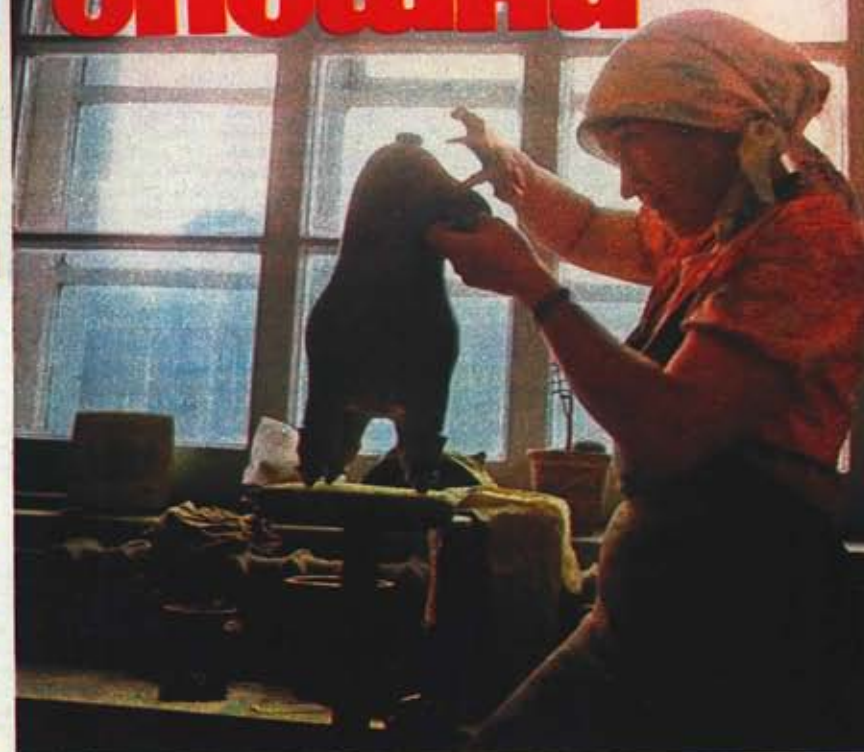
ка и других неоднократно отмечалось медалями.

В советские годы из многочисленных кустарных производств выросло современное промышленное предприятие — хорошо оборудованное, с механизацией трудоемких процессов.

Наблюдая за работой гончара, всегда волнуешься: ведь это чудо — из бесформенного куска глины рождается тонкостенная ваза! Потом руки художника расписывают ее. На округлых боках появляются подсолнечники, тюльпаны. А миски украшаются орнаментом, гроздьями винограда, цветами. Трафаретов нет. Обычно художники работают без предварительных эскизов. Затем посуду обжигают, поливают прозрачной глазурью и опять ставят в печь. Только после этого она засияет переливами красок.

ЩЕДРОСТЬ ДРЕВНЕЙ ОПОШНИ

Василий Бияляк — он делает кольцеобразные куманцы и баклаги — продолжатель традиций известного опoшнянского гончара Иосифа Коломийца. Мастера младшего поколения — Мария Боярчук, Мария Бондаренко, Александра Острянина — создают выразительные орнаментальные композиции. Кроме кувшинов, макитр, мисок, барил, баклаг и куманцов, в Опoшне изготавливают фигурную посуду, жанровую скульптуру, в которой оживают сказочные персонажи, звери и птицы...

Яркая, красочная керамика из Опoшни украшает не только наш быт, но и многие коллекции музеев нашей страны. Благодарная профессия у опoшнянских мастеров — дарить людям радость.

**Иван ШЕВЧЕНКО.
Фото Анатолия ИОЛИСА**